

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

2 (02) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Н. Николаев, д. б. н.

Заместитель главного редактора:

П. В. Сивцева-Максимова, д. филол.н.

Выпускающий редактор

С. Д. Дарбасова, к. пед. н.

Члены редакционной коллегии:

Т. Аргунова-Лоу, доктор философии, Абердинский Университет, Великобритания

В. А. Бигуаа, д. филол. н., в. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. А. Бурцев, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Каффи Наоми, доктор философии, доцент, Рид Колледж, Портленд, США

Б. Т. Койчув, д. филол. н., профессор, Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

Р. Г. Кулиева, д. филол. н., профессор, Бакинский славянский университет, Азербайджан

М. Ф. Надъярных, к. филол. н., с. н. с., ИМЛИ РАН, Российская Федерация

Ю. Б. Орлицкий, д. филол. н., в. н. с., Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация

П. А. Слепцов, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

К. К. Султанов, д. филол. н., профессор, ИМЛИ РАН, Российская Федерация

А. Т. Хамраев, д. филол. н., профессор, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Национальная Академия наук Республики Казахстан

К. К. Бауаев, д. филол. н., доцент, Кабардино-балкарский государственный университет, Российская Федерация

Ж. В. Бурцева, к. филол. н., с. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. П. Григорьева, к. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. И. Данилова, д. филол. н., г. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

У. А. Донгак, к. филол. н., с. н. с., Тувинский институт гуманитарных исследований, Российская Федерация

Л. С. Ефимова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. В. Илларионов, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

С. С. Имхелова, д. филол. н., профессор, Бурятский государственный университет, Российская Федерация

И. А. Керимов, д. филол. н., профессор, Институт крымско-татарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Российская Федерация

Г. С. Кунафин, д. филол. н., профессор, Башкирский государственный университет, Российская Федерация

С. О. Курьянов, д. филол. н., доцент, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Н. С. Майнагашева, к. филол. н., с. н. с., Хакасский НИИ языка, литературы и истории, Российская Федерация

О. А. Мельничук, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

В. Д. Михайлов, д. филос. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, Российская Федерация

М. Х. Надергулов, д. филол. н., г. н. с., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Российская Федерация

В. Б. Огорокова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Н. В. Покатилова, д. филол. н., профессор, ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

Л. Н. Романова, к. филол. н., в. н. с., ИГиИПМНС СО РАН, Российская Федерация

В. Г. Семенова, д. филол. н., доцент, СВФУ, Российская Федерация

Ю. Г. Хазанкович, д. филол. н., профессор, СВФУ, Российская Федерация

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 228

Тел./факс: +7 (4112) 49-67-54

Северо-Восточный федеральный университет

<http://litteraesvfu.ru>

Academic periodical

Online edition

Published since 2021

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

2 (02) 2021

EDITORIAL BOARD

Head editor

A. B. Nikolaev, Doctor of Biological Sciences

Deputy chief editor:

P. V. Sivtseva-Maksimova, Doctor of Philology Sciences

Issuing Editor:

S. D. Darbasova, Ph.D. in Pedagogy

Members of the editorial board:

T. Argounova-Low, Ph.D. in Anthropology, University of Aberdeen, UK

V. A. Biguaa, Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS, Moscow

A. A. Burtsev, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Kaffi Naomi, Ph.D., Associate Professor, Reed College, Portland, USA

B. T. Koichuev, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

R. H. Kuliyeva, Doctor of Philology, Professor, Baku Slavic University, Azerbaijan

M. F. Nadyarnykh, PhD in Philology, Senior Researcher, IMLI RAS, Moscow

Y. B. Orbitskiy, Doctor of Philology, Leading Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow

P. A. Sleptsov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Sector of lexicography of the Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

K. K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, IMLI RAN, Moscow

A. T. Khamraev, Doctor of Philology, Professor, Institute of Literature and Art named after M.O. Auezov, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

K. K. Bauaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Zh. V. Burtseva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Institute of Philology and Social Sciences, SB RAS, Russian Federation

L. P. Grigorieva, Ph.D. in Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. I. Danilova, Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

U. A. Dongak, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Tuvan Institute for Humanitarian Research, Russian Federation

L. S. Efimova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. V. Illarionov, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

S. S. Imikhelova, Doctor of Philology, Professor, Buryat State University, Russian Federation

I. A. Kerimov, Doctor of Philology, Professor, Institute of Crimean Tatar Philology of History and Culture of Crimean Ethnic Groups, Russian Federation

G. S. Kunafin, Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Russian Federation

S. O. Kuryanov, Doctor of Philology, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russian Federation

N. S. Mainagashveva, Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russian Federation

O. A. Melnichuk, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

V. D. Mikhailov, Doctor of Philosophy, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

L. Kh. Mukhametzyanova, Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov ANRT, Russian Federation

N. Kh. Nadergulov, Doctor of Philology, Chief Researcher, Head of the Department of Literary Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS, Russian Federation

V. B. Okorokova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

N. V. Pokatilova, Doctor of Philology, Professor, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

L. N. Romanova, Ph.D. in Philology, Leading Researcher, Institute of Humanities and Social Sciences SB RAS, Russian Federation

V. G. Semenova, Doctor of Philology, Associate Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Yu. G. Khazankovich, Doctor of Philology, Professor, M.K. Ammosov NEFU, Russian Federation

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 42 Kulakovskiy str., office 228, Yakutsk, Russia, 677000

Telephone/Fax: +7 (4112) 49-67-54

<http://litteraevsfu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Алиев У. Ж.</i> Путь к Абаю. Размышления непрофессионального абаевода.....	5
<i>Бурцева Ж. В.</i> Метатекстуальность как свойство Северного текста литературы Якутии (постановка проблемы).....	20
<i>Васильева Т. Н., Андросова Т. Л.</i> Функции художественных деталей в творчестве В. Н. Гаврильевой (на примере сборника «Березонька моя»).....	25
<i>Григорьева Л. П., Гладкина Е. Ф.</i> Литературная критика Н. Н. Павлова-Тыасыта: направления, проблемы, жанры.....	32
<i>Дарбасова С. Д.</i> Творчество А. Е. Кулаковского в якутской литературной критике 1920-1930-х гг.: начальный период осмысления и оценки наследия классика.....	40
<i>Иевлев Е. К., Степанова В. Е.</i> Социально-философские идеи произведений А. Е. Кулаковского в контексте духовных ценностей современного общества.....	58

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА, ПОЭТИКА

<i>Khabbitdinova N. A.</i> Artistic features of folklore traditions in the works of the Bashkir poets-enlighteners of the 19th century M. Akmulla and M. Umetbaev.....	64
--	----

ИНФОРМАЦИИ. ХРОНИКА

<i>Иманова С. И.</i> К 75-летию Бакинского славянского университета.....	72
XII Международная научная конференция «Актуальные проблемы азербайджановедения», посвященная 98 годовщине со дня рождения общенационального лидера Гейдара Алиева.....	74

CONTENT

HISTORY AND CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

<i>Aliev U. Zh.</i> The path to the Abay. Reflections of a non-professional Abay scholar.....	5
<i>Burtseva Zh. V.</i> Metatextuality as a property of the northern text in the literature of Yakutia (formulation of the problem).....	20
<i>Vasilyeva T. N., Androsova T. L.</i> Functions of artistic details in V. N. Gavrilyeva's creative work: The case of "My Little Birch" collected stories.....	25
<i>Grigorieva L. P., Gladkina E. F.</i> Literary criticism of N. N. Pavlov-Tyahyt: directions, problems, genres.....	32
<i>Darbasova S. D. A. E.</i> Kulakovsky in the Yakut literary criticism of the 1920s-1930s: the initial period of comprehension and evaluation heritage classic.....	40
<i>Ievlev E. K., Stepanova V. E.</i> Social and philosophical ideas of A. E. Kulakovsky's works in the context of spiritual values of the modern society.....	58

FOLKLORE IN LITERATURE, POETICS

<i>Хуббитдинова Н. А.</i> Художественное отражение фольклорных традиций в творчестве башкирских поэтов просветителей XIX в. М. Акмуллы и М. Уметбаева.....	64
--	----

INFORMATION. CHRONICLE

<i>Imanova S. I.</i> To the 75th anniversary of the Baku Slavic University.....	72
XII International Scientific Conference "Actual Problems of Azerbaijani Studies" dedicated to the 98th anniversary of the birth of National Leader Heydar Aliiev.....	74

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.122 Кунанбаев.09

У. Ж. Алиев

Путь к Абаю. Размышления непрофессионального абаевода

Университет «Туран-Астана», г. Астана, Казахстан

Аннотация. В статье содержатся довольно актуальные размышления о «Феномене Абая» человека науки, по своей профессии, казалось бы, находящегося в стороне от традиционного абаеведения. Все рассуждения, утверждения и конкретные предложения автора направлены на то, чтобы Великий Абай не только на словах, но и на деле стал подлинным Символом казахской нации, всего казахстанского социума и в этом статусе был известен и признан всем миром.

Ключевые слова: абаеведение, казахстанский социум, самоидентификация, духовность, феномен Абая, интеллектуально-духовный символ.

U. Zh. Aliev

The path to the Abay. Reflections of a non-professional Abay scholar

Turan-Astana University, Astana, Kazakhstan

Abstract. The article contains quite relevant reflections on the "Abai Phenomenon" of a man of science, who, by his profession, seems to be on the sidelines of traditional Abai studies. All the arguments, statements and specific proposals of the author are aimed at ensuring that the Great Abai not only in words, but also in practice became a true symbol of the Kazakh nation, the entire Kazakh society and in this status was known and recognized by the whole world.

Keywords: abay studies, Kazakhstani society, self-identification, spirituality, Abai phenomenon, intellectual and spiritual symbol.

АЛИЕВ Урак Жолмурзаевич – доктор экономических наук, профессор Университета «Туран-Астана». Действительный член философско-экономического ученого собрания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

E-mail: turpost@list.ru

ALIEV Urak Zholmurzaevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Turan-Astana University. Full member of the Philosophical and Economic Scientific Assembly of the Lomonosov Moscow State University.

I. Постановка вопроса (Вместо предисловия)

«По роду своему я казах. Не пойму, питаю к нему неприязнь или люблю?», так сам себе задает вопрос Абай («Слова назидания». Девятое слово). И этот, внешне противоречивый, а по сути глубоко философичный вопрос тесно перекликается с великим вопрошанием тысячелетней давности не менее великого Омара Хайяма: Оглянись на себя, и подумай о том: кто ты есть, где ты есть и куда же потом?

Но *кто* есть казах(и) как этнос (народ)? Каковы его самоидентифицирующие критерии и параметры? Другими словами, как обстоит дело с «казаховедением» и «казахознанием»? *Кто* (в качестве субъекта) есть Казахстан (Қазақ Елі) как социум? Каковы его социумообразующие и нациеобразующие критерии и параметры?

К примеру, французы самоидентифицируют себя с Наполеоном, Вольтером, Бальзаком, Лувром, Эйфелевой башней, гордятся своими королями; русские – Александром Невским, православием, Ломоносовым, Петром Первым, Пушкиным, Московским государственным университетом, Эрмитажем; американцы – Статуей Свободы, «демократией», вездесущим долларом, экономической и военной мощью, гордятся создателями американской государственности; японцы – Фудзиямой, сумо, сакурой, танкой («короткая песня»), «садом Рёандзи», своими лауреатами Нобелевской премии в области науки и литературы. А как обстоит дело с нами? Как, *по чем* и, прежде всего, *по ком*, можно и нужно нам самим, казахам, познать и осознать самих себя? Чем, а главное, *кем* мы, казахи и казахстанцы, можем гордиться по-настоящему?

Отсюда ясно однозначно: самопознание, самоосмысление, *самоидентификация*, самоопределение, самосознание, самореализация и самоутверждение казаха как самобытного этноса (в будущем полноценной государствообразующей нации) и Казахстана (Қазақ Елі) как социума (становящего и/или ставшего) – миссия и сверхзадача каждого представителя современного казахстанского общества без исключения и, прежде всего, интеллектуально-духовного, научного сообщества.

И эта проблема вот уже в течение последних 15 лет стала *основным предметом* моих исследований, результаты которых опубликованы во многих отечественных и зарубежных изданиях, общей темой исследования, организованного мной в 2005 году в университете «Туран-Астана», Научного центра и общереспубликанского теоретико-методологического семинара под названием «Қазақстантану-Қазақстановедение». И искомое «казаховедение», а в его рамках «абаеведение», следуют выводить из проблематики упомянутого «Қазақстановедения».

II. «Қазақстановедение» и его структура

Итак, каковы объект, предмет, субъект, логика и структура «Қазақстановедения» как относительно новой области (возможно, в будущем особой научной и учебной дисциплины) познания и исследования, в рамках которого и можно, и нужно рассматривать «казаховедение» и «абаеведение»? Они, на мой взгляд, таковы.

Казахстан как данность, как феномен, как общество выступает непосредственным *объектом* познания и специального исследования и самопознания «Қазақстановедения».

Предметом «Қазақстановедения» являются уникальный (самобытный, неповторимый) национально-культурно-нравственный Дух и реализующая его целенаправленная, целеустремленная движущая и активная сила народа – его Сила Воли (с греческого Энтелехия), благодаря которым страна Казахия была и есть.

Субъектом же «Қазақстановедения» выступает самосебяпознающее, самосебя(о) сознающее, самосебяутверждающее и самосебяпреобразующее казахстанское общество, прежде всего, в лице «творчески мыслящего меньшинства» нашего отечества, специально занимающееся вопросами казахстановедения.

Итак, в той мере, в какой у Казахстана как социума, будут и укрепляться этот Дух и проявляться его Энтелехия – будет жить и процветать Казахстан и впрямь!

Что же касается структуры и логики основных направлений «Казахстановедения», то они выглядят следующим образом [1, 2]:

1. Предметное самоопределение «Казахстановедения» как самостоятельной области эпистемологии и научного познания (научной и учебной дисциплины).
2. Философско-мировоззренческое (онтолого-гносеологическое, методолого-эпистемологическое, аксиолого-праксиологическое) осмысление казахстановедения.
3. Наука, искусство и религия как структурные компоненты казахстановедения
4. Казахстановедение в свете достижений отечественной исторической науки.
5. Социологический ракурс казахстановедения.
6. Этнолого-этнографический аспект казахстановедения и казаховедение (казахознание) как его базовый компонент.
7. Хозяйственно-экономическая и экологическая рефлексия казахстановедения.
8. Предметная специфика политологической науки в казахстановедении.
9. Предметное поле педагогико-психологической науки в казахстановедении.
10. Казахстановедение в культурологических и цивилизационных матрицах человечества.
11. Литературно-лингвистический срез казахстановедения.
12. Казахстановедение: естественнонаучная, технико-технологическая компонента.
13. Казахстановедение в государственно-правовой науке.
14. Образование и воспитание как важнейшие направления казахстановедения.
15. Место и роль туризма в казахстановедении.
16. Казахстановедение, россиеведение, украиноведение, белорусоведение, монголо-ведение, китаеведение, американоведение, японоведение и т. д.: опыт и сравнительный анализ через призму современного мировидения.
17. Зарубежное казахстановедение: прошлое и настоящее.
18. Государственная программа Республики Казахстан «Культурное наследие» как практическая реализация идеи казахстановедения.

Таким образом, проблематика абаеведения логически и структурно вписывается, прежде всего, в рубрику «Этнолого-этнографический аспект казахстановедения и казаховедение (казахознание) как его базовый компонент».

Попутно скажу: проблематике казахстановедения были посвящены более десяти международных научных конференций, организованных и проведенных университетом «Туран-Астана» в 2006-2020 гг., материалы которых были изданы своевременно в соответствующих сборниках, а также регулярные заседания теоретико-методологического семинара «Қазақстантану-Казахстановедение», начиная с 2005 года по настоящее время, созданного и руководимого автором этого материала. В частности, теме Абая были посвящены несколько семинаров, одна международная научная конференция под названием «Казахстановедение-5», посвященная 165-летию Хакима Абая (20 ноября 2010 г.) и одна межвузовская научно-практическая конференция молодых ученых, магистрантов и студентов, посвященная 175-летию Абая Кунанбаева (28 февраля 2020 г.).

Кроме того, результаты наших исследований были использованы Ассамблеей Народа Казахстана при разработке Концепции «Қазақтану» [3], которая в идеале раскрывается через «Тұлғатану» («Личностноведение»), например, через «Абайтану» (Абаеведение).

III. От человековедения через Казаховедение к Абаеведению

Казаховедение, а в его рамках абаеведение, в свою очередь, восходят к «человековедению» и выводятся из него, так как **человек** есть и **исходный** субъект, и **промежуточный** субъект, и **конечный** субъект социумоведения вообще. Итак, дальнейшая тематическая логика рассуждений такова: Человековедение. Общиноведение. Обществоведение. Турановедение. Тюрковедение. Алашевведение («Шесть Алаша»). Казаховедение. Личностноведение (Персоналистика). **Абаеведение.**

Таким образом, мы вышли непосредственно на «абаеведение», которое служит, по принципу обратной связи, основой изучения и «казаховедения», и «казахстановедения». Но попутно следует особо отметить, что не все указанные выше структурные компоненты казахстановедения и некоторые его собственно *субъектные* аспекты еще не получили в должной мере эпистемологического (знаниеведческого) и собственно научного осмысления и отражения, а отдельные из них даже не выделены в качестве самостоятельного объекта (предмета) исследования, даже само «абаеведение» представлено несколько однобоко с особым акцентом на художественно-литературную его составляющую. На последнее в свое время оказало огромное влияние творчество М. Ауэзова. Это с точки зрения исторического абаеведения считаю справедливым, но в новых исторических условиях и с точки зрения далекой перспективы – явно недостаточно и узко.

Кроме того, еще недостаточно разработаны какие-либо удобоваримые и продуктивно «работающие» науковедческие (общенаучные) и тем более метаэпистемологические «инструменты» исследования (методология, методика и технология) «казақстантану-казахстановедения» вообще. В ряде ранее опубликованных работ автора сей работы они получили некоторое отражение [1, 2]. Данное упущение касается в определенной мере и «казаховедения», и отчасти «абаеведения», о чем пойдет речь ниже.

IV. Абаеведение или начало пути к Абая

Познание Абая (абаеведение), знание об Абаяе (абаезнание), точно так же, как познание и знание других выдающихся представителей казахского народа (и не только), оставивших глубокий след в его духовном наследии и внесшие заметный вклад в становление нашего отечества, дают ключ к познанию (самопознанию), пониманию (самопониманию) и самоидентификации как самого казахского народа, так и страны Казахстана в целом, их прошлое, настоящее и возможное будущее. Вот что по такому поводу сказал в свое время А. Эйнштейн: *«При изучении истории нужно подробно обсуждать тех людей, которые принесли человечеству пользу благодаря независимости их характеров и суждений»* [4, с. 29].

Дело в том, что люди, о которых идет тут речь, а в данном случае – Абай, как правило, являются людьми необычными, весьма противоречивыми, пассионарными, с ярко выраженной уникальностью их мыслей, жизненных ценностей и установок, характеров и суждений. Более того, я считаю и убежден в том, что человеческий мир разрушается и/или прогрессивно развивается противоречивыми и пассионарными историческими личностями. И чем противоречивее и пассионарнее эти личности, тем значительнее их сила разрушения и/или сила созидания. При этом, чем значительнее противоречивость-пассионарность эпохи и исторической личности, тем больше они предполагают применение *принципа противоречия* в познании и оценке их роли в истории.

«Чтобы совершить анализ обычных вещей (людей. - У.А.), необходим необычный ум», – говорил Альфред Уайтхед. «А если перед нами не «обычные», а необычные «исторические вещи и люди», то какой ум нужен для их анализа?» – спрашиваю я. Думаю, *сверхнеобычный*. Именно к этой особой категории людей прошлой-настоящей-будущей эпохи, на мой взгляд, и относится наш Абай Кунанбаев. Он сродни Диогену Синопскому, который в сердцах говорил: *«Я не сумасшедший. Только ум мой не такой, как у вас»*. А потому уж кто-кто, но именно Абай никак не приемлет никакого однобоко-линейного, поверхностно-ровного, шапкозакидательско-легковесного, а тем более пренебрежительно-менторского подхода и отношения к своей весьма неординарной противоречивой фигуре.

V. Многогранный Абай единой сутью

Абай, сын Кунанбая, по моему разумению, был и остается *главным* источником (ключом), самоидентифицирующим критерием и своего рода «лакмусовой бумагой» самопознания, самокритики, самоосмысления, самоопределения, самосознания,

самореализации и самоутверждения казахского народа как уникального этноса (а в будущем нации в ее собственном смысле и значении) и предполагаемого (желаемого) самобытного Казахстана на своих собственных культурно-мировоззренческих и духовно-нравственных основаниях, на которые обращал особое внимание Абай (хотя, к большому сожалению, все еще не оцененный по достоинству самими казахами, порой из-за элементарного невежества, а порой однобокости (бессистемности) и легковесности взглядов на него его же «грамотных» и «просвещенных», но необразованных соотечественников). Словом, *«Если хочешь познать и знать казаха, а казахам – самого себя, познай и знай Абая»*, сказал бы я.

Итак, кто такой Абай, кем и каким он был как Личность, каково его наследие? Не вдаваясь в детали и исходя из целевой функции статьи, – обоснование в тезисной форме авторского теоретико-методологического подхода к абаеведению – мной даются основные грани Абая: *философ, великий поэт, ученый, педагог, просветитель, словесник, социолог, гуманист, патриот, интернационалист, человековед, востоковед, исламовед, казаховед, правовед, экономист, психолог, этик, эстетик, переводчик, оратор, волостной, би (судья, медиатор) композитор, исполнитель музыкальных произведений*. Как видите, казахская возвышенная формула-характеристика человека «Сегіз қырлы адам» (буквально «Человек с восемью гранями») далеко неполно характеризует нашего Абая. Данная формула имеет продолжение: «Бір сырлы адам» (буквально «Человек с одной, главной, сутью»). А главное стержневое качество Абая – это то, что он уникальный синкретик *Мыслитель-Хаким (Мудрец)*, естественно-гармонично объединяющий и нанизывающий на это основное свое качество указанные выше и неуказанные его многочисленные грани [5, с. 6-8].

К слову, он четко различал хакима (мудреца, мыслителя) от ученого, например, Сократа как хакима от ученого Аристотеля [6, с. 111-117] и говорил: не каждый ученый есть хаким (мыслитель), тогда как каждый хаким – ученый [6, с. 163], что справедливо. Кроме того, многие из вышеуказанных (и неуказанных) граней и качеств Абая далеко не изучены еще; в наибольшей степени изучены его художественно-литературные и лингвистические наследия, начиная с первой четверти XX века [7].

При знакомстве с Абаем я исхожу из того, что у каждого казаха (думаю, и не казаха тоже) есть *«свой Абай»* (если, конечно, он «знаком» с ним) аналогично японскому принципу-выражению «Сто видов Фудзи», но для всех нас навеки есть *«один общий Абай»* аналогично японскому представлению: «Ведь гора-то Фудзияма – одна-единственная в мире».

Кроме того, следует также учесть, что все мы без исключения являемся «абаеводами» (а некоторые даже «абаелюбами»), но при этом одни (меньшинство) являются *профессиональными* абаеводами (насколько они профессионалы своего дела – вопрос другой): отдельные литераторы, лингвисты, философы, социологи, экономисты, правоведы, музыковеды и т.д., а все остальные, в том числе и автор сего материала, в лучшем случае – «положительные дилетанты», т.е. *непрофессиональные* абаеведы, соответственно, с нас спрос (с точки зрения толкования Абая) не такой уж строгий, как с первых. Тем не менее...

Данный раздел размышлений хотел бы завершить следующим пассажем. Раз уж речь шла несколько раньше о японском мотиве применительно к Абаю, то немного продолжу его. Известно, что каждый этнический японец в своей жизни хотя бы один раз должен (долг, а не обязанность) подняться на Фудзияму. И сколько японцев с незапамятных времен, естественно, и столько же «видений», индивидуальных впечатлений и не совпадающих (в принципе) образов от увиденного одной и той же горы. Так вот, наш Абай своими неповторимыми Интеллектом, Духом и Мудростью гордо высится на просторах Великой Степи (Ұлы Дала), как та же единственная гора Фудзияма или наша священная гора Улытау, независимо от того, как у всех нас *в отдельности* сложились его

картина («Картина Абая»), его образ («Образ Абая»), но как синергетический синтез *всех* этих «видений»! Ведь верно говорят мудрые старцы Дагестана: «Один человек не может сказать всё, всё может сказать только все».

А может случиться так, как признавали некоторые японцы, которые с трудом взобравшись на Фудзияму, все-таки «ничего не увидели». Думаю, это их «неувидения» есть тоже их «видения Фудзи» из «Ста видов Фудзи», правда, совершенно нежелательные. Отсюда мораль-призыв: *научись карабкаться, прокладывая свою тропинку, свою дорогу, свой Путь к Абаю, «Абай Шыңы» («Пик Абая»), «видеть» и ведать его нравственно, интеллектуально, духовно!*

При этом этот путь (Путь) каждого: и профессионального, и непрофессионального абаоведа, должен опираться на известный, а кое-кому еще неизвестный, отсюда, к сожалению, мало кем осознанно применяемый на практике, принцип познания нашими достославными предками неизведанного: «Білетінім бір тоғыз, білмейтінім – тоқсан тоғыз», буквально: «Знаю лишь девять, не знаю – девяносто девять». Думаю, применительно к Абаю это неизвестное 99 можно увеличить, до 999 и далее до бесконечности, что связано с его неординарной Личностью.

VI. Сложности и проблемы «Феномена Абая»

Далее, в развитие предыдущих положений, хочу поделиться еще некоторыми своими мыслями и утверждениями по поводу «сложностей и проблем» абаеведения и абаезнания.

Абай воистину *неисчерпаем*, весьма *сложен* и *загадочен*, даже *таинственен* (метафизичен-эзотеричен, более того софиософичен, сказал бы я): «Жүрегіннің түбіне терен бойла, Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла». В переводе, по моей просьбе, Досмухамета Нур-Ахмета звучит так: «В свою проникни сердечную глубь, Загадочен – я, и мой таинственен путь». А посему каждая последующая эпоха и ее субъекты могут в принципе по своему познавать и понимать, «видеть» и ведать, осмысливать и осознавать, описывать и объяснять «*Феномен Абая*» во всех его указанных выше и неуказанных еще алмазных гранях. Вот что сказал в свое время (1913 г.) о его «сложности» Ахмет Байтурсынов: «Слова Абая действительно нелегки для понимания и осмысления. Однако это происходит не от того, что Абай не умел высказывать мысли, а вследствие неподготовленности самого читателя к восприятию глубоких мыслей. Выходит, вина не в писателе, а в читателе» [8, с. 136]. Лучше не скажешь!

Там же он дает еще «методику» чтения и усвоения Абая. И как все это актуально сегодня вопреки расхожим мнениям: «Кто же не читал Абая», «Кто же не знает Абая». Другими словами, читать сотни, даже тысячи раз, без глубокого размышления и осмысления – никогда не постичь Абая. Более того, если Ф. Ницше советовал, что надо *писать кровью*, так как кровь есть дух писателя [9, с. 267], то я добавил бы: и *читать надо «кровью»*, и только тогда человек как читатель, может постичь Дух писателя. В этой связи поистине были правы наши мудрые предки (да и сам Абай из их числа), которые говорили: «Айтушыдан тындаушы зор болсын!», буквально «Слушатель (читатель. - У.А.) должен быть выше говорящего (пишущего. - У.А.)». Впрочем, наш великий Абай был именно таким, который *писал «кровью»!* А мы, его современные читатели, соответствуем ли только что приведенному критерию слушателя-читателя? Вряд ли.

Он в сердцах упрекает свое окружение в том, что «во многом и тот, кто говорит, и тот, кто слушает – невежды», но в другом месте, все же, с надеждой приглашает всех нас сказав: «слова приобрели смысл, и ты, слушатель, вникни». К сожалению, этот великий наказ Абая настолько обесценился в последнее время не только в межличностных и профессиональных общениях, но и в том, что ни «низы» не могут «довести» свои чаяния до «верхов», ни «верхи» не хотят «вслушаться», «вникнуть» в то, что говорят другие. Иными словами, в нашем обществе проблема-формула: «говорить-слушать-делать» стала весьма актуальной.

Подобно тому, как человечество до сих пор никак не познало до конца Великого *Лао Цзы* (в течение 3 500 лет), Великого *Сократа* (в течение 3 300 лет), Великого *аль-Фараби* (в течение 1 150 лет), Великого *Омара Хайяма* (в течение почти тысячи лет), точно так же познанию *Великого Абая* во всей мощи его уникальной природы потребуются *не меньше времени*, так как по реальному богатству, глубине, диапазону (масштабу и уровню) мысли, слов и чувств он не менее велик, чем многие его предшественники, хотя он куда меньше известен миру, чему есть свои причины, о чем пойдет речь позже.

В отличие от Аристотеля, который утверждал, что «Каждый больше сын своего времени, чем сын собственного отца», мы понимаем и воспринимаем Абая одновременно и как достойного сына собственного отца (достопадного Кунанбая), и как сына своего переломного времени, и как сына настоящего неопределенного времени, и как сына – уверен – будущих времен.

И в этом своем весьма уникально-личностном статусе, т.е. как достойный *Сын и Человек* трех эпох: прошлой, настоящей и будущей, причем не только своего народа, но и всего человечества, Абай, по моему исследованию и разумению, достиг, как и Лао-цзы, Сократ, аль-Фараби, Омар Хайям, А. Навои, У. Шекспир, А. Махтумкули, И.В. Гёте, О. Бальзак, А. Линкольн, К. Маркс, Л.Н. Толстой, М. Ганди, А. Эйнштейн, *самой высшей (13-й) ступени самоидентификации субъектом (СИС)* [10].

Почему я так утверждаю? Вот несколько примеров-доказательств, судите сами. Лао-цзы: «Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое – это *человеколюбие*...»; Сократ: он повернул философию от изучения природы к изучению *человека* как такового, отсюда его одно из любимых изречений – «Познай самого себя»; К. Маркс: «Если хочешь быть скотом, конечно, можно повернуться спиной к мукам *человечества*», Л. Н. Толстой: я – «сын *человеческий*» (не говорит «сын Николая», хотя это так. - У.А.) и «У меня теперь одно желание в жизни – это никого не огорчить, не оскорбить, никому... не сделать неприятного, а постараться полюбить их...»; Абай: «*Будь дитем человека*», «*Человеку все человечество родное*» (*бауыр*); А. Эйнштейн свой доклад, подготовленный к семилетней годовщине Израиля (не прочитанный в связи с его смертью), начинает так: «Сегодня перед вами я выступаю не как гражданин США, не как еврей, а как *человек*». Как видите, у них у всех – *Человек, Человек, Человечество!*

При этом, все они и другие вышеуказанные личности, нисколько не забывая свои этнопроисхождения (китайскость, греческость, русскость, казахскость, еврейскость, индийскость, немецкость, иранскость и т.д., что есть 7-я ступень СИС), гордясь им, а порой довольно жестко критикуя свой народ, а то и свое государство (по принципу «Нет самокритики – нет исправления»), вместе с тем всею стремились воспевать-возвеличивать, защищать-реализовывать *общечеловеческие* идеалы, ценности и нравственные устои, часто в ущерб самим себе. Например, Лао-цзы был вынужден покинуть свою родину и дальнейшая его судьба осталась неизвестной, Сократ был отравлен по решению афинского суда, А. Линкольн был застрелен, К. Маркс был изгнан из страны и четверо из семи детей умерли, буквально, с голоду, Л.Н. Толстой был отречен от церкви и покончил жизнь на чужбине, М. Ганди сидел в тюрьме и был застрелен, А. Эйнштейн – вынужден был покинуть родину, а позже – подвергнут «маккартизму», Абай был подвергнут избиению своими же сородичами и т.д. по принципу «Нашедшего выход затаптывают первым».

«*Главная проблема Абая*», если так можно выразиться, с которым связана вышеупомянутая его недостаточная известность как среди других этносов, так и в мире, состоит, по моему мнению, в следующем. Герольд Бельгер, один из выдающихся знатоков и ценителей богатейшего казахского языка и литературы (этнический немец, получивший лестные прозвища «Білгір казак» – «Знающий казах», «Соңғы казак» – «Последний казах») неоднократно говорил, писал и сокрушался: *произведения Абая (особенно стихи) соответственно их высочайшему смыслу, значению и богатству*

философских и художественных мыслей и оттенков не переведены еще на другие (даже на русский) языки [9], чем и объясняется, на мой взгляд, его малоизвестность в мире (к нашему стыду, даже у нас, в своем отечестве, чему масса примеров) в отличие от других, ему подобных, личностей, которым в этом плане повезло больше.

В самом деле, как нам, казахам, узнать и по достоинству оценить качество переводов Абая, осуществленных уже, по некоторым данным, на 116 языков мира? Что, у нас есть высокопрофессиональные специалисты по всем этим языкам, которые могли бы вразумительно ответить на этот вопрос? Думаю, нет. Впрочем, есть: тот же Г. Бельгер, одинаково профессионально владевший тремя языками – казахским, русским, немецким (мне посчастливилось довольно тесно общаться с ним в последние четыре года его жизни и быть в курсе его, а он моих, творческих исканий).

Более того, у меня лично есть даже опасение, что эти, так называемые «иноязычные переводы» Абая со своими невообразимо «искривленными» и искаженными содержаниями и формами (вопреки добрым намерениям переводчиков) вполне реально могут быть своеобразной «антирекламой» и «сыграть» против самого Абая, а значит и против нас самих. Вот чего я и боюсь. Отсюда исключительно важный вывод: Абай, ой как, нуждается *в новых переводах высочайшего качества!* При этом нельзя, сломя голову, торопиться с переводом, надо бы исходить из принципа «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Для этого, очевидно, нужно организовать *специализированные конкурсы* переводчиков произведений Абая (по жанрам) на иностранные языки с последующим тщательным отбором наиболее качественных переводов с соответствующим их вознаграждением.

VII. Пути решения «проблем Абая»

Для кардинального решения главной и производных от нее «проблем Абая» давно пора создать (учредить, организовать) специальный *исследовательский* (не обычный образовательный) «**Институт Абая**», основательно и на системно-синергетических принципах занимающегося всем спектром «*Феномен Абая*» во всех проявлениях его гения и финансируемого из *государственного бюджета страны*. Неужели наше родное государство (благодарное отечество Абая) не может найти нужные средства на обеспечение деятельности *одного Главного Института* на фоне нынешних многомиллиардных затрат направо-налево, а также наличия у нас в Казахстане нескольких (по разным данным 4-5) институтов Конфуция? Обратите внимание: институты Конфуция есть, а *Института Абая* в вышеобрисованном виде *нет ни одного!* Как это понимать? По такому, из ряда вон выходящему факту, наши мудрые предки говорили: «Қолда бар алтынның қадірі жоқ» и «Ауылдастың аузы сасық» (русский аналог: «Нет пророка в своем отечестве»). Кстати, есть ли подобный институт Абая в Китае? Вряд ли.

Кроме «Института Абая», который будет заниматься, главным образом, научно-исследовательской деятельностью, организацией качественной переводческой работы и ряда других важных функций, о чем пойдет речь позже, совсем не лишне, а очень даже необходимо открыть в столице и областных центрах страны (со временем – в малых городах и районных центрах) «**Дом Абая**» (не музеи) со свободным доступом. Для сведения: более чем тысячелетия назад в Багдаде был «Дом мудрецов» (разрушенный позже невеждами), функционирует в Германии «Дом Гёте», Дом Абая есть в Лондоне (основатель наш соотечественник Р. Сейсенбаев), в Китае (г. Ухань), в России (г. Санкт-Петербург). А у нас, на родине Абая...!?

В наших Домах Абая можно было бы проводить самые разнообразные мероприятия и форумы (конгрессы, симпозиумы, конференции, круглые столы, семинары, презентации, диспуты, айтысы (устные состязания), тартысы (музыкальные состязания), встречи с интересными людьми, интервью, выставки, обсуждение разовых или цикла лекций,

докладов, научных сообщений и оригинальных книг, просто локальные встречи и свободные посиделки с элементами рекреации (восстановления) от напряженного умственного труда и другие), носящие воспитательный, образовательно-просветительский, духовно-нравственный, культурно-досуговый и информационно-пропагандистский характер по всему спектру интеллектуально-духовного развития нашего отечества в третьем тысячелетии в контексте общемировых (глобальных) социальных изменений. Словом, народ Казахстана ой как нуждается в подобном *«Доме Духовности»!*

«Институт Абая» и «Дом Абая» – мои давнишние *сокровенные мечты* и об их необходимости не раз говорил и повторяю в своих философско-научно-исследовательских лекциях, тематических докладах и других устных выступлениях. И если уж не увижу их при жизни (мне в этом году, дай Бог, исполнится 75 лет и в узком кругу говорю, что я моложе Абая «всего лишь» на 100 лет), надеюсь, ими будут пользоваться и наслаждаться наши благодарные, прежде всего Абаю, потомки.

В каждом высшем учебном заведении и научных учреждениях должен быть либо *«институт»*, либо *«центр»* по изучению и пропаганде творчества Абая и других выдающихся личностей, а также для выполнения ряда функций «Дома Абая», а в колледжах, школах (гимназиях, лицеях) и дошкольных учреждениях – специализированные *«кабинеты Абая»* для выполнения некоторых из вышеуказанных мероприятий, но в относительно локальном масштабе и с учетом возрастной психологии детей.

И во всех указанных ранее учебных заведениях без исключения должна вестись *учебная дисциплина* под названием *«Абайтану» («Абаеведение»)*. На первых порах (пока предполагаемый Институт Абая не будет создан и он не будет готовить программы изучения наследия Абая на разных уровнях учебных заведений и соответствующую учебную литературу) можно пользоваться наличной, на сегодняшний день разнообразной литературой, посвященной Абаю. [6, 7, 9, 11–15 и др.].

Полностью одобряя издаваемый ныне многотомник (на сегодняшний день 40 томов) по «Абайтану» на казахском языке (2015-2019 гг.) [7], посвященный, главным образом, его художественно-литературному наследию, следует продолжить издание многообразной исследовательской литературы отечественных и зарубежных авторов, посвященной и *другим вопросам и проблемам общественной жизни*, получивших отражение в произведениях Абая с дальнейшим качественным переводом их на казахский (с иностранных языков) и другие (с казахского) языки.

Для этого необходимо создать вначале (до создания Института Абая) на правительственном уровне *Межзнаниевый Редакционный Совет* (а не только междисциплинарный и межнаучный) с привлечением ученых и специалистов из самых различных областей знаний – естественно-научной, технической, гуманитарной, а также философской, искусствоведческой, религиозной и даже эзотерической – по подготовке не только предлагаемого, но и других изданий. При этом эти «многотомники» можно формировать по основным *жанрам, предметам и темам* абаевского наследия и соответствующих абаеведческих исследований.

Тогда и только тогда мы получим в будущем более или менее *полную и реалистичную* картину многогранной творческой деятельности нашего великого соотечественника Абая. И тем самым, «абаеведение» и «абаезнание» станут более объемно-масштабными, системно-целостными, универсально-энциклопедическими и в большей степени будут соответствовать своему объекту, предмету и субъекту, коими одновременно выступает сам Абай, точнее «Феномен Абая». Ведь он сам мечтал о *«толық адам»* (цельный, гармоничный человек):

Ақыл, қайрат, жүректі бірдей ұста,
Сонда *толық* боласың елден бөлек.

Вот изящный перевод этих строк (в отличие от существующего и очень слабого), сделанный философом-поэтом Досмухаметом Нур-Ахметом в духе Омара Хайяма:

Ум, Силу и Сердце – не разлучай,

Тогда ты *полноценен* – так и знай! [16, с. 80].

Так вот, уж кто-кто, а именно Абай в первую очередь заслуживает того, чтобы мы его исследовали, познали, приняли и пропагандировали на весь мир как истинно *цельного, гармоничного* (в его терминах «толык») *человека*. А для этого, помимо вышесказанных, следует сделать еще несколько сверхважных «вещей».

- Книга Абая «Слова назидания» (по сути «Слова мудрости») нуждается в основательно-всестороннем многотомном *словесном, терминологическом, текстологическом, эпистемологическом (знаниеведческом), энциклопедическом толковании* (подобно тому, как некоторые источники, в том числе религиозные, например, священный Коран, который имеет 30-40-томные тафсиры – толкования – на некоторых иностранных языках, в первую очередь, на арабском языке) с последующим переводом на другие языки.

Можно привести и другие примеры: поистине, энциклопедические толкования Бронислава Виноградского учений Лао-цзы, Конфуция и Чжуан-цзы по отдельности. Чем хуже и ущербнее наш Абай? Вдумайтесь: в одном только его произведении «Слова назидания» с 45-ю «Словами», по моим подсчетам, термин (понятие) «ғылым» (наука), встречается аж 86 раз, «ғалым» (ученый) – 11 раз, «білім» (знание, образование) и производные от него словообразования – 64 раза, неоднократно встречается и слово «хаким» (мыслитель, мудрец), не считая другие термины и понятия, которыми оперируют те или иные частные гуманитарные науки современности. Вот тебе, дорогой мой читатель, *Энциклопедия знаний!* Это только одна «Книга назидания», не говоря уже о других жанровых произведениях Абая.

Попутно делюсь еще другой своей *потаенной мечтой*: сделать «Слова назидания» *карманной* книгой, а предполагаемого ее многотомного «Толкования» – *настольной* книгой как каждого казаха и казахстанца, так и любого почитателя Абая за пределами нашего отечества.

- Указанная в списке литературы [11] одностомная *Энциклопедия Абая* (1995 г.), изданная в канун его 150-летия, оставаясь важнейшим источником абаеведения, нуждается в серьезном дополнении, значительном расширении как по объему, так и по содержанию – направлениям, темам, предметам, объектам, субъектам (персоналиям), проблемам, терминам, понятиям, категориям и т.д. – по части уже рассмотренным ранее и по части еще нерассмотренным на сегодняшний день. И, возможно, она будет уже не одностомной.

- В нашей стране есть учрежденных общественными организациями, научными и высшими учебными заведениями ряд медалей, носящих имени выдающихся личностей: медали имени Култегина, Ч. Валиханова, И. Алтынсарина, А. Байтурсынова, Л. Н. Гумилева и др. В связи с этим вместе с другими, я полностью поддерживаю идею досточтимого журналиста М. М. Гольдберга о необходимости учреждения *Медали имени «Абая»*. В случае реализации этой идеи, естественно, возникнет множество вопросов о статусе, принципах и «механизме» учреждения и награждения этой медалью, на что мне хотелось бы остановиться более подробно.

Признаться, раньше меня особо не волновала вся суэта вокруг официальных и неофициальных награждений и присуждений различных ученых и неученых званий и регалий. Но тут – неординарный случай, обусловленный двумя обстоятельствами. Первое связано с личностью самого Абая – *«нашего последнего пророка»*, как метко и справедливо охарактеризовал его в конце XIX века другой, не менее знаменитый, мыслитель М.Ж. Копеев (как бы «неприлично», даже «кошунственно» ни звучало с точки зрения ортодоксального ислама), являющегося подлинным и непререкаемым *Символом*

всего казахского народа и, уверен, Казахстана (Казак Елі) в целом и предполагающий особо серьезный подход к поднятым выше вопросам. Здесь действует принцип «*Не унижать имя Абая*» в глазах не только отечественной, но и мировой общественности. Второе связано с имеющимися у нас множеством фактов несправедливого, а значит необоснованного и незаслуженного награждения людей общественными (да и государственными) наградами. Отсюда и проистекает выдвигаемый мной ряд конкретных предложений относительно медали имени Абая, которые попутно выносятся на предварительное обсуждение. Они таковы:

а) Медаль имени Абая по статусу должен носить не государственный, а *общественный*, а по масштабу («географии») – *международный* характер, так как у нас имеется Государственная премия имени Абая, присуждаемая в области литературы, искусства и архитектура (это свидетельство того, что к многогранно богатому творческому наследию Абая все еще сохраняется «узкий подход»);

б) Статус медали имени Абая должен быть *выше* всех других общественных медалей, имеющихся в Казахстане, что объясняется особо уникальной универсально-энциклопедической, интеллектуально-духовной, общегуманистической личностной и творческой характеристикой самого Абая Кунанбаева;

в) Медаль имени Абая должен учреждаться по *семи номинациям* (это опять-таки вытекает из его универсальности), а именно: по мировоззренческо-философскому и эпистемологическому (общезнаниеведческому) направлению; литературно-лингвистическому направлению, искусствоведческому и архитектурному направлению; по направлению этики, воспитания и образования; по направлению социально-экономического, правового, политического и технологического развития общества (коротко по «устойчивому развитию общества»); по направлению эффективной организации и справедливого управления деятельностью государственных и общественных учреждений и частного сектора, по направлению наследие Абая в мировом пространстве. Конечно, при необходимости их можно объединить в пять номинаций. Но тем не менее, я лично, этот вариант не одобряю. При этом, работы на соискание медали имени Абая должны быть так или иначе увязаны с многогранным творческим наследием Абая;

г) награждение медалью имени Абая *необязательно* приурочивать к юбилеям кандидатов на медаль или к другим значимым событиям в его жизни, хотя могут быть учтены;

д) награждение медалью имени Абая желательно производить не реже, чем в 2-3 года, что позволит осуществить тщательный отбор из претендентов на медаль;

е) по каждому направлению номинации медали имени Абая (их семь) формируется «*предметная*» комиссия (можно придумать их краткое наименование), которая занимается отбором претендентов и выявлением победителя из их числа на выдвижение к присуждению медали. Состав комиссии комплектуется из числа высокообразованных по каждому направлению номинации и высоконравственных людей, руководствующих исключительно принципами *справедливости и объективности*, но, желательно, сами не претендующих на эту медаль. Численный состав каждой комиссии должен быть не более пяти человек. На основе «предметных» комиссий формируется *Высшая комиссия* по присуждению медали имени Абая из числа семи (7) человек: из каждой «предметной» комиссии по одному (их семь) и еще два человека – со стороны, при этом кто-то из последних может быть избран председателем Высшей комиссии, а другой – исполнительным директором этой комиссии;

ж) указанные «предметные» комиссии и Высшая комиссия несмотря на то, что они являются общественными, тем не менее они должны функционировать в рамках предлагаемого автором будущего *Института Абая*, который должен нести ответственность за работу указанных комиссий, а сама процедура награждения медали имени Абая

можно проводить в столичном **Доме Абая** (если, конечно, он будет создан). Высшая комиссия совместно с Институтом Абая разрабатывает Общее Положение о «Медали имени Абая». Само награждение медалью имени Абая можно проводить примерно через месяц со дня рождения Абая Кунанбаева (28 августа) в конце сентября или в начале октября месяца.

Наконец, о статусе города **Семей**, который произвольно-справедливо ассоциируется с именем Абая. Поддерживая идею Президента Республики Казахстан К. Токаева о придании городу Семей статуса *«исторического центра»*, считаю это предложение все же недостаточным и половинчатым. Город Семей по всем параметрам исторической ценности заслуживает статуса **«Город Республиканского Значения»**.

Я, как представитель экономической науки по базовому образованию, не могу напоследок обойти и такой важный вопрос: *Во что все это обойдется?* Как политэконом хочу подсказать лишь некоторые источники финансирования всей этой «машины», коей является «Феномен Абая».

Во-первых, поскольку Абай – наше всеобщее духовное достояние, точно так же как вселенский природный ресурс, принадлежащий всем (а не отдельным субъектам) – изначальным источником финансовых средств на Государственную программу под кодовым названием **«Феномен Абая»** является **Национальный фонд Республики Казахстан**, естественно, некоторая, незначительная, его часть.

Во-вторых, поскольку Абай есть своеобразный *интеллектуально-духовный Символ* (ни в коем случае не «бренд», как некоторые говорят применительно к Абаю, используя сегодняшнее «модное», но не то слово, так как брендом может быть какая-нибудь водка – упаси Боже! – или кумыс в лучшем случае) нашего государства, как Конфуций для Китая, Махатма Ганди для Индии, постольку следующим источником финансирования всего этого неординарного «дела» является **Государственный бюджет** нашей родной республики.

В-третьих, каждое отечественное, иностранное, совместное предприятие и организация (учреждение) независимо от форм собственности, находясь и работая на территории нашей страны, в той мере, в какой себя самоидентифицирует с Казахстаном, его традициями, нормами, идеалами и ценностями (прежде всего интеллектуально-духовными) из неподдельных (истинных) патриотических или просто благих соображений по возможности могут выделить определенные средства на долгосрочные мероприятия, связанные с Абаем вообще и не только с предстоящим его юбилеем.

В-четвертых, поскольку, как я ранее сказал, все мы, отдельные индивиды (пенде) – граждане Казахстана (и казахские диаспоры за рубежом) без исключения – являемся так или иначе «абаеводами» (кто профессионально, а кто – непрофессионально), а многие даже «абаелюбами», священный долг как внутренний мотив (не обязанность как внешний мотив) каждого из нас вносить посильную лепту (средства) в финансирование предполагаемых разнообразных человеко-богоугодных деяний. К примеру, в будущем издание и распространение этого материала отдельной книжкой (в расширенном варианте и на трех языках) будет осуществляться за счет скромных средств автора, а ее – книжку – буду считать, не без гордости, своим посильным вкладом, внесенным в современное «абаеведение» и связанное с именем Абая мероприятие.

В-пятых, в нашем государстве функционирует множество различных отечественных, зарубежных и совместных неправительственных общественных организаций (НПО). Разве они могут оставаться в стороне от участия в посильной финансовой поддержке предполагаемых мероприятий истинно гуманитарного и гуманистического характера? Думаю, нет.

И, наконец, **в-шестых**, и у нас есть свои, отечественные миллионеры, мульти-миллионеры и даже миллиардеры (как в тенговом, так и долларовом измерении). Что вы думаете, они разве поспусят на «мелочи», когда идет «всемирная битва» за

порядком подзабытого, на фоне подобных ему мировых творческих личностей, своего соотечественника – Великого Абая? Если вы плохо думаете о них – ошибаетесь, они не совсем такие, как вы их представляете. Они (все-таки надеюсь) охотно будут выделять из своих накоплений (не будем уточнять каких) на указанную «всенародную битву» за *справедливость* (кстати, ключевой термин Президента Республики Казахстан К. Токаева, имеющий глубокий подтекст и «длинный смысл») и *духовность*, связанных с именем Абая, а значит за наше общее желаемое возвышенное, светлое будущее.

Указанные выше основные источники говорят сами за себя и лишний раз напоминают русскую народную поговорку-мудрость: «С миру по нитке – голому рубашка». Так что пора *«одеть»* нашего Великого Абая как следует и надлежащим образом – он давно заслужил это по определению.

Вместо заключения

Вот тебе, уважаемый читатель, в первом приближении «Абаев День!», «Абаев Год», вернее и точнее *наступающая сверхдолгосрочная подлинная и желаемая «Абаева Эпоха!»* в мировом пространственно-временном континууме в моем личностном непрофессионально абаеведческом, хотя искренне благонамеренном эпистемолого-науковедческом и теоретико-методологическом размыслительном представлении. Принять-не принять – воля каждого читателя. Данное эссе в целом, говоря словами Абая, может быть, кому-то придется по душе, а если нет, то не беда, оно останется при мне.

Целевая и содержательная направленность сего материала, а также имеющиеся в нем некоторые конкретные предложения, думаю, будут восприняты читателем в качестве некоей заявки автора на дальнейшее исследование им «Феномена Абая» и одновременно будут вписываться в программу нашего государства и различных структур казахстанского общества по проведению широкомасштабных мероприятий, посвященных не только **175-летию Абая Кунанбаева**, но и осуществляемых в будущем и связанных с его (и не только его) Именем. *Да будет так!*

Л и т е р а т у р а

1. Казахстановедение: познавательные, оценочные и прикладные проблемы. Материалы международной научной конференции. В 3-томах. Астана, университет «Туран-Астана». – Астана, 2006.
2. Алиев У. Ж. Предметная область казахстановедения неисчерпаема. Казахстановедение как новая предметная область научного исследования // Материалы международной научной конференции, 17-18 мая, 2007 г. – Астана: Издательство университета «Туран-Астана», 2007; его же: Казахстановедение: предмет, структура и методология исследования. Сборник материалов научно-практической конференции «Независимый Казахстан: история становления государственности и актуальные вопросы общественно-политического развития» - Аркалык, 2011; его же: К осмыслению теоретических основ отечественной истории. «Казахстанская правда», 23, 30 августа 2013; его же: Алаштану әдіснамасының кейбір мәселелері. «Алаш мұрасы – тәуелсіздігіміздің рухани тірегі». - Астана, ҚазГЗУ университеті, 2015 и др.
3. Қазақстан халқы Ассамблеясының «Қазақтану» ғылыми-ағартушылық жобасының Тұжырымдамасы. Концепция научно-просветительского проекта Ассамблеи народа Казахстана «Қазақтану». – Астана, 2018.
4. Айзексон У. Альберт Эйнштейн. Его жизнь и его Вселенная. – М.: АСТ, 2019.
5. Алиев У. Ж. От человековед(а)ния через Абаевед(а)ние к Казахстановед(а)нию. Материалы международной научной конференции «Казахстановедение-5», посвященной 165-летию Хакима Абая. 20 ноября 2010 г. – Астана: университет «Туран-Астана», т. 1.
6. Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Слова назидания. Пер. С. Санбаева. – Алматы: Алматыкітап баспасы, 2013.
7. Абайтану. Таңдамалы еңбектер. Көптомдық. – Алматы: 2015-2019.

8. Байтұрсынов А. Қазақтың бас ақыны. Абайтану. Таңдамалы еңбектер. Көптомдық. 1 том. Алматы: 2015.
9. Бельгер Г. Властитель-слово. Семей, «Народная библиотека», 2008.
10. Алиев У. Ж. Самоидентификация человека – социально-духовное основание единства народов Казахстана и всего человечества. Сборник тезисов международной научно-практической конференции «Идентичность и единство: Казахстанский путь и модель Н. Назарбаева» 28 ноября 2017 года, Астана, 2017; его же; Самоидентификация человека – онтологическое и гносеологическое основание социализации личности Сборник III Международной научно-теоретической конференции «Актуальные проблемы мировой философии, развитие человека, его сознания, нравственности», посвященной 85-летию академика НАН РК Жабайхана Мубараковича Абдильдина. Астана 16-17 февраль, 2018 г. Астана, 2018; его же; Самоидентификация человека как методологическая основа поиска национальной самоидентичности социума. Монография. Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия. Под редакцией Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. М.: Креативная экономика, 2018; его же; Теоретизация, методологизация, аксиологизация и праксиологизация самоидентификации субъектом. Сб. Археолого-этнографические древности Степной Евразии в мировом историческом пространстве. Нур-Султан, изд. ЕНУ им Л. Н. Гумилева, 2020.
11. Абай. Энциклопедия. Бас редакторы Р. Нұрғалиев. Алматы: «Қазақ энциклопедиясының» Бас редакциясы, «Атамұра», 1995.
12. Абай. 2 томдық. Алматы: «Жазушы», 1995.
13. Мұхтар Әуезов Энциклопедиясы. Бас редакторы С. Қасқабасов. Алматы: Атамұра, 2011.
14. Ердембеков Б. Абайтану. Оқу құралы. Астана: Фолиант, 2012.
15. Досжан Д. Абайдың рухы. Ғұмырнамалық ойтолғау. – Астана: «Фолиант», 2008.
16. Алиев У. Ж., Корняков В. И. Письма-размышления не вслух. Астана: университет «Туран-Астана», 2019.

References

1. Kazakhstanovedenie: poznavatel'nye, ocenochnye i prikladnye problemy. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V 3-tomah. Astana, universitet «Turan-Astana». – Astana, 2006.
2. Aliev U. Zh. Predmetnaya oblast' kazhstanovedeniyanischerpaema. Kazakhstanovedenie kak novaya predmetnaya oblast' nauchnogo issledovaniya // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 17-18 maya, 2007 g. – Astana: Izdatel'stvo universiteta «Turan-Astana», 2007; ego zhe: Kazakhstanovedenie: predmet, struktura i metodologiya issledovaniya. Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii «Nezavisimyj Kazahstan: istoriya stanovleniya gosudarstvennosti i aktual'nye voprosy obshchestvenno-politicheskogo razvitiya» - Arkalyk, 2011; ego zhe: K osmysleniyu teoreticheskikh osnov otechestvennoj istorii. «Kazahstanskaya pravda», 23, 30 avgusta 2013; ego zhe: Alashtanu әdisnamasynуң кейбір мәселеleri. «Alash мұрасы – тәуелсизdigimizдің руhani tiregi». - Astana, KazGZU universiteti, 2015 i dr.
3. Қазақстан халқы Assambleyasynуң «Қазақтану» ғылыми-ағартушылық жобасынуң Тұзhyрымдамасы. Концепсия наuchno-prosvetitel'skogo proekta Assamblei naroda Kazahstana «Қазақтану». – Astana, 2018.
4. Ajzekson U. Al'bert Ejnshtejn. Ego zhizn' i ego Vselennaya. – M.: AST, 2019.
5. Aliev U. Zh. Ot chelovekovede(a)niya cherez Abaevede(a)nie k Kazahstanovede(a)niyu. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Kazahstanovedenie-5», posvyashchennoj 165-letiyu Hakima Abaya. 20 noyabrya 2010 g. – Astana: universitet «Turan-Astana», t. 1.
6. Abaj (Ibragim) Kunanbaev. Slova nazidaniya. Per. S. Sanbaeva. – Almaty: Almatykitap baspasy, 2013.
7. Abajtanu. Таңдамалы еңбектер. Көптомдық. – Almaty: 2015-2019.
8. Байтұрсынов А. Қазақтың бас ақыны. Абайтану. Таңдамалы еңбектер. Көптомдық. 1 том. Almaty: 2015.
9. Bel'ger G. Vlastitel'-slovo. Semej, «Narodnaya biblioteka», 2008.
10. Aliev U. Zh. Samoidentifikaciya cheloveka – social'no-duhovnoe osnovanie edinstva narodov Kazahstana i vsego chelovechestva. Sbornik tezisev mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Identichnost' i edinstvo: Kazahstanskij put' i model' N. Nazarbaeva» 28 noyabrya 2017 goda, Astana, 2017; ego zhe; Samoidentifikaciya cheloveka – ontologicheskoe i gnoseologicheskoe osnovanie socializacii

lichnosti Sbornik III Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy mirovoj filosofii, razvitie cheloveka, ego soznaniya, нравstvennosti», posvyashchennoj 85-letiyu akademika NAN RK Zhabajhana Mubarakovicha Abdil'dina. Astana 16-17 fevral', 2018 g. Astana, 2018; ego zhe: Samoidentifikaciya cheloveka kak metodologicheskaya osnova poiska nacional'noj samoidentichnosti sociuma. Monografiya. Rossiya na puti k Rossii: konceptual'nyj poisk i hozyajstvennaya strategiya. Pod redakciej Yu. M. Osipova, I. R. Bugayana, E. S. Zotovoj. M.: Kreativnaya ekonomika, 2018; ego zhe: Teoretizaciya, metodologizaciya, aksiologizaciya i praktsiologizaciya samoidentifikacii sub'ektom. Sb. Arheologo-etnograficheskie drevnosti Steпноj Evrazii v mirovom istoricheskom prostranstve. Nur-Sultan, izd. ENU im L.N. Gumileva, 2020.

11. Abaj. Enciklopediya. Bas redaktory R. Nырraliev. Almaty: «Қазақ enciklopediyasynun» Bas redakciyasы, «Atamұra», 1995.

12. Abaj. 2 tomдық. Admaty: «Zhazushy», 1995.

13. Мұhtar Әuezov Enciklopediyasy. Bas redaktory S. Қасқабасов. Almaty: Atamұra, 2011.

14. Erdembekov B. Abajtanu. Оқу қыралы. Astana: Foliant, 2012.

15. Doszhan D. Abajдың руhy. Ғұмырнамалық ojtolfau. – Astana: «Foliant», 2008.

16. Aliev U. Zh., Korniyakov V. I. Pis'ma-razмышleniya ne vsloh. Astana.: universitet «Turan-Astana», 2019.

УДК 82.09 (571.56)

Ж. В. Бурцева

Метатекстуальность как свойство Северного текста литературы Якутии (постановка проблемы)

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье актуализируются лишь некоторые проявления метатекстуальности в контексте северной литературы Якутии как единой культурной традиции, в пределах которой осуществляется интерпретация художественных текстов и создается вертикальный контекст, единство смысла (метасмысла) и средств (метасредств) его выражения. Делается акцент на метауровне данного локального текста, воплощающем наиболее значимые культурные коды, содержание и структуру образа мира через совокупность текстов региональной субкультуры. Предметом исследования является особое свойство локального текста – метатекстуальность, которое можно интерпретировать в качестве единства ансамблевых образований, устанавливая диалогические связи между разными произведениями (фольклорный, автобиографический метатексты, базовые образы и мотивы, формирующие целостные словесно-концептуальные образования и др.).

Цель исследования состоит в выявлении лишь отдельных форм метатекста в северной литературе Якутии, которые представляют собой перекличку повторяющихся из текста в текст локальных элементов поэтики, в которых прослеживается механика и логика их формирования, трансформирования, варьирования, эволюции, диалогическая связь с другими элементами локального текста, пронизанными внутренними связями.

В целом поэтика Северного текста литературы Якутии рассматривается как закономерно развивающаяся художественная система, имеющая структурную связь между всеми элементами, территориально-специфические субэтнические признаки, реализующиеся в сюжетных линиях, мотивно-образном комплексе, тематике, жанровой специфике.

Ключевые слова: метатекст, локальный текст, северный текст, северная литература Якутии.

Zh. V. Burtseva

Metatextuality as a property of the northern text in the literature of Yakutia (formulation of the problem)

IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia

Abstract. The article actualizes only some manifestations of metatextuality in the context of the northern literature of Yakutia as a single cultural tradition, within which the interpretation of literary texts is carried out and a vertical context is created, the unity of meaning (metasense) and means (meta

БУРЦЕВА Жанна Валерьевна – к. филол. н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: gvburtseva@mail.ru

BURTSEVA Zhanna Valeryevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

means) of its expression. The emphasis is placed on the meta-level of this local text, which embodies the most significant cultural codes, the content and structure of the image of the world through the wholeness of texts of the regional subculture. The subject of the research is a special property of a local text – metatextuality - which can be interpreted as a unity of ensemble formations, establishing dialogical connections between different works (folklore, autobiographical metatext, basic images and motifs that form integral verbal-conceptual formations, etc.).

The purpose of the article is to identify only individual forms of metatext in the northern literature of Yakutia, which are cross-references of local elements of poetics that are repeated from text to text, in which the mechanics and logic of their formation, transformation, variation, evolution, dialogical connection with other elements of the local text are traced, permeated with internal connections.

In general, the poetics of the northern text in the literature of Yakutia is considered as a naturally developing artistic system that has a structural connection between all elements, territorial-specific sub-ethnic features that are realized in storylines, a motif-figurative complex, themes, and genre specificity.

Keywords: metatext, local text, northern text, northern literature of Yakutia.

Введение

В гуманитарной науке понятие метатекста возникло при изучении конкретных знаковых систем (Р. О. Якобсон, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман и др.). В целом можно говорить о двух аспектах понимания метатекста, а именно в русле концепции Ю. М. Лотмана, как некий код [2], либо как свойство диалогичной структуры текста по М. М. Бахтину [1].

Множество текстов той или иной культуры образуют метатекст, и, по словам Ю. М. Лотмана, «на метауровне создается картина семиотической унификации, а на уровне описываемой им семиотической «реальности» кипит разнообразие тенденций. Если карта верхнего слоя закрашена в одинаковый ровный цвет, то нижнего – пестрит красками и множеством пересекающихся границ» [2, с. 173]. В своих работах Ю. М. Лотман, говоря о «тексте-инварианте всех текстов, принадлежащих данному культурному типу», определял его как «метатекст», иными словами «текст культуры» [4, с. 135]. При этом «текст культуры представляет собой наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры. Поэтому его можно определить как картину мира данной культуры» [3, с. 39].

На наш взгляд, целостная картина мироздания и ценностно-смысловое ядро такого многосоставного явления, как литература малочисленных народов Севера Якутии, концентрируется вокруг самодостаточного культурного мифа о Крайнем Севере (Арктике), другими словами, «арктического мифа», художественно закодированного в разных жанровых мирообразах, на уровне образно-типологической и ассоциативно-символической парадигматики, мифопоэтического и архетипического подтекста произведений в целом, историко-философских обобщений. Объединяющим генеративным текстообразующим фактором и внетекстовой реалией является Крайний Север как конкретный географический локус и художественный образ, лингвокультурное и территориальное понятие. Северный текст как некий образ Арктики, как многоуровневое незамкнутое текстуальное пространство, может рассматриваться в объеме культуры как целого, в том числе на материале якутской и русской литературы, в которых отражена ценностная сущность Крайнего Севера в самой картине мира.

Основная часть

1. На примере литературы народов Севера отчетливо видно, что фольклорные элементы синтезируются в единое художественное целое на речевом, жанровом, сюжетном, мотивном, символическом структурном уровнях текста. Приведем наиболее некоторые из них:

– «улгурная» составляющая у Г. Кэптукэ (одного из самых распространенных жанров эвенкийского фольклора, который обозначается как «рассказ о случае, сохранившемся в памяти живущих», «рассказ, повествующий о реальных событиях, происшедших и в прошлом, и в настоящем») представляет собой особый вид авторской рецепции. Так, само название повести «Имеющая свое имя» является формульным обращением-обозначением в эвенкийском фольклоре, при этом обращение к реке (хира) в художественном тексте и фольклоре инварианты.

– сознательное обращение к мифу или древней легенде как сюжетной основе у Т. Одулока, С. Курилова, П. Ламутского, А. Кривошапкина и многих других. Заглавия и имена героев произведений также определяют выбор сюжетов и мотивов, генетически связанных с фольклором: «Жизнь Имтеургина младшего», «Ханидо и Халерха», «Дух земли», «Имеющая свое имя Джелтула-река», «Кочевье длиною в жизнь», «Голоц Тонмэй», «Уямканы идут на Север» и другие.

– обращение авторов к мотивам и сюжетам эпических сказаний, национального фольклора, национальной истории, автобиографическим формам способствует жанровому синкретизму (соединение в художественной структуре документального и фольклорно-мифологического, очеркового и автобиографического, этнографического и эпического), появлению авторских жанровых обозначений «роман-автобиография», «этнографическая повесть», «этнографическая поэма», «эвенкийская повесть-сказка», «документальная повесть о герое-оленеводе»; «роман-эссе», «юкагирское сказание «Идилвей»; эвенские песни в стихотворной форме – «икэны», «Оран-икэн» (песня оленя), «Окат икэн» (песня реки), «Уямкан икэн» (песня горного барана), «Хиги икэн гоникэн» (песни тайги) и др.

– псевдонимы как элементы лингвокультуры представляют собой результат самоименования автора, что вызвано экстралингвистическими факторами, такими как место рождения, родословная, идентификация автора. Так, псевдоним Гаврила Николаевича Курилова-Улуро Адо переводится как «сын великого озера Улуро», псевдоним Варламовой Галины Ивановны-Кэптукэ происходит из названия одного из эвенкийских родов, кочевавших по реке Джелтуле и переводится как «выслеживание зверя», псевдоним Василия Спиридоновича Кейметинова-Баргачана происходит из названия древнего эвенского рода «Баргуттай», означающего в переводе «отвечать» или «откликаться», творческий псевдоним Николая Ивановича Спиридонова-Тэки Одулока переводится с юкагирского как «маленький юкагир», псевдоним Марии Прокопьевны Федотовой-Нулгынэт по-эвенски звучит как «рождённая во время кочёвки».

– отличительной особенностью поэтики авторов-северян является изобилие различных по происхождению топонимов, маркирующих метатекстуальную составляющую текста. Так, целый пласт метагеографической и мифопоэтической информации связан с легендами аборигенов реки Колыма – «страны ламутов и одулов», а также колымской каторжной неволей 1930-х – начала 1950-х гг., когда холодная северная река стала гиблым местом для заключенных («Освенцимом без печей», «родиной страха»).

2. Характерным признаком также является автобиографическая метатекстуальность. Маркерами метатекста являются разнообразные автобиографические аллюзии, фрагменты личной биографии в качестве сюжета или проблемы, повторяющиеся из текста в текст лейтмотивы, разные лексические формулы воспоминания, варианты презентации автобиографического материала. Выделяются также композиционные единства, организованные определенной точкой зрения или позицией (автора, рассказчика, персонажа), имеющие свое содержание и функции. Они характеризуются набором

признаков и речевых средств (общий характер лексики и синтаксиса, грамматические, логические, смысловые связи). Так, например, повесть «Мое детство» характеризуется автобиографическим повествованием, перволичной повествовательной формой, что позволяет выявить систему повествовательных приёмов, обеспечивающих вариативность биографического / автобиографического сюжета.

3. Функционирование основных пространственных образов и связанных с ними мотивов, которые являются сквозными, т.е. устойчиво и динамично повторяющимися в рамках творчества автора и различных контекстах локального текста, что способствует образованию нарративов в северной литературе (нарратив кочевья, например, как тематическое единство, играющее организующую роль).

– основные мотивы как целостный элемент повествовательного языка, вариативно реализующийся в повествовательной речи образует определенную единую мотивную структуру, например, в повести Т. Одулока «Жизнь Имтеургина-старшего», автобиографический в своей основе мотив памяти и его семантические варианты – мотив памяти поколения, мотив исторического прошлого, мотив воспоминания и др.; мотив пути, выполняющий композиционную, сюжетобразующую и смысловую роль – тундра как пространство свободы, мотив свободы, мотив края земли, мотив испытания и др.; мотив кочевья – мотив жизненного пути, мотив оленных людей и др.).

– сквозные пространственные образы (соотносимые с реальными географическими местами и природными ландшафтами, основными из которых являются топоры тундры и тайги; образ Крайнего Севера (Арктики, принципы и приемы создания арктического пространства); дом, земля, стойбище, пространство «кочующего» дома (шатер, тордох, илumu, чорама дю, чум); образ дороги, представляющий реальное (географическое), онтологическое, символическое и сакрально-мифологическое пространство; образы метафизического пространства как философские категории (топоры края земли, полюса холода, вечной мерзлоты, арктических широт, бесконечность топора тундры).

Заключение

Таким образом, данный локальный текст рассматривается как сетка смыслов и в то же время сетка мотивов, обеспечивавших смысловые связи всего текста. Мы исходим из того, что Северный текст литературы Якутии есть локальный текст культуры, уникальное семиотическое пространство или культурный ландшафт, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему в аспекте наличия реальных пространственных компонентов и тех мифологических коннотаций, которыми это пространство наделяется.

Формулируя отличительные признаки исследуемого явления, мы не можем не сопоставить Северный и Сибирский метатексты русской литературы, которые выражают в своей семиотической перспективе, прежде всего, северорусский вариант национальной картины мира в проблематике общерусской культуры, и теоретическая сложность в определении методологических приемов как раз заключается в исключительной непохожести «северности», «этничности», «гетерогенности» культуры народностей, населяющих районы Крайнего Севера, несводимостью конкретных ее проявлений ни к одной из типических моделей. Комплексный анализ знаковой выраженности семиотики Крайнего Севера, теоретическая и эмпирическая разработка в комбинации диахронных и синхронных подходов, систематизация и репрезентация составляющих Северного текста представляет собой перспективную область междисциплинарных исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
3. Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, – 1992. – С. 386 - 406.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – с. 14-285.

R e f e r e n c e s

1. Bahtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1972.
2. Lotman Yu. M. Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. – M.: «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. – 464 s.
3. Lotman Yu. M. O metayazyke tipologicheskikh opisaniy kul'tury // Lotman Yu. M. Izbr. st.: v 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. Tallin: Aleksandra, – 1992. – S. 386 - 406.
4. Lotman Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta // Lotman Yu. M. Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. – s. 14-285.

УДК 821.512.157-3 Гаврильева.09

Т. Н. Васильева, Т. Л. Андросова

Функции художественных деталей в творчестве В. Н. Гаврильевой (на примере сборника «Березонька моя»)

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Цель исследования – выявление функции художественных деталей в первом сборнике рассказов «Хатынчааным барахсан» («Березонька моя», 1968) известной якутской писательницы Валентины Николаевны Гаврильевой. Статья посвящена рассмотрению своеобразной роли художественных деталей в составлении литературного образа, идеи, сюжета и композиции. Научная новизна заключается в разработке собственной классификации художественных деталей на основе работ отечественных литературоведов Н. Л. Вершининой, Е. С. Доби́на, В. А. Кухаренко. В результате исследования произведений, вошедших в данный сборник, авторы выделяют следующие типы деталей: деталь-символ, деталь-сравнение, пейзажная деталь. Основной вывод: отражение характера, построение сюжета в произведениях В. Н. Гаврильевой передаются через художественные детали, выполняющие характерологическую и идейно-композиционную функции.

Ключевые слова: Валентина Гаврильева, художественные детали, функции, характер, идея, композиция.

T. N. Vasilyeva, T. L. Androsova

Functions of artistic details in V. N. Gavriilyeva's creative work: The case of "My Little Birch" collected stories

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. The purpose of the study is to identify the function of artistic details in *Khatyuchaanym barakhsan* ("My Little Bitch", 1968), the first collection of stories by a famous Yakut writer Valentina Nikolaevna Gavriilyeva. The article considers the peculiar role of artistic details in the compilation of a literary image, idea, plot, and composition. The academic novelty is in the development of the authors' own classification of artistic details based on the works of such Russian literary critics as N. L. Vershinina, E. S. Dobin, and V. A. Kukharenko. The study resulted in emphasizing, within the framework of this collection of works, the following types of details: the detail-symbol, detail-comparison, detail landscape. The main conclusion is that the reflection of the character, the structure of the plot in the works of V. N. Gavriilyeva are conveyed through artistic details that carry characterological and ideological-compositional functions.

Keywords: Valentina Gavriilyeva; artistic details; functions; character; idea; composition.

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Ниловна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: vtatyanan@yandex.ru

VASILYEVA Tatyana Nilovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Literature, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

АНДРОСОВА Татьяна Лаврентьевна – магистрант Института языков и культур народов Северо-Востока РФ СВФУ имени М.К. Аммосова.

E-mail: jaero96@mail.ru

ANDROSOVA Tatyana Lavrentievna – Master's student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Прозаические произведения члена Союза писателей (1973) Валентины Николаевны Гаврильевой отмечены присутствием интересных творческих поисков. Лирические рассказы современной тематики, художественно исследующие «диалектику души» героев, монологически оформленные рассказы с острым конфликтом в центре повествования сразу вызвали живой читательский интерес. Вскоре после выхода в свет в 1968 году первого сборника рассказов В.Н. Гаврильевой «Хатынчааным барахсан» («Березонька моя») автор приобретает известность в читательских и творческих кругах как своеобразный писатель и пополняет ряды талантливых якутских прозаиков.

В якутском литературоведении с творчеством В.Н. Гаврильевой ассоциируется широкое применение художественных деталей, что в значительной степени определяет идиостиль писательницы. Малая проза Валентины Гаврильевой отмечена тонким психологизмом (особенно в подаче женских образов), при этом автор умело и оригинально использует литературные подробности (детали), монологи [5, с. 1]. В.Б. Огорокова в статье «Кэрэбэ сүгүрүйэр суруйааччы» [8] приходит к выводу, что ранний период творчества В.Н. Гаврильевой связан не столько с поисками и открытиями, но и, вполне очевидно, с ее становлением как писателя: индивидуальный стиль в данном случае сложился уже в самом начале ее литературной деятельности. Свидетельством тому, в частности, появление уже в начале творчества В.Н. Гаврильевой характерных для ее прозы «необычных персонажей».

Посредством малого компонента предметного мира – художественной детали – автор обозначает ту часть произведения, где необходимо участие самого читателя. Детали служат автору в описании (создании) предметов, пейзажей, образов, характеров, сцен, сюжетных линий, оживляя их, делая зримее, определяя при этом своеобразие авторского взгляда на перечисленное [1; с.13]. Следует обратить внимание на важность использования детали в построении сюжета произведения, что подчеркнуто Е. С. Добиним в монографии «Сюжет и действительность. Искусство детали» [4]. Такого же мнения придерживается Т. И. Лазарева в диссертационной работе «Художественная деталь в романах С. П. Данилова: типы и функции» (2014) [7]. Раскрывая композиционную и сюжетобразующую роль детали в крупной прозе С. П. Данилова, Т. И. Лазарева указывает, что художественная деталь функционирует в произведении как прием психологизма. Из сказанного следует, что именно деталь нередко служит первоначалом развития сюжета, раскрытия характеров и адекватной интерпретации художественного произведения читателем.

Несмотря на широкую изученность художественных деталей, их единая классификация до сих пор остается спорным вопросом литературоведения. В настоящей статье предпринята попытка составить собственную классификацию деталей, основываясь на работах Н. Л. Вершининой [2], Е. С. Добина [4] и В. А. Кухаренко [6], на примере произведений В. Н. Гаврильевой, вошедших в сборник «Березонька моя». Кроме того, представляется важным отметить роль деталей в создании художественного образа, определить их идейную и сюжетно-композиционную роль, что позволит выявить критериальные признаки для выделения характерологического и идейно-композиционного видов деталей. В ходе исследования, в рамках данного сборника произведений, мы сочли возможным выделить следующие типы деталей: деталь-символ, деталь-сравнение, пейзажная деталь. Данная классификация послужит инструментарием исследования в настоящей статье.

В сборник «Березонька моя» входят шесть рассказов, героями которых служат жители якутского села. Отметим широкое присутствие в книге живописных пейзажных описаний. Исходя из названия и содержания книги, в ней предопределяется преимущество *пейзажных деталей*.

В рассказе «Өлөөнө алааһа» («Алаас Елены») во время поиска коров незрячая Харитина со своей внучкой слышат песню **жаворонка**. *Мин ити таах, бу эн саба*

эрдэхпин өйдөөн, үөрбүт быһыым. Көрүүй, ол урдүбүтүгэр күүрэгэй кэллэ. <...> Харытайай хараба суох эбээт уонна күүрэгэйи хайдах көрөрө буолуой? <...> Ырыатын истэбин [3, с. 6] / Просто так, радуюсь, вспомнив времена, когда была твоего же возраста. Посмотри, над нами жаворонок пролетел <...> Харитина же слепая, как она может видеть жаворонка? <...> Песню его слушаю [здесь и далее перевод авторов статьи – Т. А., Т. В.]. В традиционных представлениях якутов жаворонок связан с молодостью, а манера его пения (стремясь вверх), возможно, определяет оптимистичного человека, в контексте рассматриваемого произведения – внучку. Она говорит, что будет спрашивать у бабушки, если не разберет песню жаворонка. Далее выясняется, что не девочка сопровождает слепую Харитину, а, наоборот, бабушка провожает внучку во взрослую жизнь. Эрбэйбит баттахтаах, атах сыгыннах кыысчаан сылдьан хараба суох Харытайайы сирдирибиттэн үөрэрим, ол эрэри мин кинини буолбакка, кини миигин сирдээн сылдьыбыт, олус-олус үчүгэйгэ сирдээбит эбит кини [3, с. 10] / Мне нравилось сопровождать слепую Харитину, когда была босой, с растрепанными волосами девочкой, но, как оказалось, не я ее водила, а она меня сопровождала в лучшее. Пейзажная деталь здесь – жаворонок, и роль этой детали состоит в создании художественного образа, возвышенного стремления маленькой девочки к светлому будущему.

Оптимистичность подрастающего поколения, а именно внучек Харитины и Елены, доказывает следующая пейзажная деталь – **пестренький цветочек**. Девочки ищут подобный цветок, не зная, существует ли он на самом деле. Ол оҕо эрэ барыта булуон баҕарар үчүгэйкээн сибэккитэ хайдах-туох дьүһүннээҕин, биһиги кырачаан алааспытыгар үүнэрин дуу, үүммэтин дуу билбэт этибит да, көрдүүрбүт [3, с. 10] / Мы не знали, какого цвета тот хорошенький цветочек, который искали все дети, растет ли он на нашем маленьком алаасе, но все равно искали. Сестры принимают решение искать цветочек даже после поднятия целины их алааса: Кырдалын тиэрдэрэн кэбиспит да буоллаллар, син биир көрдүүбүм, ол сибэккини, баҕар, эниэтиттэн булуобум [3, с. 10] / Пусть даже вспашут землю, все равно буду искать, может быть, найду на склоне. Предполагаем, что, возможно, этот цветочек – символ веры в развитие светлой будущей жизни. Девочки задумываются: есть ли польза от поднятой целины, из-за которой исчезло красивое зеленое поле, но не находят ответа.

Однажды по дороге домой из школы Кюннэй чуть не обморозила руки, и тогда девочки вспоминают слова учительницы о создании станции, греющей в суровую якутскую зиму, о прогрессивном развитии, которое может привести к улучшению условий жизни, и о времени, когда вообще не будет морозов. Можно сказать, что контраст технического прогресса и светлой наивности девочек передается с помощью вышеуказанных пейзажных деталей.

Деталь-сравнение в произведении не описывает, а характеризует персонаж, то есть передает определенные черты характера, принципы, образ жизни персонажей. Корова **Эриэнчик**, с которой автор сравнивает мужа Елены – Семена, передает характер мужчины. Можно провести некую параллель: Эриэнчик – обжора, а Семен – алкоголик. Если корова хорошо поест, приляжет на пастбище, то даже не приходит на удой. Семен, когда злоупотребит алкоголем, также не приходит домой ночевать. Ынабын бэйэн курдук <...> бардабына кэлэри билбэт [3, с. 11] / Корова на тебя похожа, если уходит, то не знает, что нужно прийти. Как гласит якутская пословица, «Сүөһү эриэнэ таһыгар, киһи эриэнэ иһигэр» («Корова пестра снаружи, человек хитер изнутри»): когда Семен пьяный, он готов крушить, ломать все вокруг, а на следующий день его «словно подменили», он льстит и угодничает. Итак, эта *деталь-сравнение* изображает характер и поведение Семена.

Герои произведения «Сааскы тыал» («Весенний ветер») пашут землю там, где раньше останавливались на постой бандиты. Во время войны здесь убивали комсомольцев и коммунистов наслег. Доказательством тому служит *деталь-сравнение* **озеро, похожее**

на грустные глаза девушки. *Оо, ыраас бэйэлээх күүл, тобо санаарбаабыт кыыс харабын курдуккунуй? Илибирии устар долгуннар, ханнык-туох күлүктэр түспүттэрин сабыта тарыйабыт?* [3, с. 77] / *О, чистое озеро, почему так похоже на грустные глаза девушки? Трепетные волны, какие тени, упавшие на воду вы собой закрываете? Озеро, обретая метафорическое значение (глаза грустной девушки), передает горькие слезы невинно убиенных людей. В данном случае деталь-сравнение показывает безысходное положение тех мучеников.*

В этом же озере отражаются **березы**, образно передающие крики и заветы страдальцев. *Оттон эһиги, тугу эрэ быыстала суох кэпсиир-ипсиир хатыннар, өлөөрү турар ол дьон хаһыыларын истибиккит дуо? Баҕар, ону кэпсииргит, кинилэр кэриэс тылларын биһиэхэ тиэрдидэххитин баҕараргыт буолаарай?..* [3, с. 77] / *А вы, все время что-то рассказывающие березы, слышали ли крики тех умирающих людей? Может, хотите об этом нам рассказать, передать их последние слова?* Детали произведения «Весенний ветер», становясь частью художественного образа, передают любовь к жизни, последнюю надежду героически павших бойцов.

Идейно-композиционная функция детали заключается в передаче авторской идеи. Существует интересный феномен, когда два типа детали объединяются в прием «деталь в детали», который мы можем выявить в рассказе «Күннээх халлаан» («Солнечное небо»). *Туох да уратыта суох, хаартыска курдук хаартыска. Билбэт киһи көрүүтүгэр ханнык эрэ өрүс дуу, үрэх дуу көстүүтэ, – оһон бүтэр. Оттон мин билэбин: өрүс, өссө дириг уонна сүүрүктээх. <...> Хаартыскаҕа көстүбэтэр даҕаны, үһээ күн баар буолуохтаах, киһи кыайан утары көрбөт чабылхай, сайынгы күн уонна бу долгуннар үрдүлэригэр баар буолуохтаах харыйа лабаата* [3, с. 34] / *Ничего особенного, фотография как фотография. Для не осведомленного человека просто какая-то река или речка, – и все. А я знаю: река, глубокая, с быстрым течением <...> Наверху светит яркое, слепящее глаза летнее солнце и над волнами должна быть ветка ели, хотя их не видно на фотографии. На фотографии как деталь-символ изображена веточка ели, плывущая по течению то ли реки, то ли речки, которое символизирует течение жизни. Течение неизбежно прибавляет несомую им веточку к берегу, населенному людьми, то есть, человек на протяжении всей своей жизни неоднократно сталкивается с общественным мнением, несправедливыми обвинениями и т.п. Также автор упоминает, что на фотографии не видно ярко светящего солнца – символа знания. Посредством этой фотографии передается непонимание людей, которые осуждают окружающих, не вдаваясь в суть дела. Барыта баар буолуохтаах: күн даҕаны, дьоннор даҕаны – уонна дьоннор ону билэллэрэ олус үчүгэй эбээт* [3, с. 35] / *Все должно быть: и солнце, и люди – и хорошо то, что люди будут знать это. Мин остуолбар хаартыска сытар. «Өрүс дуу, үрэх дуу» диэхтэрэ. Оттон харыйа күөх лабаатын, үһээ баар буолуохтаах күнү олох да кыайан көрүөхтэрэ суоҕа* [3, с. 47] / *На моем столе лежит фотография. «То ли река, то ли речка», – скажут. А веточку зеленой ели, солнце, светящее наверху, в общем, никто не сможет увидеть.*

Поясним, в связи с чем представилось возможным прийти к выводам о чем-то скрытом, и об общественном порицании в связи с фотографией. По деревне ходят слухи, что сын Дарии Егор изменил жене с Варваркой. В действительности же Егор с Варваркой просто работают на ферме и вместе возвращаются домой. Автор подчеркивает, что для формирования людского мнения и суда достаточно малого, люди руководствуются при этом лишь первым внешним впечатлением, не принимая во внимание прочие обстоятельства, как будто ограничены «рамками фотографии». Нам представляется, что в данном случае деталь-символ **фотография** воедино с пейзажными деталями (веткой, течением и солнцем) обрисовывает сплетников с ограниченным мышлением, вмешивающихся в жизнь других людей. Автор тонко, посредством применения деталей, настаивает на мысли о том, что нельзя судить о людях, фактически ничего о них не зная, основываясь только на мимолетных наблюдениях.

Подобное мнение выражается и в рассказе «Хатынчааным барахсан» («Березонька моя»). *Барытын урдүттэн көрүү, киһини, дьону таһыттан быһаарыы буолар олоххор саамай куһаҕана, кутталлааҕа* [3, с. 57] / *Видение свысока, определение человека со стороны – худшее и самое опасное в жизни.* В произведении автор изображает **березу**, растущую возле дороги на холме. Как говорил местный философ Матвей: *«Киһи олоҕо син бу мас үүнэн силигиришин курдук. Бу мас курааннаан, хатан турдабына улахан ардах өрүһүйэр. Киһиэхэ оннук ардабынан билбэтэххин билии-көрүү, дьулуур буолар. Ол суох буолла да, киһи бу мас, ардах түспэтэбинэ кэртэн барарын курдук. Санаттан-саҕа дьулуһуу буолар киһиэхэ улууканнаах быйаннаах ардах»* [3, с. 48] / *Жизнь человека подобна жизни дерева. От засухи помогает лишь обильный дождь. Таким дождем для человека является познание неизведанного, стремление к чему-либо. Если этого нет, то человек засохнет, как дерево без дождя. Стремление к новому является для человека великим изобильным дождем. Жизнь состоит из мгновений, тайн, человек должен стремиться к знанию, к чему-то новому. Этой огромной березе доверяют новые открытия, тайны все жители деревни, особенно старик Матвей. Береза, деталь-символ, в контексте этого рассказа передает авторскую идею, заключающуюся в постоянной «поливке» человека самосовершенствованием.*

Помимо этого, в вышеуказанном произведении в роли пейзажной детали выступает **танец стерха**. Издавна якуты верили, что стерх – птица счастья. Принято считать, что человек, хоть однажды увидевший танец стерха, будет счастливым. Каждый должен искать и найти поле, где танцуют стерхи. В этом рассказе танец стерха отождествляется с понятием счастья. Такое поле на самом деле кроется в самом человеке, поэтому говорят «счастье в наших руках». Авторская идея, содержащаяся в постижении счастья путем поиска себя и самопознания, является важной составляющей в произведении «Березонька моя». *Онно-манна бардахпына-кэллэхпинэ, киһиэхэ олоҕор саамай кылаабынайын – оннук кырдалын көрбөккө, билбэккэ, туора хаамыам диэн өрүү сэрэнэбин даҕаны, куттанабын даҕаны* [3, с. 56-57] / *Когда куда-нибудь еду, боюсь не разглядеть, не узнать, повернуть в другую сторону от самого главного в жизни человека – такого поля.*

Детали также могут указывать на возможное развитие событий, служить «отправной точкой» завязки, кульминации или развязки художественного произведения. В рассказе «Алаас Елены» с помощью пейзажной детали **лиственницы** передается развитие сюжетной линии. Герои рассказа, Харитина и внучка, во время каждого поиска коров, набираются сил у самого заметного, необычного с обвисшими до земли ветками лиственницы. По поверьям якутов, такие деревья являются жилищем духа земли. Бабушка замечает, что ветка этой лиственницы срублена топором, что означает повреждение, разрушение природы. *Сиргэ кэрдиллэн баран бырабыллыбыт суон лабааттан Харытыай атабын тумсунан иннэ түспүтэ. Бу биһиги тиһиппит биһир суон лабаата этэ. Лабаатын көтөхпүтүнэн хонууга лах гына олоро түспүтэ. Өр олорбута, өр сангарбатаҕа* [3, с. 7] / *Харитина споткнулась о толстую ветку срубленной лиственницы. Это была одна толстая ветка нашего дерева. Она резко присела на поляну, держа в руках ветку. Долго сидела, долго молчала.* Данная деталь отсылает к важному событию (кульминации) произведения. Единственный алаас, который кормит семью Елены, вдруг начинают распахивать, готовить под пашню. *Аллараа бэбэһээ эрэ кэлэн албаан- ааттаһан барбыт төгүрук алааһа хара буорунан көрөн сытара* [3, с. 14] / *Алаас, еще вчера благословляемый обрядами, стоит теперь без зелени, сплошь черная земля.* И теперь неизвестно, что будет с семьей Елены.

*Деталь-символ, характеризующую тягу к идеальному будущему, находим в рассказе «Ыраах көстөр баарыстар» («Паруса вдалеке») – это **корабль с белым парусом**. Главный герой Ньургустаан построил отуу (шалаш), который рассматривает как корабль, пашню как море, а сам мальчик представляется себе капитаном: *бу таах отуу буолбатах – хараабыл. Бааһына – муора. Мин – капитаммын* [3, с. 20]. Посредством этой детали*

определяется намерение героя принимать решения самому, самостоятельно выбирать свой путь во взрослую жизнь. Ему не хочется быть похожим на своих родителей, то есть выпивать и ограничиваться лишь только фермой: *Абааны көрөбүн. Дьиэбэр барыахпын баҕарбаппын. Баран да диэн* [3, с. 21] / *Ненавижу. Не хочу домой. Да и зачем возвращаться.* Ньургустаан мечтает увидеть другую жизнь. В финале произведения он сбегает от родителей, из деревни и едет в город. Если ранее он жил по наставлениям родителей, то сейчас он становится самостоятельным и свободным.

Наставником, мотиватором Ньургустаана становится странный почтальон Мас Атах (Деревянная Нога), который ассоциируется с кораблем и плаванием. *Даа, доҕоттоор, мункуктук олорор, аҕыйааха наадыйар эбиккит. <...> Чункук дьон эбиттэр, доҕоттоор. Кураанах дьон* [3, с. 25] / *Вы, друзья, забытые, вам малое нужно. Скучные люди, друзья. Пустые люди.* Мас Атах убедил протагониста рассказа в том, что не надо ограничиваться деревней, нужно добиваться большего, иными словами, бороться за свое будущее и стремиться в лучшую жизнь. Корабль с белым парусом показывает непосредственность и исполнение желания героя – уйти в свободное плавание. В этой детали кроется авторская идея, которая призывает молодежь деревни не опускать руки и стремиться к счастливому будущему. У нее даже есть мотивирующая песня, автором которого является Мас Атах:

<i>Хараабыл биэрэктэн тэйбитэ,</i>	<i>Корабль отчалил от берега,</i>
<i>Баарыһы тыал сиритэ үрэрэ.</i>	<i>Парус развевался от ветра.</i>
<i>Долгуннар таастары кырбыллар,</i>	<i>Волны ударяются о камни,</i>
<i>Уолаттар айанна тураллар...</i>	<i>Парни собираются в дорогу...</i>
<i>Күөх суолга, киэн суолга</i>	<i>В синюю дорогу, в большой путь</i>
<i>Баарыс тунаара турбута</i> [3, с. 26].	<i>Белый парус уходил...</i>

Ньургуска ымсыыра санаабытым, ол эрэри мин даҕаны сотору барыахтаахпын билэрим... [3, с. 33] / *Позавидовала Ньургусу, но я знала, что тоже скоро уеду.* Туйаара, подруга Ньургустаана, тоже хочет уехать из деревни, навстречу своей мечте. Итак, Мас Атах, вместе с кораблем с белым парусом, в контексте этого рассказа являются символами пути к мечте.

В рассказе «Сааскы тыал» («Весенний ветер») выделим как *пейзажную деталь ветер*, символизирующий перемены. Упомянутый в начале произведения ветер веет запахом сырой земли, солянки и дыма, свежей зелени, что говорит о грядущих изменениях: *салгын сииктээх буор, сэлээркэ, бууро уонна сана тыллыбыт от-мас сьттаах* [3, с. 74]. Пейзажная деталь предупреждает дальнейшее развитие событий, а именно то, что студенты-практиканты в *алаасе* готовят почву для пашни.

Таким образом, можно прийти к выводу, что *пейзажные детали (жаворонок, пестренький цветочек, березы) и детали-сравнения (Семен как Эриэнчик, озеро, похожее на грустные глаза девушки)*, выполняющие характерологическую функцию, представляют оптимистичность молодого поколения и характер героя произведения.

Деталю присуще выполнять идейно-композиционную функцию. Через *детали-символы (корабль с белым парусом, фотография, береза) и пейзажную (танец стерха)* передается авторская нравоучительная идея. *Деталь-символ фотография*, объединяясь с пейзажными деталями (*ветка ели, течение, солнце*), показывает наличие явления «деталь в детали». *Пейзажные детали (лиственница, ветер)* выступают деталями, создающими сюжетную линию.

В заключении можем сказать, что в первом сборнике рассказов В. Н. Гаврильевой «Березонька моя» отражение характера, строение сюжета передаются через художественные детали, выполняющие характерологическую и идейно-композиционную функции.

Л и т е р а т у р а

1. Абдуллаева, Н. М. Художественная деталь и символы в современной азербайджанской поэзии (1993-2005) / Н. М. Абдуллаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014, № 10 (40), часть 1. – С. 13-19.
2. Введение в литературоведение: учебник для бакалавров / Н. Л. Вершинина [и др.]; под общ. ред. Л. М. Крупчанова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 479 с.
3. Гаврильева, В. Н. Хатынчааным барахсан: кэпсээннэр / В. Н. Гаврильева. – Якутской: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1968. – 84 с.
4. Добин, С. Е. Сюжет и действительность. Искусство детали / В. Н. Добин. – Л.: Сов. писатель. Ленинградское отд-ние, 1981. – 432 с.
5. Корякина, Т. Валентина Гаврильева дьоро кизэһэтэ / Т. Корякина // Саха сирэ. – 1994. – Ахс. 20 к. – С. 1.
6. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста: Учеб пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». – 2-е издание, перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
7. Лазарева, Т. И. Художественная деталь в романах С. П. Данилова: типы и функции: дисс. канд. филол. наук. 10.01.02 / Т. И. Лазарева. – Якутск: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, 2014. – 170 с.
8. Окоророва, В. Б. Кэрэбэ сүгүрүйэр суруйааччы / В. Б. Окоророва // Өлүөнэ сарсыардата: «Сахаада» хah. сыh. – 1996. – Сэтинньи 14 к. – С. 7.

R e f e r e n c e s

1. Abdullaeva, N. M. Hudozhestvennaya detal' i simvol'y v sovremennoj azerbajdzhanskoj poezii (1993-2005) / N. M. Abdullaeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2014, № 10 (40), chast' 1. – S. 13-19.
2. Vvedenie v literaturovedenie: uchebnyk dlya bakalavrov / N. L. Verшинina [i dr.]; pod obshch. red. L. M. Krupchanova. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2015. – 479 s.
3. Gavril'eva, V. N. Hatynchaanym barahsan: kapseenner / V. N. Gavril'eva. – Yakutskaj: Saha sirineeҕi kinige izdatel'stvota, 1968. – 84 s.
4. Dobin, S. E. Syuzhet i dejstvitel'nost'. Iskusstvo detali / V. N. Dobin. – L.: Sov. pisatel'. Leningradskoe otd-nie, 1981. – 432 s.
5. Koryakina, T. Valentina Gavril'eva d'oro kiehete / T. Koryakina // Saha sire. – 1994. – Ahs. 20 k. – S. 1.
6. Kuharenko, V. A. Interpretaciya teksta: Ucheb posobie dlya studentov ped. in-tov po spec. № 2103 «Inostr. yaz.». – 2-e izdanie, pererab. – M.: Prosveshchenie, 1988. – 192 s.
7. Lazareva, T. I. Hudozhestvennaya detal' v romanah S. P. Danilova: tipy i funkcii: diss. kand. filol. nauk. 10.01.02 / T. I. Lazareva. – YAkutsk: Institut gumanitarnyh issledovanij i problem malochislennyh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2014. – 170 s.
8. Okorokova, V. B. Kerebe syguryer surujaachchy / V. B. Okorokova // Өлүөнө sarsyardata: «Sahaada» hah. syh. – 1996. – Setinn'i 14 k. – S. 7.

УДК 821.512.157.09

Л. П. Григорьева, Е. Ф. Гладкина

Литературная критика Н. Н. Павлова-Тыасыта: направления, проблемы, жанры

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается литературно-критическая деятельность якутского писателя и литературного критика Николая Николаевича Павлова – Тыасыта (1904-1974). Н. Н. Павлов – человек со сложной судьбой; был дважды подвергнут репрессиям, но несмотря на это сделал многое для развития якутской литературы и критики. В республике он известен также, как талантливый педагог, журналист, переводчик, составитель русско-якутского словаря и библиографического указателя «Якутская художественная литература: 1904-1948». Н. Н. Павлов как критик выступал в сложный период развития литературы, а именно в условиях перехода от литературного полицентризма 1920-х гг. к литературному монизму 1930-1950-х гг, т. е. утверждению социалистического реализма, как единственной и господствующей эстетики советской литературы. Недостаточная изученность творчества Н.Н. Павлова как литературного критика определяет научную новизну исследования. В работе выявляются основные направления, темы, жанры его критических работ, определяется его отношение к литературному наследию основоположников якутской литературы А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева, а также творческой деятельности писателей 1930-1950-х гг., оценивается вклад в становление и развитие литературной критики Якутии. В статье привлекаются из личного архива Н. Н. Павлова ранее не опубликованные работы литературоведческого характера. Применяются такие методы литературоведческих исследований, как сравнительно-исторический анализ и текстуальный анализ. Авторы приходят к выводу, что Н. Н. Павлов как литературный критик имеет свое место в истории якутской литературной критики.

Ключевые слова: литературная критика, литературно-критическая деятельность, жанры критики, рецензия, статья, якутская литература, Н. Н. Павлов-Тыасыт.

ГРИГОРЬЕВА Людмила Павловна – к. филол. н., доцент кафедры якутской литературы Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова.

E-mail: grigormila@mail.ru

GRIGORIEVA Lyudmila Pavlovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Yakut Literature, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ГЛАДКИНА Екатерина Федоровна – магистрант Института языков и культур народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: katerinaglad98@mail.ru

GLADKINA Ekaterina Fedorovna – Master's student, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

L. P. Grigorieva, E. F. Gladkina

Literary criticism of N. N. Pavlov-Tyahyt: directions, problems, genres

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. The article examines the literary-critical activity of the Yakut writer and literary critic Nikolai Nikolaevich Pavlov – Tyahyt (1904-1974). N. N. Pavlov was a man of a difficult fate; he was twice subjected to repressions, but despite the fact, he did a lot for the development of Yakut literature and criticism. In the republic, he is also known as a talented teacher, journalist, translator, compiler of the Russian-Yakut dictionary and bibliographic index "Yakut fiction: 1904-1948". N. N. Pavlov acted as a critic in a difficult period in the development of literature, namely, under the transition from literary polycentrism of the 1920s to the literary monism of the 1930s-1950s, i.e. the establishment of social realism as the only and dominant aesthetics of the Soviet literature. Insufficient study of N. N. Pavlov as a literary critic determines the academic novelty of the research. The work identifies the main directions, themes, genres of his critical works, determines his attitude to the literary heritage of the founders of Yakut literature A. E. Kulakovskiy, A. I. Sofronov, and N. D. Neustroev, as well as the creative activity of writers in the 1930s-1950s, the contribution to the formation and development of literary criticism of Yakutia is assessed. The article uses previously unpublished works of literary character from the N. N. Pavlov's personal archive. Such methods of literary research as textual analysis and historical-comparative analysis are used. The authors come to the conclusion that N. N. Pavlov as a literary critic has his place in the history of Yakut literary criticism.

Keywords: literary criticism, literary-critical activity, genres of criticism, review, article, Yakut literature, N. N. Pavlov-Tyahyt.

Введение

Литературно-критические работы Н. Н. Павлова печатаются с начала 1930-х гг. на страницах газет «Автономная Якутия», «Кыым» («Искра»), журнала «Чолбон» и др. Всего опубликованных литературно-критических работ у Н. Н. Павлова около 30, большинство из них написаны в 1930-1940-е годы. Известно, что на протяжении 1930-1950 годов советская литературная критика, в том числе и якутская, была представлена преимущественно докладами и речами, партийными резолюциями и постановлениями. Литературным критикам было сложно работать в таких условиях, им приходилось реализовать свой творческий потенциал в интервалах от одного партийного постановления до выхода другого документа. Отметим также, что развитие якутской литературы и критики в 1940-1950-х годы еще было связано с проблемой отношения к литературному наследию основоположников якутской литературы А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева и работой Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя» (1944).

В якутском литературоведении не так много работ, посвященных исследованию наследия Н. Н. Павлова. Почти единственной работой, где творчество писателя выступает предметом специального исследования, является монография Н. З. Копырина (1923-2011),

где литературовед раскрывает Н. Н. Павлова как талантливого прозаика, переводчика и критика [4]. В разное время воспоминания о нем писали Н. Е. Мординов-Амма Аччыгыйа, В. М. Новиков-Кюннюк Урастыров, С. И. Тарасов, П. Д. Аввакумов, П. Н. Харитонов-Ойуку и др. Особенной теплотой отличаются воспоминания С. П. Ойунской, приемной дочери писателя [6]. В 2019 г. свет увидела новая книга воспоминаний о Н. Н. Павлове “Ахтан-санаан ааһыабын” [1]. Материалы для этой книги были собраны С. П. Ойунской, а дополнили и подготовили к печати сын писателя Н. Н. Павлов-младший и его супруга А. Е. Павлова.

Таким образом, с одной стороны, сложный, полный идеологическими рамками, установками и противоречиями период литературы, в котором приходилось творить, и недостаточное изучение литературно-критической деятельности, с другой – усиливают научный интерес к творчеству Н. Н. Павлова как литературного критика и подтверждают актуальность нашего исследования. Цель нашей статьи – на основе исследования литературно-критической деятельности Н. Н. Павлова определить основные направления, проблемы и особенности жанра критических работ.

Литературно-критические работы Н. Н. Павлова: основные направления и жанры

Первая критическая работа Н. Н. Павлова “Социалистическайды тытуу сүрүн боппуруостарын уустуктук көрдөрүүххэ” (“За художественное освещение основных вопросов социалистического строительства”) была опубликована в 1933 г. в газете “Кыым”. Предметом анализа выступили произведения молодых авторов, напечатанные в 1932 г. в журнале “Кыһыл ыллык” («Красная тропа»). Молодой критик делает замечания авторам рассказов и редколлегии журнала, поставив во главу угла вопросы о качестве художественного слова и идейном содержании произведений. Он негодует по поводу того, что в данном номере журнала “Кыһыл ыллык” полно политических ошибок, не хватает художественности и смысла, а все произведения не передают читателям мощи литературы советского периода. Но, несмотря на это, критик надеется, что редакция журнала в дальнейшем не допустит такого рода ошибок. Как видно, уже в первой работе Н. Н. Павлов проявил себя как верный своему времени человек и как объективный в вопросах художественности слова критик. Отметим, что в те годы существовало понятие, что писателем может стать каждый, кто научился писать.

Всего Н. Н. Павловым написано около 30 литературно-критических работ. Основной корпус работ критика составляют статьи и рецензии, посвященные анализу и оценке произведений якутских писателей 1920-1940 годов, т. е. предметом анализа становились творения писателей-сверстников (С. Р. Кулачикова-Элляя, Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, С. П. Ефремова, Д. К. Сивцева-Суоруна Омоллоон и др.). Н. Н. Павлов писал свои работы в основном в жанре рецензии. Литературно-критических статей у Н. Н. Павлова две – “Д. К. Сивцев айымнытын туһунан” (“О творчестве Д. К. Сивцева”, 1940) и “Эллэй айымнытын туһунан” (“О творчестве Элляя”, 1940). Обе статьи можно назвать монографическими. Главное отличие таких статей в том, что в них дается анализ произведения или творчества писателя в широком литературном и общественном контексте. Такие работы, как правило, отличаются большим объемом, сложной композицией и развернутой аргументацией выводов и заключений [5, 108].

Первые работы представлены рецензиями на произведения молодых поэтов. В работах “Сорох хоһоонньуттар суруйууларын туһунан” (“К стихотворениям некоторых авторов”, 1934), “Хаачыстыба иһин” (“За качество”, 1934), “Үүнүү бэлиэтэ” (“Признаки роста”, 1940) и др. дается оценка произведениям поэтов, которые вступили в литературу недавно, но уже имели ряд значительных стихотворений. Рассматриваются произведения А. Г. Кудрина-Абагинского, В. Г. Чиряева, И. Д. Винокурова-Чабылбана и др. Критик старается донести до авторов, что каждый из них обязан следить за качеством произведений, ведь только тогда они станут высокохудожественными. В своих работах Н. Н.

Павлов размышляет о путях развития якутской поэзии, дает советы авторам и старается объективно оценивать их творчество, основываясь на глубоком анализе произведений.

Рассмотрим более подробно рецензию “Үүнүү бэлиэтэ” (“Признаки роста”, 1940) на сборник стихотворений и переводов А. Г. Кудрина-Абагинского “Кыайыгтан кыайыга” (1939). Здесь находим замечания критического характера, так и выделение достоинств некоторых произведений. Критик положительно отзывается о переводах. Далее он указывает слабые стороны сказки “Түөтэкээн эмээхсин” стилизованной по сюжету народной притчи “Таал-Таал эмээхсин”. Н. Н. Павлов делает несколько замечаний по поводу языка сказки, отмечает ошибки в употреблении слов. Замечания в отношении языка находим и в авторских произведениях поэта. Например, в поэме “Мин норуот уолабын” (“Я – сын народа”) отмечаются неудачными такие сочетания слов, как “саабыла куулэйэ”, “шинела хаанынан үлүннэ” и др. В целом Н. Н. Павлов делает положительный вывод об идейном содержании поэмы. А стихотворение “Ыллаа, поэт, ыллаа!” (“Пой, поэт, пой!”) не вдохновило критика, отмечается отсутствие поэзии: “Произведение “Ыллаа, поэт, ыллаа!” состоит из 260 строк, но лишь в первых 16 строках есть поэзия. Все остальное – простой набор созвучных слов. Чем больше лирическое стихотворение по объему, тем больше оно напоминает пустую болтовню” [9] (*Здесь и далее перевод отрывков из работ Н. Н. Павлова на русский язык наш – Л.Г. Е.Г.*).

В заключении рецензии Н. Н. Павлов отмечает, что и положительные моменты, и даже указанные ошибки являются признаком роста А. Г. Кудрина-Абагинского как поэта.

Н. Н. Павлов часто выступал в местной печати с рецензиями и статьями на драматические произведения и на их постановки: “Ини-бии” (“Братья”, 1934), “Күкүр Уус” (“Кузнец Кюкюр”, 1935), “Кыһыл Ойууну” хайдах туруоралларын туһунан” (“К постановке “Красного Шамана”, 1937), “Кэрэ испиэктээх” (“Прекрасный спектакль”, 1946) и др. Критик рассматривает драматические произведения, с одной стороны, как художественное произведение, с другой – как театральную постановку. И это композиционно разбивает работы на две части: первая часть посвящается анализу драмы как художественное произведение, где основное внимание уделяется авторской идее; во второй части уже идет анализ и оценка спектакля. Для критика важны даже самые мельчайшие детали, начиная с музыки до мастерства актеров.

Для примера более подробно остановимся на рецензии Н. Н. Павлова к драме С. П. Ефремова “Ини-бии” (1934), где раскрывается история судеб и взаимоотношений родных братьев, которых Гражданская война развела по обе стороны фронта. Это одно из лучших произведений С. П. Ефремова и якутской драматургии 1930-х гг. в целом.

В 1934 г. Н. Н. Павлов обратился к драме “Братья” С. П. Ефремова и выступил с рецензией в местной печати. Уже тогда критик, размышляя о теме и идее драмы, высказал мысль, что произведение неограничивается показом влияния гражданской войны на судьбы людей. Главная тема здесь, как объясняет критик, это влияние общественного окружения на идеалы человека: “Перед нами разворачивается картина, где пути двух братьев из одной бедной семьи расходятся, когда начинается гражданская война. Старший брат – Коля – не может пойти против приемного отца-богача и до самого конца остается с ним. Исходя из этого, можем сделать вывод, что окружение человека оказывает огромное влияние на его сознание и ставит в рамки, выбраться из которых практически невозможно. Это и хотел передать автор через свое произведение” [8]. По мнению критика, образ матери был раскрыт очень удачно, автор сумел передать трагедию матери, сыновья которой оказались по обе стороны классово-политической борьбы. До Н. Н. Павлова драма “Братья” была анализирована молодым поэтом И. Д. Винокуровым-Чагылганом и Артемьевым. В отличие от Н. Н. Павлова И. Д. Винокуров-Чагылган образ матери посчитал неполноценным, т.к. автор не показал дальнейшую судьбу матери. А Артемьев тему драмы определил, как отражение жизни бедных крестьян и борьбу за власть советов. Н. Н. Павлов не соглашается с этими выводами, но солидарен с оценкой игры актеров [8].

К недостаткам пьесы критик относит растянутость сюжета, где лишним является образ сумасшедшего; также не одобряет внесение в постановку бандита-эвенка, отсутствующего в тексте драмы, что может восприниматься как большая политическая ошибка.

В 1930-40-е годы Н. Н. Павлов посвятил несколько работ творчеству писателя-сверстника Д. К. Сивцева-Суорун Омоллона, где особенное внимание уделил драме “Күкүр Уус” (“Кузнец Кюкюр”). Определение системы идейно-эстетических подходов критика в оценке драмы “Кузнец Кюкюр” выступило предметом анализа в другой нашей работе [2].

В литературно-критическом наследии Н. Н. Павлова имеются также статьи о русских писателях “Лев Толстой эстетикатын туһунан” (“Об эстетике Льва Толстого”, 1940), “В. Г. Короленко” (1946) и др. В последние годы жизни Н. Н. Павлов написал статьи-воспоминания о современниках, но и в мемуарных работах легко угадывается почерк критика. Таким образом можно утверждать, что литературно-критическое наследие Н. Н. Павлова представлено интересными работами, отражающими вехи времени.

Оценка литературного наследия классиков якутской литературы

В 1940-1950-е годы особенно остро стоял вопрос о литературном наследии основоположников якутской литературы А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева, связанный с историей создания и выхода монографии Г. П. Башарина “Три якутских реалиста-просветителя” (1944). Н. Н. Павлов был свидетелем тех непростых лет и выразил в своих работах свое отношение к творчеству А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова. Его беспокоила судьба произведений классиков якутской литературы, волновали вопросы дальнейшего исследования жизни и творчества писателей. Еще в 1946 году Н. Н. Павлов написал статью “Сахалы айымньылар нууччалы тылбаастара” (“К переводу якутских произведений на русский язык”), где наблюдается его особое отношение к творчеству А. Е. Кулаковского и А. И. Софронова. В указанной работе Н. Н. Павлов обращается к сборнику переводов поэтических произведений “Лена биэрэкэтитэн” (“С берегов Лены”), в котором были представлены переводы стихотворений А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, С. С. Васильева-Борогонского, А. А. Иванова-Кюндэ, и др. Почти все переводы были сделаны известным переводчиком А. С. Ольхоном. Н. Н. Павлов считает, что переводить особенный стиль и неповторимый слог классиков очень сложно. Переводчик А. С. Ольхон, по мнению критика, не смог передать всей полноты и красочности произведений А. Е. Кулаковского и А. И. Софронова, а с переводом стихотворений остальных поэтов он справился. Для примера приведем отрывки из оригинала: “*А. Кулаковскай бэрт муока, туспа стиллээх поэт. Кини стилэ народ үөһүттэн тахсан баран, талаан өйгө баһыттарытынан сайдыбыта. Ону лирик тылбаасчыт Ольхон кыайан толору биэрэрэ сатаммат этэ*” [7] (Кулаковский имеет своеобразный, поистине уникальный стиль, связанный с фольклором и восходящий к слиянию природного таланта с разумом. Это не по силам было передать переводчику-лирику Ольхону); “*Ольхон хоһоонноро, Софронов гизннэригэр тэнниш тутан көрдөххө, олус чэпчэкилэр, оһон поэма (“Төрөөбүт дойдуга” – Л.Г.) дьулуурдаах, имэннээх тыына нууччалы тылбаастанытыгар арыычча мүлүүрүбүт. Бу тылбаасчыт гизнэ албаһа буолбатах, бу – тылбаасчыт поэманы ааһан баран талааныгар ситэ буһара илигиттэн тахсыбыт*” [7] (Переводы Ольхона, по сравнению с произведениями самого Софронова, очень простые, легкие, поэтому в переводе поэмы (“Родина”) на русский язык не хватает пылкости, страсти. Нет, это не ошибка переводчика. Это связано с тем, что он недостаточно опытен, чтобы переосмысливать произведения классиков).

Позднее, в 1962 году Н. Н. Павлов написал статью “Кулаковскай эһилиэстибэтигэр сыһыан туһунан” (“Об отношении к литературному наследию Кулаковского”), где выразил сожаление о том, что до сих пор не прекратились споры о А. Е. Кулаковском и, самое главное, это тормозит начало научного исследования творчества классика. Критик

искренне сожалеет о безрезультатно проведенных в спорах о жизни и творчестве поэта годах протяженностью более 30 лет [3].

У Н. Н. Павлова есть еще несколько статей, в которых затрагиваются вопросы исследования литературного наследия. Но одной из наиболее интересных работ мы считаем недоконченную монографическую статью «Анемподист Иванович Софронов». К сожалению, эта статья не была опубликована, рукопись хранится в семейном архиве. Объем рукописи – 38 страниц. 36-ая страница утеряна. Исследователь биографии и творчества писателя Н. З. Копырин предполагает, что эта работа могла быть написана в 1960 годах [4, 170]. В этой статье Н. Н. Павлов делит литературно-творческую деятельность А. И. Софронова на 6 периодов:

I – 1905-1912 гг., малоизученный период;

II – 1912-1917 гг.;

III – 1917-1922 гг.;

IV – 1923-1927 гг., период до ареста советской властью;

V – 1927-1933 гг., период ссылки;

VI – 1933-1935 гг., последние годы жизни.

В начале он знакомит нас с биографией А. И. Софронова, рассказывает о начале творческого пути писателя, а далее приступает к подробному описанию периодов и оценке его произведений. Первый период (1905-1912) критик отметил как «неизученный». По его словам, этот отрезок времени требует особого внимания, так как именно по этому периоду не хватает достоверных фактов жизни и творчества. Второй период – время октябрьской революции (1912-1917). «В это время А. И. Софронов подарил народу свои лучшие произведения...» – с этих слов начинается автор анализ данного периода. И вправду, А. И. Софронов в первые десятилетия XX века активно занимался творческой деятельностью, создал такие известные произведения, как «Дьаданы Дьаакып» («Бедный Яков»), «Нууччатымсыйбыт» («Обрусевший»), «Таптал» («Любовь») и «Төрөөбүт дойду» («Родина»). Третий период – годы классовой борьбы (1917-1922). Н. Н. Павлов рассуждает над произведениями, написанными А. И. Софроновым в эти непростые годы. Критик утверждает, что классовые противоречия отразились и на его творчестве. Свои суждения он закрепляет примерами из стихотворений. Четвертый период – время становления советской власти (1923-1927). В это время А. И. Софронов активно участвовал в жизни общества, его поэзия стала более лирической: «Сочиняет лирические стихотворения. Видно, что хочет творить, но не получается – не находит подходящие темы. Начинает писать прозу, создает четыре рассказа». Пятый период – ссылка (1927-1933). А. И. Софронов не переставал заниматься творчеством даже находясь в ссылке, вдали от родной земли. Н. Н. Павлов приводит отрывки из стихотворений поэта для иллюстрации душевного состояния поэта. Шестой период – последние годы жизни писателя (1933-1935). Критик делает анализ рассказа «Сотору да көстөр сордообут», раскрывает тему и идею произведения. В завершении статьи Н. Н. Павлов приводит выводы по всем шести периодам и заключает, что А. И. Софронов прожил очень сложную, полную трагизма, жизнь; на его творчество повлияла борьба двух классов, нового и старого, вместе с тем поэт справился со всеми ударами жизни и в последние годы жизни стал на путь советской литературы.

Как видно, статья охватывает почти весь жизненный и творческий путь А. И. Софронова. Видно, что критик высоко ценил произведения писателя и искренне надеялся на будущих литературоведов, в трудах которых творчество классика нашло бы достойное исследование и объективную оценку.

В семейном архиве Павловых хранится еще одна интересная рукопись критика – это статья «Чолбон». Рукопись датирована «12/1-1974», состоит из 29 страниц. Известно, что в 1996 году отрывок статьи был напечатан в 4-м номере журнала «Чолбон». Во введении критик обращается к истории создания журнала «Чолбон»; отмечает, что журнал внес

огромный вклад в развитие якутской литературы и литературной критики; приводит сведения о первых редколлегиях журнала. Основная часть работы состоит из 3 частей. Первая часть целиком состоит из списка авторов и их произведений, вышедших в печать в период с 1922 по 1926 годы. Во второй части он дает библиографический список произведений, напечатанных в “Чолбоне”. Список составлен по одному шаблону: сперва даются сведения об авторе, указывается псевдоним, далее название произведения и его жанр, а потом номер журнала, в котором оно было напечатано. Почти к каждому произведению Н. Н. Павлов от себя прикрепляет краткую заметку-рецензию. Нужно отметить, что таким образом он написал библиографию отдельно для каждого писателя. Безусловно, это – неопределимый труд. Мы считаем, что библиографический список Н. Н. Павлова мог бы вызвать интерес и современного исследователя. В третьей части работы критик сравнивает работу двух редакций журнала и приходит к выводу, что вторая редакция явилась продолжением первой, и число авторов во время работы второй редакции существенно увеличилось. Так, статья “Чолбон” знакомит нас не только с историей журнала, но и историей якутской литературы в целом. Безусловно, работа очень интересная, информативная; в ней автор раскрывается как историк литературы, как исследователь-библиограф и литературный критик.

Заключение

Н. Н. Павлов как литературный критик имеет свое место в истории якутской литературной критики. Критик жил и творил в годы, когда в литературе существовали определенные установки и критерии оценивания художественных произведений, что, несомненно, сказывалось в оценке тех или иных произведений. Но Н. Н. Павлов каждому произведению старался давать объективную оценку. Его волновала судьба литературного наследия классиков якутской литературы и работы, затрагивающие эту проблему, представляют отдельное направление в литературно-критической деятельности. Н. Н. Павлов, как человек своего времени, в основном придерживался идейно-эстетических установок советской критики, но его выводы и замечания основывались на глубоком анализе.

Л и т е р а т у р а

1. Воспоминания о Н. Н. Павлове / сост. Павлова А. Е. Якутск: РИО Медиа-холдинг, 2019.
2. Григорьева Л. П., Гладкина Е. Ф. Драма “Кузнец Кюкюр” Д. К. Сивцева в оценке Н. Н. Павлова-Тыасыта // Мир науки, культуры, образования. №2(87). – 2021. – С. 427-429.
3. Григорьева Л. П., Гладкина Е. Ф. Н. Н. Павлов-Тыаһыт саха классиктарын айар үлэлэригэр бэлиэтэһиннэрэ // Фольклор и национальная литературная классика: методология и перспективы исследования [Электронный ресурс]: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию классика якутской литературы, просветителя, фольклориста Николая Денисовича Неустроева (г. Якутск, 18-19 декабря 2020 г.) / [Сост.: М. П. Попова, Л. Е. Манчурина, А. Е. Шамаева и др.]. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2020. – С. 126-129
4. Копырин Н. З. Н. Н. Павлов-Тыасыт (жизнь, творчество) / Институт гуманитар. исслед. АН РС (Я). Якутск, 1999. 232 с.
5. Крылов В. Н. Теория и история русской литературной критики. Казань: Казан. ун-т, 2011.
6. Ойунская С. П. Светлое имя отца: поэмы, эссе, статьи и воспоминания. Якутск: Бичик, 2003.
7. Павлов Н. Н. Сахалы айымньылар нууччалы тылбаастара // Кыым. – 1946. – Ыам ыйын 7 к., – С. 4.
8. Тыаһыт. Ини-бии // Кыым. – 1934. – Сэтинньи 2 к. – С. 3.
9. Тыаһыт. Үүнүү бэлиэтэ // Кыым. – 1940. – Кулун тутар 5 к. – С. 4.

References

1. Vospominaniya o N. N. Pavlove / sost. Pavlova A. E. Yakutsk: RIO Media-holding, 2019.
2. Grigor'eva L. P., Gladkina E. F. Drama "Kuznec Kyukyr" D. K. Sivceva v ocenke N. N. Pavlova-Tyasya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. №2(87). – 2021. – S. 427-429.
3. Grigor'eva L. P., Gladkina E. F. N. N. Pavlov-Tyahyt saha klassiktaryn ajar yleriger belietehinnere // Fol'klor i nacional'naya literaturnaya klassika: metodologiya i perspektivy issledovaniya [Elektronnyj resurs]: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 125-letiyu klassika yakutskoj literatury, prosvetitelya, fol'klorista Nikolaya Denisovicha Neustroeva (g. Yakutsk, 18-19 dekabrya 2020 g.) / [Sost.: M. P. Popova, L. E. Manchurina, A. E. Shamaeva i dr.]. – Yakutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2020. – S. 126-129
4. Kopyrin N. Z. N. N. Pavlov-Tyasyt (zhizn', tvorchestvo) / Institut gumanit. issled. AN RS (YA). Yakutsk, 1999. 232 s.
5. Krylov V. N. Teoriya i istoriya russkoj literaturnoj kritiki. Kazan': Kazan. un-t, 2011.
6. Ojunsкая S. P. Svetloe imya otca: poemy, esse, stat'i i vospominaniya. Yakutsk: Bichik, 2003.
7. Pavlov N. N. Sahalyy ajymn'ylar nuuchchalyy tylbaastara // Kyym. – 1946. – Yam yjyn 7 k., – S. 4.
8. Tyahyt. Ini-bii // Kyym. – 1934. – Setinn'i 2 k. – S. 3.
9. Tyahyt. Yynyy beliete // Kyym. – 1940. – Kulun tutar 5 k. – S. 4.

УДК 821.512.157.09 (091)

*С. Д. Дарбасова***Творчество А. Е. Кулаковского в якутской литературной критике 1920-1930-х гг.: начальный период осмысления и оценки наследия классика**

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В критических работах, посвященных творчеству основоположника якутской литературы А. Е. Кулаковского (1877-1926), начиная с рецензий первых критиков и заканчивая монографиями литературоведов последнего времени, отражается весь путь развития якутской литературной критики. В 1920-1930-е гг. мнения начинающих критиков и писателей зарождающейся якутской литературы о поэтических произведениях классика были продиктованы культурно-историческим и общественно-политическим положением в стране.

Изучение основ периодизации истории критики и оценки наследия первого поэта в аспекте влияния эпохи, менталитета народа саха и господствующей идеологии на критику произведений литературы позволяет рассматривать данный период как начальный этап осмысления и оценки творчества основоположника якутской литературы. Именно в этот непростой период зарождения якутской литературной критики А. Е. Кулаковский нашел в конкретно-историческом литературном пространстве последующих времен свою литературную Позицию.

Ключевые слова: якутская критика, дореволюционные писатели, становление литературы, институт критики, буржуазный национализм, нигилистический подход, литературная позиция.

*S. D. Darbasova***A. E. Kulakovsky in the Yakut literary criticism of the 1920s-1930s: the initial period of comprehension and evaluation heritage classic**

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. Starting with reviews of the first critics and to monographs by literary critics of recent times, critical works devoted to the heritage of A. E. Kulakovsky (1877-1926), the Yakut literature founder, reflect the entire path of development of Yakut literary criticism. In the 1920s-1930s, the opinions of novice critics and writers of the nascent Yakut literature about the poetic works of the classic writer were dictated by the cultural, historical and socio-political situation in the country.

The study of the periodization principles for the history of criticism and assessment of the first poet heritage in the aspect of the influence of the era, the mentality of the Sakha people and the dominant ideology on literary criticism allows us to consider this period as the initial stage of comprehending and evaluating the work of the Yakut literature founder. It was during this difficult period of the emergence of Yakut literary criticism when A. E. Kulakovsky found his literary position in the specific historical literary space of subsequent times.

Keywords: Yakut criticism, pre-revolutionary writers, formation of literature, institution of criticism, bourgeois nationalism, nihilistic approach, literary position.

ДАРБАСОВА Светлана Дмитриевна – к. пед. н., старший научный сотрудник Института А.Е. Кулаковского СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: dars07@mail.ru

DARBASOVA Svetlana Dmitrievna – Candidate of Pedagogical Sciences, senior researcher, Kulakovsky Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Введение

В условиях глобализации изменяющегося мира, когда культура малочисленных народов претерпевает унификацию и нивелирование в общем процессе развития человечества, на первый план выходят вопросы духовной самоидентификации и национальных ценностей, которые не позволяют народам затеряться в огромном мире. В этом плане художественное и научное наследие основоположника якутской литературы А. Е. Кулаковского (1877-1926) признано концептуально-парадигмальной и культурфилософской основой национальной культуры якутов.

Восходящее к идее евразийства интеллектуальное наследие классика литературы и выдающегося мыслителя XX в. не только национальное достояние якутов, но и ценный вклад в формирование гуманитарно-нравственного пространства народов, которое начало формироваться в русской литературе и философии с середины XIX в. Сегодня наследие А. Е. Кулаковского воспринимается как особый гуманитарный ресурс, который позиционирует культуру народа саха в парадигме современного мирового развития. Но начало осмысления ценности его художественного и научного наследия, признание его первым национальным поэтом берет начало с 1920-х годов прошлого века, когда на страницах республиканской печати начали выходить первые критические работы, освещающие поэтические произведения писателя.

Начальный период становления якутской литературной критики представляет собой совершенно новый этап в развитии сознания общества, когда критические споры способствовали идейно-творческому росту молодых писателей и критиков, а также воспитывали вдумчивого и объективного в своих оценках читателя. Несмотря на приверженность к российским и отчасти к западным культурфилософским взглядам и теориям, критики этого периода основывались в своих суждениях не на абстрактные, надуманные схемы, а на свой личный эмпирический и рациональный опыт, что стало основой для возникновения самобытной критической мысли.

Кроме злободневных проблем современной им литературы предметом обсуждения критиков было отношение к наследию первых писателей, получивших название «дореволюционных писателей-просветителей». Если исследователи творчества первого поэта говорят, что «поэтическое наследие А. Е. Кулаковского – это вся якутская литература в ее истоках», то критическая литература о его наследии – это весь сложный путь развития якутской литературной критики [31].

Оценка художественного наследия А. Е. Кулаковского якутской литературной критикой в 1920-1930-х гг. XX века представляет собой дискуссию вокруг литературных вопросов зарождающейся якутской литературы, который имеет сугубо классовый подход в силу общественно-политической и культурной обстановки, зависящей от линии партии. В Очерках об истории литературы Якутии XX века находим: «Особенности развития национальной литературы и науки о ней <...> можно охарактеризовать как драматическую историю решения двух глобальных проблем, проникших во все направления духовного пространства нации, - отношение к классическому наследию первых трех якутских писателей, впоследствии и П. Ойунского, и создание научной истории якутской литературы» [4, с. 3]. Действительно, история отношения к наследию классиков стала «историей «взлетов» и «падений» национального самосознания, т. к. чувство ментальной цельности и самоидентификации народа во многом зависят от осмысления вклада в становление национальной духовности его ярких личностей, представляющих собой культурно-ценностное ядро нации.

Критика как составная часть литературного процесса зависит от общественных условий и политических установок в большей степени, чем сама литература, и особенно эта связь проявляется на стадии становления критики. В этой связи с точки зрения современных общественных и художественных задач молодые литераторы интерпретировали классическое наследие дореволюционных писателей, переходя в

своих работах от собственно литературных проблем к социально-общественным и политическим проблемам. Зарождающаяся якутская критика делала попытки руководить культурной жизнью общества, ставя во главу угла вопросы строительства классовой художественной литературы.

Однако первые критические оценки творчества А. Е. Кулаковского, характеризуемые противоречивостью суждений, частой сменой идеологических позиций и эстетических воззрений авторов, порой даже повышенной экспрессивностью в высказываниях, позволили первому поэту якутской литературы занять свою нишу в критике, затем в литературоведении раз и навсегда. Именно в этот непростой период зарождения якутской литературной критики А. Е. Кулаковский нашел в конкретно-историческом литературном пространстве последующих времен свою Позицию, как со стороны места, которое занимает его творчество в якутской литературе, так и со стороны свода «литературных убеждений писателя, позволяющих судить и о его творческих (конфессиональных, политических, нравственных) ориентирах, и о типе избираемой им авторской стратегии, и о его отношении к другим писателям, к другим поэтикам и идеолектам, к литературе (и читателям) вообще» [38, с. 410].

Исходя из сущности литературной критики, в основу исследования критических работ данного периода должен быть положен принцип синестетизма, позволяющий рассматривать критический материал в общем контексте развития эстетического сознания эпохи. Социологический и историко-генетический методы в изучении литературно-критических работ как явления с многогранными связями с жизнью социума определенного культурно-исторического времени помогают выявить связь работ первых критиков и писателей с действительностью, их породившей.

Основная часть

Критика как филологическая рефлексия по поводу словесно-организованного текста имеет присущие только ей закономерности развития и бытования как особый род литературно-общественной деятельности. В отличие от истории литературы она освещает процессы, происходящие прежде всего в литературном движении современности, или интерпретирует классическое наследие с точки зрения современных общественных и художественных задач. Так, в работах первых критиков по творчеству А. Е. Кулаковского характерно выявление смысла произведений поэта, сопровождающееся оценочным суждением, основанным на субъективных представлениях авторов о нормах художественности, правилах вкуса, эстетических запросах эпохи. Работы пусть и не столь аргументированные, но динамичные, свободные от норм и требований профессиональной критики, основанные на непосредственных личных впечатлениях, были интересны для широкого читателя. Постепенно критики и писатели начали высказывать мнения о том, насколько удачно воплощен в тексте авторский замысел, насколько убедительно поэт решает ту или иную художественную проблему.

Хотя работы начинающих критиков и писателей были далеки от образцов профессиональной критики, а мысли и суждения имели резко эмпирический характер, но высказывания их отличались от всех, кто писал о художественной литературе, знанием контекста, что является неперенным условием принадлежности критики к профессиональной. Включенность критики в литературный процесс и соответственно в жизнь писательского сообщества можно признать ее родовым свойством.

Якутская литературная критика зародилась в 1920-е гг. на страницах периодической печати. В республиканских газетах «Автономная Якутия» (1922), «Кыым» («Искра», 1924), «Эдэр бассабык» («Молодой большевик», 1929), в журналах «Чолбон», «Якутские зарницы», «Кыһыл ыллык» («Красная тропа») появились первые критические выступления, которые были вызваны назревшей необходимостью осветить текущий литературный процесс. За исключением малого процента статей, написанных в

традиционных жанрах критики, это были раздумья, отклики и отзывы молодых писателей и начинающих критиков о современной им литературе и попытка анализа творческого наследия дореволюционных писателей.

Самобытная писательская критика была интересна читателям смелостью рассуждений, нетрадиционностью эстетического вкуса и стремлением понять художественное слово с позиций собственных убеждений. В условиях господствующей идеологии на страницах газет и журналов развернулась горячая полемика молодых литераторов об актуальных вопросах развития зарождающейся якутской литературы и критики.

Вопросы становления критики в работах литературоведов

В сборнике статей «Саха литературнай критикатын сорох боппуруостара» (Некоторые вопросы якутской литературной критики) (1969) Г. С. Сыромятников предложил первую периодизацию истории развития якутской литературной критики, состоящий из 4-х периодов [32, с. 21].

Первый период (с середины 1920-х г. до I-го съезда писателей Якутии (1939 г.)) автор называет временем становления якутской критики, когда были допущены существенные ошибки в понимании роли фольклора в развитии литературы и значении дореволюционной литературы и писателей.

Второй период (1940-е г.) отмечен деятельностью Г. П. Башарина по реабилитации имен А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева. В это время литературные критики интенсивно работают по части практического анализа вновь появившихся художественных произведений.

Третий период (конец-х 1940-х гг.) – один из самых противоречивых моментов в истории якутской критики, в котором усматривается ссылка на вульгарно-социологические и рапповские тезисы 1920-х годов.

Четвертый период (начало 1960-х гг.) характеризуется поднятием уровня теоретической подготовки критиков и литературоведов. Широкий круг читателей стал интересоваться литературной критикой. Были созданы благоприятные условия для развития литературоведения, результатом которых стало возвращение принципиальной объективной оценки произведений классиков якутской литературы.

Что касается интересующего нас периода, то в статье «К изучению истории якутской критики (1920–1960)», напечатанной в сборнике «Вопросы филологии» (1970) Г. С. Сыромятников пишет, что в 1920-е гг. критические работы якутских авторов затрагивали три основные проблемы: а) статьи, посвященные разъяснению широкой массе предмета литературы, искусства, их роли в жизни общества; б) статьи, обращенные к дореволюционной литературе, наследию классиков якутской литературы и фольклору; в) статьи о зарождающейся якутской литературе, путях ее развития [33].

Начальный период становления якутской критики исследован в работе Н. П. Канаева «Зарождение и становление литературной критики в Якутии (1925-1940 гг.)», где внимание автора сосредоточено на сложных вопросах истории якутской литературы и критики [8]. В эти годы в критических статьях поднимались проблемы методологического характера – о принципах классовости в литературе и искусстве, о новом художественном методе. В полемике решающее значение имело обращение критиков и писателей к опыту современной русской советской литературной критики. В истории русской литературы и национальных литератур 1920-е гг. озаменованы влиянием Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП).

Автор книги прослеживает путь влияния РАПП на зарождающуюся якутскую литературу и отмечает, что в первое время влияние Ассоциации на литературу и критику было положительным, но уже в конце 1920-х годов, «некоторые якутские критики в своих печатных выступлениях следовали крайностям вульгарно-социологической методологии рапповских теоретиков. Это выразилось в упрощенном толковании ими

классовой сущности якутской пролетарской литературы, в нигилистическом отношении к родному фольклору и литературному наследию дореволюционных писателей» [8, с. 13]. Причину этого Н. П. Канаев видит как в недостаточной теоретической подготовленности якутских критиков, так и в их классовой позиции. Так называемая борьба за “классовую чистоту пролетарской литературы” не могла не коснуться молодых критиков, которые в своем первопроходческом пылу полагали, что революционная якутская литература не может иметь ничего общего с предшествующей, “отсталой” дореволюционной литературой, патриархальной духовной культурой, являющейся отражением феодальной и буржуазно-националистической идеологии.

Одной из значительных проблем, поднятых якутской литературной критикой после резолюции ЦК партии “О политике партии в области художественной литературы”, явилась проблема отношения к творчеству дореволюционных писателей. В резолюции говорилось об опасности “легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому литературному наследию”, а также к продолжающим творить дореволюционным писателям [8, с. 20]. Автор использует выражение “нигилистическое отношение”, имея в виду полное игнорирование некоторыми якутскими критиками значения наследия классиков для развития якутской литературы. Их решительные действия привели к отрицанию преемственности в литературе и установке, что развитие новой литературы должно быть основано на принципе строгой пролетарской классовости [8, с. 21].

В этот период главным проводником рапповских методологических принципов в якутской критике становится литературная группа “Молодой большевик”, возникшая при областной комсомольской газете “Эдэр большевик”. Активными членами группы были С. Кулачиков-Элляй, Н. Заболоцкий, В. Новиков, И. Жирков, Г. Тарский, А. Румянцев и др. Группа ставила своей целью укрепление коммунистической линии в якутской литературе, а поводом к их выступлениям было появление в печати тезисов А. А. Иванова-Кюндэ “О якутской художественной литературе и искусстве” (1930). В программной статье «Контртезисы группы «Молодой большевик» к тезисам Кюндэ» были подняты назревшие в молодой литературе творческие проблемы. Группа претендовала на ведущее положение в якутской литературе, призывала писателей Якутии сплотиться в единую литературную организацию [5].

Дальнейшее развитие литературно-критической мысли Якутии связано с именем Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя. Исследователь указывает на то, что Мординов в своих критических выступлениях довоенного периода затрагивал важнейшие проблемы развития родной литературы: тематику произведений, художественный метод, проблемы изображения положительного героя и т. д. Заслугой Амма Аччыгыя Н. П. Канаев считает его борьбу за укрепление связи литературы с жизнью, за злободневность тематики, за художественное мастерство, за отказ от схематизма.

В заключении анализа этого периода развития якутской литературной критики автор приходит к выводу, что «в литературной критике еще не были глубоко освоены основополагающие принципы марксистско-ленинской эстетики. Этим в большей мере и объясняется та общая тенденция в литературной критике начала 30-х годов, которая вела к отрицанию значения всего дореволюционного культурного наследия, в том числе творчества зачинателей якутской литературы» [8, с. 39].

Чтобы глубже понять идеологическую основу позиций критиков, придерживающихся принципов пролетарской классовости в литературе, можно обратиться к работам известных и влиятельных критиков революционной эпохи. Крупные специалисты, к мнению которых прислушивалось большинство писателей и критиков, часто выступали на писательских конференциях, сборах и т. п. Их работы печатались на первых страницах периодических изданий, в них был представлен широкий спектр проблем классовой литературы – от природы и функций литературной критики при социализме до вопросов литературной формы.

А. А. Богданов (Малиновский) (1873-1928) – философ, писатель и литературный критик, главный идеолог и организатор Пролеткульта, уделял огромное внимание разработке проблем теории пролетарской культуры, применяя классовый подход к искусству и проблеме «культурного наследия», отстаивал «классовую чистоту пролетарской культуры» и «организационные функции пролетарской поэзии». [9, с. 14]. В докладе, с которым он выступил на Первой конференции Пролеткультов в сентябре 1918 года, он так определяет задачу литературной критики: «...должна идти рядом с развитием самого пролетарского искусства, помогая ему советом и истолкованием и руководя им в использовании художественных сокровищ прошлого. Эти сокровища она должна передать пролетариату, объяснив ему все, что в них для него полезно и нужно и чего в них для него недостает» [9, с. 19].

В статье «Критика пролетарского искусства» (1918), опубликованной в журнале «Пролетарская культура», представлены его взгляды на роль и методы пролетарской критики. Задачи критики по отношению к пролетарскому искусству он видит в установлении границ и определении рамок, «чтобы оно не расплывалось в окружающей культурной среде, не смешивалось с искусством старого мира» [9, с. 21]. Признавая узость содержания произведений пролетарского искусства, вытекающей из недостатка опыта, вынужденной ограниченности поля наблюдений и суженного, одностороннего восприятия действительности, он ставит задачу перед новой критикой: расширить границы их содержания.

Рассуждения о форме и содержании произведения мы находим в «Тезисах о задачах марксистской критики» А. В. Луначарского, которые легли в основу доклада о состоянии и задачах марксистской критики на Первом съезде Всесоюзной организации пролетарских писателей в мае 1928 года: «Литература – искусство слова, искусство, наиболее близкое к мысли, отличается большим значением в нем содержания по сравнению с формой, чем другие искусства. В литературе особенно очевидно, что именно художественное содержание, то есть поток мыслей и чувств, облеченных в образы или связанных с образами, является определяющим моментом всего произведения. Содержание само устремляется к определенной форме» [9, с. 56-72].

А. В. Луначарский выводит и критерии оценки художественного произведения критиками, подойдя к этому вопросу со стороны содержания. Главным критерий он формулирует предельно кратко: «Все, что содействует развитию и победе пролетарского дела, есть благо, все, что вредит, есть зло» [9, с. 62]. Здесь первый критерий новой критики – соответствие формы содержанию, второй – оригинальность формы и третий – общедоступность произведения. Прямо говорит критик и о роли критика-марксиста: быть учителем писателя и читателя, избегая ожесточенной острой полемики. Таковы в целом положения тезисов, которые стали программными в 1930-е годы на ниве литературной критики.

Противоположное мнение о роли критика как учителя имел Б. М. Эйхенбаум (1886-1956), один из ключевых деятелей формальной школы и ОПОЯЗа. В статье «Нужна критика» (1924), появившейся до «Тезисов» Луначарского в журнале «Жизнь искусства», литературовед писал, что у критика не может быть учеников, которых надо оценивать, в этой роли он будет наивен и даже смешон. У него гораздо более сложная прерогатива: он должен своевременно и чутко откликаться на события литературной жизни, уметь распознавать то, что «образуется у него на глазах, что еще никак не сложилось» [9, с. 389]. В этом отличие критика от историка литературы, который оперирует установленными фактами. Критик должен не только видеть зарождающееся, но и усматривать в этом признаки того, что в будущем будет «историей литературы».

Историю развития якутской литературной критики в статье «Краткий обзор истории якутского литературоведения и критики (1920-1980гг.)» рассматривает А. А. Билюкина [2]. Термин “ускоренное развитие”, введенный в научный оборот

Г. Д. Гачевым, исследователь использует касательно развития якутской литературы, немаловажное значение в котором принадлежит литературной критике, появившейся в середине двадцатых годов. Предпосылкой ее возникновения явилась общественная мысль, которая выразилась в выступлениях творческой интеллигенции. По мнению автора, в поэтических произведениях и научных трудах А. Е. Кулаковского были определены этико-эстетические критерии оценки художественного произведения, в частности, в реферате «Главнейшие достоинства поэзии Пушкина» (1897) он писал о необходимости исторического подхода к литературному факту. Литературная деятельность А. Е. Кулаковского определила позитивное исследовательское направление критической мысли в противовес догматизму и вульгаризаторской нормативности в оценке литературы [2, с. 3-4].

В период зарождения литературной критики определяющую роль в движении литературно-критической мысли играли партийные документы и материалы по вопросам литературы и искусства. Так, Резолюция ЦК партии «О политике партии в области художественной литературы» (1925) явилась идейно-теоретическим ориентиром литературно-критических выступлений, освещавших состояние якутской литературы. «Отвечая специфике культурной революции в молодой якутской республике, едва вступившей из патриархально-феодалного уклада в социалистическую новь, первые литературно-критические выступления носили агитационно-просветительский характер» [2, с. 4].

Литературная критика по творчеству А. Е. Кулаковского

Первые критические выступления имели познавательный, просветительский характер, авторами их были А. И. Софронов, А. А. Иванов-Кюндэ, В. Н. Леонтьев, и др. Статьи начинающих критиков объясняли читателю литературные явления, теоретические основы жанров литературы и искусства. Развитие книгопечатания в республике содействовало развитию критики. В литературном журнале «Чолбон» (1926-1929) общества «Саха омук» и Наркомпросздрава публиковались художественные произведения и литературно-критические статьи местных авторов. Журнал стал ареной выступления молодых критиков и литераторов о текущей литературной жизни, ее задачах и тенденциях развития.

Произведения писателей этого периода оценивались критикой с позиции требований классовости и партийности искусства без учета своеобразия таких эстетических категорий литературы, как принцип художественной типизации, многообразие стилей, художественных форм и средств.

Были противоречия и в понимании задач литературы. Например, если в начале 1920-х годов А. И. Софронов целью литературы обозначал правдивость изображения жизни и высокую художественность в противовес тенденциозности и схематизму, то в конце 1920-х призывает литературу быть средством нравственного и идейного воспитания, говорит о востребованности агитпьес на злобу дня. Смену понимания задачи литературы можно объяснить обстановкой послевоенного времени, когда республика восстанавливала народное хозяйство, а от литературы требовали отклика на события действительности.

Положение в литературной ситуации резко изменилось с появлением постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1928 г. «О положении в Якутской организации» и статьи «О борьбе с националистической идеологией» в журнале Агитпропа ЦК партии «Коммунистическая революция» (1927, № 6). Эти документы и указания послужили руководством для административного проведения «пролетарской ленинской национальной политики». Началось администрирование партии над литературно-критическим процессом, приведшее к отрицанию классического наследия дореволюционной литературы. Но тем не менее, опыт, приобретенный в разные этапы

развития критики, становился основой развития следующего этапа, чтобы позволить ей стать самостоятельной формой познания действительности, важнейшей стороной литературных направлений, придающей им окончательную оформленность и устойчивость.

Что касается литературоведческих работ, то одним из самых обсуждаемых стала книга А. А. Иванова-Кюндэ “Художественная форма якутской поэзии” (1930) [13, с. 220-252]. В книге исследуется поэтика якутского стихосложения, дается описание разных систем стихосложения. Высоко оценивая аллитерационную систему народного стиха, автор говорит о необходимости внедрения в якутскую поэзию рифмы и силлабического размера, в чем он видит основу развития современного якутского стиха.

Интерес писателей и критиков к поэтике и вопросам теории литературы подтверждает и факт появления в 1928 году статьи А. Г. Кудрина-Абагинского «Саха ырыатын, кэпсээнин дорбоонун, куорматын сайдыыта» на страницах газеты «Хотугу ыччат», где автор говорит о заслуге А. Е. Кулаковского в развитии формы якутского стиха [1].

Горячее обсуждение о проблемах и путях развития якутской литературы и критики вызвала статья В. Н. Леонтьева «Вопросы литературные (в порядке дискуссии)» (1927, № 161,162), опубликованная в двух номерах газеты «Автономная Якутия» [21]. В статье впервые в истории якутской критики предпринята попытка научного обозрения якутской литературы. Ценность работы заключается не только в объективной передаче содержания зарождающейся литературы, но и в определении ее характера с учетом культурно-исторического времени. Среди откликов особо выделяется статья С. Потапова «Алхимия товарища Леонтьева в вопросах литературных» [29].

К концу 1920-х гг. начинают появляться работы о необходимости периодизации якутской литературы и выявления перспектив ее развития. Начало было положено в статье В. Н. Леонтьева «Революция иннинээҕи саха литературата» («Дореволюционная якутская литература») в третьем выпуске Сборника трудов общества «Саха кэскилэ» в 1926 году [20]. В статьях В. Н. Леонтьева “О якутской литературе и путях ее развития”, С. Р. Кулачикова «Мысли о якутской литературе», А. А. Иванова-Кюндэ “О якутской художественной литературе и искусстве”, Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя «Якутская литература», «Боевые задачи пролетарско-колхозной литературы», «Основные этапы развития якутской художественной литературы» кроме вопросов периодизации литературы речь шла об узловых проблемах литературного процесса, идейно-эстетических задачах литературы и творческом методе писателей [22, 11,14, 23].

В 1937 г. вышла работа Н. М. Заболоцкого «Очерки якутской литературы», где обобщается путь, пройденный якутской литературой, анализируется творчество А. Е. Кулаковского, А. И. Софронова, Н. Д. Неустроева и П. А. Ойунского. «Очерки» явились подведением итогов дискуссий по вопросам якутской литературы, описанием и теоретическим осмыслением ее истории [6].

В целом о состоянии литературного дела в Якутии мы можем сделать вывод по информации председателя оргбюро Союза советских писателей Якутии В. М. Новикова-Күннүк Уурастырап “О работе оргбюро Союза советских писателей Якутии», напечатанной на страницах «Социалистической Якутии» от 1 июня 1939 года [26]. О литературной критике находим следующее: «... отдельные стихи о чувствах любви, о красотах природы механически и без разбора считаются вредной мещанской лирикой, а их авторам выносятся суровые приговоры» [26, с. 4]. Автор осуждает субъективную «критику» такого рода, говоря о том, что таковое явление способствует не развитию, а торможению литературы, тогда как задача марксистской литературной критики заключается в борьбе против проникновения в литературу контрреволюционных буржуазно-националистических взглядов. «Наша критика должна глубоко научно, выдержанно проанализировать современное состояние якутской художественной литературы, ее идейное богатство, ее художественные достижения; она должна выявить

ее творческие ошибки и недостатки. Критика должна конкретно выявить истинные причины отставания нашей литературы от значительно возросших запросов и требований широких читательских масс... она должна разработать научно ряд теоретических проблем, поставить основные творческие задачи, тем самым, наметить основные пути и общую перспектив дальнейшего роста всей якутской советской художественной литературы» [26, с. 4].

Таким образом, история развития якутской литературной критики 1920-1930-х гг. представляет собой уникальный и динамический процесс с присущими только ей самобытными чертами как один из системообразующих периодов развития молодой якутской литературы.

Как сказано выше, история развития якутской литературной критики тесно связано с историей ее отношения к творчеству А. Е. Кулаковского, первого поэта и автора первого сборника стихов в двух томах на якутском языке. Впервые периодизацию истории отношений к творчеству Кулаковского осуществил Н. Н. Тобуроков в пособии «Өксөкүлээх Өлөксөй олобун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии [34]. Исследователь выделяет 5 периодов, отражающих основные вехи отношения критики к наследию поэта с 1920-го г. до начала 2000-х гг. по принципу основных изменений в общественно-политической жизни Якутии.

I период – 1920-1928 гг. – до постановления ЦК партии «О положении в Якутской организации» от 9 августа 1928 года, восторженное, почтительное отношение при жизни поэта. До 1926 года включительно было издано более 50-ти статей, освещающих жизнь и творчество А. Е. Кулаковского. Этот факт говорит о нарастающем интересе литераторов к творчеству первого поэта, о его значении и роли в развитии якутской литературы.

II период – 1929-1937 гг. – обвинение поэта в буржуазном национализме, но признание его вклада в развитие литературы и науки;

III период – 1938-1944 гг. – запрет на освещение творчества А.Е. Кулаковского, борьба Г. П. Башарина за реабилитацию дореволюционных писателей до принятия Постановления бюро обкома партии о признании заслуг Кулаковского, Софронова и Неустроева;

IV период – 1944-1956 гг. – признание А. Е. Кулаковского основоположником якутской литературы, заканчивающийся посмертной реабилитацией П. А. Ойунского в 1956 году. Выход книги Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя»;

V период – 1957 г. – по настоящее время. – начало объективного исследования наследия А. Е. Кулаковского [34, с. 53].

В 2008 году Л. Р. Кулаковская в монографии «Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время» предложила новую периодизацию оценки критики творчества А. Е. Кулаковского [10]. Здесь исследователь утвердительно пишет, что «при изучении якутской литературной критики творчества Кулаковского невозможно обойтись без группирования, систематизации фактов, без попытки выявить логическую связь исторических фактов» [10, с. 19]. В результате детализации и уточнений хронологического и фактографического материала Л. Р. Кулаковская предлагает пересмотреть предложенные Н. Н. Тобуроковым I и V периоды с учетом вновь найденных архивных материалов. Исследователь отмечает сугубо классовое восприятие якутской критикой литературного наследия Кулаковского вплоть до начала 1960-х гг., когда было положено начало научному изучению наследия классиков якутской литературы в рамках существующей идеологии. От времени появления статьи А. А. Иванова-Кюндэ «Мистицизм, фатализм и символизм в произведениях якутский писателей» (1924) до первого десятилетия XXI века автор выводит 8 периодов критических баталий, которые основаны на принципе, отражающем основные изменения в обществе. Рассмотрим 2 первых периода:

I период – от момента появления первых критических работ в начале 1920-х гг. до появления статьи А. А. Иванова-Кюндэ «Мистицизм, фатализм и символизм в

произведениях якутских писателей» в газете «Автономная Якутия» в марте 1926 года. В этот период отношение зарождающейся якутской литературной критики к творчеству А. Е. Кулаковского было демократическим по своей направленности, носило больше литературоведческий, чем критический характер [10, с. 26].

В этот период произошло первое культурное событие, посвященное чествованию якута. В 1925 году отмечали 25-летний юбилей литературной и научной деятельности А. Е. Кулаковского. В юбилейный год было напечатано более 10-ти статей о творчестве Кулаковского на страницах периодической печати преимущественно на страницах газет «Автономная Якутия» и «Кыым».

II период – 1926-1937 гг., с момента появления вышеназванной статьи Кюндэ до начала репрессий в поисках «врагов народа». Этому периоду свойственно сугубо классовое восприятие якутской критикой литературного наследия первых писателей [10, с. 28].

С середины 1920-х годов начинается эпоха РАПП, в котором состояло более 4 тысяч членов. К 1930 году все остальные литературные группировки были практически разгромлены, и РАПП усилила директивный тон. В это время с необычайной скоростью идет становления института советской цензуры. Цензуре подвергаются не только современные писатели, но и дореволюционные, что наблюдается и в истории развития якутской литературы. Рапповское требование «диалектико-материалистического метода» в литературе, отождествлявшее философские и художественные методы, выражая упрощенное понимание творческого процесса, приводило к псевдофилософской схоластике в критике. Следуя резолюциям и постановлениям ЦК РКП (б) и под влиянием РАПП, якутская литературная критика становится проводником его методологических принципов. Критические работы большинства якутских авторов, посвященных художественному творчеству первого поэта, носят «нигилистический» характер.

Н. М. Заболоцкий в книге «Уйэ анарыгар» так выразил непростую атмосферу того времени и отсюда вытекающую позицию собратьев по перу: «Приклеив даже своим сотоварищам различные ярлыки, мы, особо не задумываясь, замахнулись на представлявших прошлый век “старых” писателей... Но, тем не менее наше отношение было далеко отличным от последнего угара нигилистического психоза по отношению к литературному наследству <...> несмотря на наши разглагольствования, мы оценивали творчество дореволюционных писателей как литературное наследство, глубоко преклонялись перед ними» [7].

При жизни А. Е. Кулаковского до 1926 г. включительно было издано более 50-ти статей, освещающих его жизнь и творчество. Нарастающее внимание к персоне и творчеству первого поэта со стороны читателей и начинающих критиков, и писателей наблюдается после издания в 1924-25 гг. сборника стихотворений поэта «Ырыа-хоһоон» (Стихи и песни) в двух томах под авторским редактированием. Около 20-ти статей вышло в 1925 году, когда в Якутии отмечали 25-летний юбилей литературной и научной деятельности А. Е. Кулаковского. Эти факты говорят о нарастающем интересе литераторов к творчеству классика, о его значении и роли в развитии якутской литературы.

Среди первых критиков, посвятивших свои работы анализу поэтического творчества А. Е. Кулаковского, особо выделяется фигура Василия Никаноровича Леонтьева, выпускника юридического факультета Томского университета, члена первого научного общества «Саха кэскилэ».

В статье «Вопросы литературные» критик впервые в истории якутской критики предпринял попытку научного обозрения молодой якутской литературы [21]. Ценность работы заключается не только в объективной передаче содержания зарождающейся литературы, но и в определении ее характера с учетом культурно-исторического времени. Особенностью дореволюционной якутской литературы Леонтьев считает ее самобытность, так как она выросла на основе народных песен и преданий и отмечает влияние русской классической литературы на становление реалистического жанра

в литературе. В противовес молодым критикам, считавшим, что новая литература должна строиться на принципах классовости, критик утверждал, что новая литература должна развиваться постепенно, без кардинального вытеснения старых порядков новыми и следовать принципам реализма критического от «жизни к искусству», а не наоборот. Дальнейшее развитие якутской литературной критики В. Н. Леонтьев понимал правильно: он требовал учета исторических условий и задач общества при характеристике современного состояния литературы и критики, но при этом не скидывать с багажа высокопрофессиональные образцы дореволюционной литературы.

В статье «Поэт ли Кулаковский?» (1926), обращаясь к критикам и литераторам, Леонтьев говорит о том, что следует относиться к зарождающейся литературе «чрезвычайно осторожно и бережно», что «не должно быть места «безшабашным и высокомерным критическим выступлениям. Всякое такое выступление вместо положительной может сыграть чисто отрицательную роль». Критик рекомендует воздерживаться от выявления отрицательных моментов, но если таковое имеет место, то оно должно быть проникнуто идеей поощрения, чтобы «невдумчивой критикой не убить таланта при малочисленности ... писателей» [19].

Статья представляет собой анализ рецензии М. Налтана (М. И. Шадрин) на первый том «Ырыа-хоһоон» (1926). Налтан утверждает, что творчество первого поэта зиждется на поэтической обработке фольклорных источников и что Кулаковский больше собиратель фольклора, чем поэт. Вступая в полемику с автором рецензии, Леонтьев рассматривает «Калевалу» Леннрота и приходит к выводу, что если «Калевала» – это свод обработанных финских народных песен-былин, то «Ырыа-хоһоон» Кулаковского представляет собой «плод личного творчества Кулаковского, как поэта».

Здесь впервые предпринята попытка разделения произведений Кулаковского, помещенных в сборнике на три категории: стихотворения и песни, записанные поэтом со слов других лиц; составленные на основании преданий и материалов изустного народного творчества; исключительно принадлежащие перу самого Кулаковского. В работе дана не только первая классификация поэтических произведений поэта с точки зрения взаимоотношений фольклора и литературы, но и положено начало исследованию природы зарождения жанра в якутской литературе, основанной на устном поэтическом творчестве, когда произведения фольклора, претерпевая художественную трансформацию под пером поэта, составляют жанровую систематику якутской поэзии.

В 1926 году В. Н. Леонтьев в Сборнике трудов «Саха кэскилэ» (Выпуск 3) напечатал статью «Революция иннинээҕи саха литературата», где на опыте анализа изданных дореволюционных произведений, в том числе стихотворений Кулаковского, делает обобщающие выводы [20]. Он пишет, что предметом изображения в произведениях дореволюционных писателей была окружающая их действительность и типические характеры из народной гущи, поэтому якутская литература с самого начала была тесно связана с жизнью народа и носила ярко выраженный реалистический характер.

Просветительские идеи в творчестве первых писателей критик связывает с влиянием русской классической литературы. Отмечает, что якутская литература позаимствовала у других литератур не только реалистический метод и просветительские традиции, но и те жанры, которые отсутствовали в якутском народном творчестве, такие как комедия и драма. Что касается дореволюционной поэзии и прозы, то они развились на самобытной основе – на традициях народных песен и преданий. Отсюда следует вывод критика о том, что самобытное творчество А. Е. Кулаковского, неразрывно связанная с народной жизнью, имеет просветительский и демократический характер, а его творческий метод – это критический реализм.

Ненапечатанная статья Леонтьева «Критические заметки о творчестве А. Е. Кулаковского», написанная в 1925 году, хранится в архиве Якутского научного центра РАН (Ф.5, Оп.2; Л.162. лл.3-4). Здесь критик рассуждает о природе зарождающейся якутской

литературы. Главная мысль в том, что якутская литература, целиком выросшая из народной почвы, должна быть априори «туземным плодом» - самобытной и национальной в силу того, что первые писатели были выходцами из бедных или средних слоев населения, выразителями не дворянского, а народного мировоззрения, настроений и идей [18].

Что касается творчества исконно национального поэта А. Е. Кулаковского, то критик говорит, что поэт был убежденным проповедником здравого реализма и что смысл реалистического направления он видел не только в объективном отражении действительности, но и в указании средств для ее улучшения. Это была первая оценка художественного метода поэта в якутской критике в результате анализа его поэтических произведений.

Отметим, что первые критические работы, предметом которых являются первые художественные произведения на якутском языке, можно рассматривать как ценный источник в исследовании истории восприятия поэзии А. Е. Кулаковского читателями, писателями и критиками, более того, они позволяют сделать выводы о литературном процессе этого периода, уровне развития литературного якутского языка и исторических реалий данного периода. Источники имеют вневременной характер, о чем говорит М. Х. Надергулов, рассматривая арабографическую рукопись башкирского казака на старотюркском языке. Он находит в этих воспоминаниях XIX века ценные сведения для историков, этнографов, языковедов, литературоведов и всех тех, кто интересуется историей башкирского народа [24].

В рассматриваемый нами период развития якутской критики были упоминания о А. Е. Кулаковском и в центральной печати. В «Очерках по изучению Якутского края», выпущенных Восточно-сибирским отделом Государственного Русского Географического общества (Якутская секция), посвященных 5-летию Якутской АССР под редакцией В. И. Подгорбунского, П.П. Хороших и В. А. Кротова, размещена статья известного археолога, этнографа, историка Якутии, И. Д. Новгородова (1899-1972) [28].

Кроме биографических сведений в статье дана оценка Кулаковскому как основоположнику якутской литературы. Новгородов пишет, что с 1900 года официально началась и оформилась поэтическая и исследовательская работа А. Е. Кулаковского, а также этот год, год появления стихотворения «Байанай алгыһа» (Заклинание Байаная), является «датой зарождения якутской художественной литературы, первой весенней ласточкой которой является Байанай алгыһа» [28, с. 37]. Однако редакция отметила, что столь раннее опубликование материалов о А. Е. Кулаковском неизбежно приведет к известной неполноте и недостаткам их, имея в виду, на наш взгляд, существовавшую и тогда полемику в якутских кругах о произведении, от которого есть пошла якутская литература.

Автор статьи отмечает талант Кулаковского и как отличного знатока родного языка, говоря о том, что статьи исследователя о якутском языке отличаются глубокими познаниями всех тонкостей якутского языка, понимание которых легко достается не всякому якуту. В нем он видит «первого серьезного исследователя из среды якутской национальной интеллигенции» [28, с. 39]. Новгородов одним из первых отметил значение А. Е. Кулаковского как поэта, положившего начало якутской поэзии, заронившего любовь к ней, все это дает право назвать его отцом якутской художественной литературы.

Здесь же напечатана статья известного ученого-этнографа П. П. Хороших «Научно-литературное наследие А. Е. Кулаковского», где автор говорит о Кулаковском как об этнографе, занимающем почетное место среди исследователей, «вышедших из среды сибирских туземных племен» [28, с. 41]. Автор приводит перечень печатных работ и рукописей как свидетельство многолетней, неутомимой и разнообразной деятельности исследователя из 11-ти пунктов, отмечая, что список неполный из-за отсутствия в

Иркутской библиотеке вышедших в Якутии некоторых изданий. Кроме этого ученый приводит 5 названий статей и заметок о Кулаковском на данный период [28, с. 43]. По сути это начало библиографии поэта и исследователя, начатая ученым из центральной области. Считаю необходимым подчеркнуть, что под некоторыми названиями работ дана также ссылка на их отзыв, в трех из которых фигурирует имя В. Н. Леонтьева, в частности это «Якутские пословицы и поговорки» в Сборнике трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ», «Сборник стихотворений и песен А. Е. Кулаковского» в издании Литературно-переводческой Комиссии при НКПЗ, «Новая транскрипция якутского языка» в «Красном Севере» – органе Якутского Губернского ревкома Якутии.

Что касается местной печати, то начиная с середины 1920-х годов в оценке творчества дореволюционных писателей начали происходить изменения под влиянием вульгарно-социологической критики, выпячивающей социальный аспект искусства, открыто объявляющей о разрыве с классическим литературным наследием. Наряду с отрицанием заслуг А. Е. Кулаковского в становлении якутской литературы и культурной ценности его поэтических произведений, члены литературной группы «Молодой большевик», руководствуясь рапповскими принципами, обвинили поэта в мальтузианстве и буржуазном национализме. Этот сложный период в истории якутской литературной критики В. Н. Протодяконов назвал периодом отдаления культуры от корней и истоков народной культуры, неусыпной контроле партийного аппарата за деятельностью художественной интеллигенции. По мнению исследователя, в это время высокохудожественные произведения, которые отражают жизнь с неподдельным интересом и философской глубиной, уступили место в нише литературы произведениям “литературы факта” [30].

Существующее отношение к творчеству первых писателей Н. М. Заболоцкий, представитель писательской критики этого периода, назвал проявлением сильнеешего влияния вульгарного социологизма, который господствовал во всем Советском Союзе. Однако действия начинающих критиков писатель оценил все же отличным от «нигилистического психоза», который имел еще более обостренные черты в русской литературе [7].

Но несмотря на политизированность критического мышления молодые критики и писатели, творчески осваивая опыт русской литературы, стремились следовать опыту и традициям русской классической критики, овладевали знаниями по теории литературы. В своем действенном устремлении создать новую литературу якутская критика вступила в полосу становления идейно-эстетической и литературно-филологической зрелости. В работах писателей-критиков решались важнейшие проблемы развития зарождающейся литературы, например, проблема идейности и партийности литературы, отношения к фольклору и литературному наследию классиков, проблема творческого метода и стилей, способов изображения действительности, а также проблемы художественности и жанра.

Идейно-эстетические искания молодых писателей и критиков этого периода можно увидеть на примере деятельности А. А. Иванова-Кюндэ, С. Р. Кулачикова-Элляя, ярких представителей творческой интеллигенции.

В статье “Фатализм, мистицизм и символизм в произведениях якутских писателей” А. А. Иванов рассуждает о роли пролетарской культуры в формировании коммунистического мировоззрения, отношения к труду, коллективу, освобождения от влияния религии и шаманизма [16]. Он отмечает, что “малограмотный якут, только что упражняющийся в чтении” не может подходить к чтению критически и расшифровать значение символов и аллегорий, которых множество в наследии дореволюционных писателей. Что касается сборника стихотворений Кулаковского, то здесь все пропитано мистикой шаманизма, считает автор. Критик высказывает опасение “заражения” ядом

сомнения в хозяйственно-экономическом и культурно-правовом укреплении якутского народа при Советской власти.

В этот период отношение С. Р. Кулачикова-Элляй к творчеству первого поэта носило противоречивый характер, но он одним из первых отметил его место в истории якутской литературы. Еще при жизни А. Е. Кулаковского в статье «Певец якутской жизни» (1925) Элляй дает высокую оценку творчеству поэта: «Якутская литература пока еще не знает более высокого имени, чем Кулаковский. В его песнях жизнь народа отражена, как в зеркале <...> Художественное слово якута, его мировосприятие возрождены им» [39]. Заслуги Кулаковского в развитии поэтического языка Кулачиков отмечает в статье «Звукопись в якутской поэзии», изданной в 1928 году [41]. Но с именем С. Р. Кулачикова связано и первое обвинение А. Е. Кулаковского в буржуазном национализме. Его статья «Буржуазно-националистические тенденции в современной якутской литературе» (1931) подвергла беспощадной критике главное произведение поэта «Сон шамана», в главном герое которого молодой критик увидел «ярого национал-шовинистического вождя» [12].

Через год после ухода из жизни А. Е. Кулаковского появилось около 20-ти статей, посвященных художественному наследию классика литературы. Из их числа стоит отметить статью «О вопросах литературных» С. Донского под псевдонимом «Новый», которая в условиях недооценки и даже отрицания заслуг дореволюционных писателей стоит особняком. Автор отмечает тот факт, что Кулаковский в своей лирике вышел за пределы родного края и впервые затронул проблемы политики и науки в якутской литературе («Сон шамана», «Борокуот аал») [27]. Он опровергает распространенное мнение о принадлежности к крестьянству (пролетариату) только потому, что он сам выходец из народа и пишет о крестьянстве. Критика, считает автор, основным условием определения индивидуальности писателя считает степень художественности его произведений, мастерства обрисовки реалий жизни, а также размера охвата писателем читательской массы. Исходя из этого он разделяет якутских писателей на два лагеря: молодые партийные писатели и дореволюционные беспартийные писатели. Первая группа писателей, хотя они и считаются крестьянскими по принадлежности и тематике произведений, не имеют крестьянской (народной) читающей аудитории вследствие несовершенства литературных творений, а вторая группа, идеологически не совсем воспринимая революцию, более читаема народом, что говорит о большей доле народности [27].

В 1927 году появилось около 20-ти статей, посвященных художественному творчеству А. Е. Кулаковского. Из них можно отметить статью А. И. Софронова под псевдонимом А. Кыайыгыяп «Саха бисээтэллэрэ, кинилэр наадalara» [15]. 1928 год также был отмечен избытком статей с критической оценкой творчества Кулаковского. Писатель Эрилик Эристиин дважды под разными псевдонимами (Боотур Уус и Чомчуурускай) обращался к теме Кулаковского, размышляя о литературных критиках «сыанамсыктар» [3, с. 37].

С 1931 по 1935 год вышло около 40 статей на страницах периодической печати, где писатели и критики анализировали творческое наследие первого якутского поэта.

В конце 1930-х гг. критических статей, непосредственно посвященных литературному творчеству А. Е. Кулаковского, не было, кроме статьи М. В. Новикова-Күннүк Уурастырап «Буржуазнай националист А. Е. Кулаковскай контрреволюционной суруйууларын туһунан» («О контрреволюционных работах буржуазного националиста А. Е. Кулаковского») в газете «Кыым» в 1938 году [35].

Заключение

Несмотря на смену взглядов начинающих критиков и писателей на литературное творчество А. Е. Кулаковского, на жесткие условия культурного скачка отсталой Якутии, на политический диктат и партийное вмешательство в дела литературные, якутская

критика этого периода переживала невиданный творческий подъем, стараясь превратить критику в средство организации литературного процесса.

Зародившись в начале 1920-х гг. XX века, якутская литературная критика прошла сложный и тернистый путь. В этот период Якутская область переживала едва ли не самое трудное время в истории своего существования – резкий переход из патриархального уклада жизни в социалистический строй. Историческая обстановка была такова, что активные сторонники Октябрьской революции и некоторая часть малочисленной якутской интеллигенция, если не копировала, то старалась подражать всему, что происходило в России в революционный период. Происходило мощное проникновение социалистического порядка в полуголодное население улусов, где процент грамотных был ничтожно мал. Литература, призванная отображать жизнь, не успевала за событиями общественно-политической жизни.

В такой обстановке развивалась литература, а первые ростки литературно-критической мысли имели больше «прикладное значение», занимаясь общей оценкой художественного произведения, выявления его сильных и слабых сторон, поощрения или осуждения автора. Однако к концу 1920-х годов наблюдается расширение самого понятия о критике, появляются работы, в которых оценка строится уже на истолковании произведения как художественного целого, что лежит в основе концепции критического реализма.

Можно сказать, что уже тогда якутская критика делала попытки руководить культурной жизнью, что говорит о роли и месте зарождающейся якутской литературы в жизни общества. Как никогда литература выявляет себя в эти годы в качестве барометра, отмечающего все изменения политической погоды.

На примере анализа критического материала о творчестве А. Е. Кулаковского в 1920-1930-е гг. можно сделать вывод, что якутская критика этого периода, переживая невиданный творческий подъем, стараясь превратить критику в средство организации литературного процесса, позволила творчеству первого поэта занять свое место, позицию, в литературном пространстве. Это был первый этап осмысления глубокого по своей сути творческого наследия А. Е. Кулаковского.

Образцы литературной критики как особой отрасли литературоведения, общественная и общекультурная значимость которой выходит далеко за рамки ее научной специализации, служат историческим документом той эпохи, в которой они создавались. Первые критические работы этого периода мы рассматриваем как ценнейший источник в кулаковедении, позволяющий делать выводы не только о состоянии дел в литературном процессе определенного периода, но и об уровне самосознания людей, якутского литературного языка и общем уровне культуры рассматриваемой эпохи.

Л и т е р а т у р а

1. Абаҕыныскай. Саха ырыатын, кэпсээннн дорҕоонун, куорматын сайдыыта. // Хотугу ыччат. – 1928. – № 17.
2. Билюкина А. А. Из истории литературно-художественной мысли Якутии XX в. – Якутск: изд-во ЯГУ, 2002. – 97 с.
3. Боотур Уус. “Сыанамсыктар тустарынан” диэннэ аҕыйах тыл // Кыым. – 1928. – 22.11.
4. Дьячковская М., Романова Л. Введение // Литература Якутии XX века: Ист.-лит. очерки. – Якутск, 2005. – С.3.
5. Заболоцкий Н. и др. О состоянии и задачах художественной литературы: [Контртезисы группы сотрудников газ. “Молодой большевик” к тезисам Кюндэ, помещенным в “Авт. Якутии” № 211 от 16 сентября Печатается в дискуссионном порядке] // Автономная Якутия. – 1930. – 27 сентября.
6. Заболоцкий Н. М. Очерки якутской литературы. – 1937.
7. Заболоцкий Н. М. Уйэ анарыгар. – Якутск: Кинигэ изд-та, 1984. – С.177

8. Канаев Н. П. Зарождение и становление литературной критики в Якутии (1925-1940). Якутск: якутское кн. изд-во, 1984.
9. Критика 1917-1932 годов / Сост., вступ. Статья, преамбулы и примеч. Е. А. Добренко. – М.: ООО “Издательство Астрель”: ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 459 с.
10. Кулаковская Л. Р. Научная биография А. Е. Кулаковского: личность поэта и его время. – Новосибирск: Наука, 2008. – 296 с.
11. Кулачиков С. Мысли о якутской литературе // Автономная Якутия. – 1927. – 29 июля.
12. Кулачиков С. Буржуазно-националистические тенденции в современной якутской литературе. // Автономная Якутия. – 1931. – 16.02.
13. Күндэ. Саха поэзиятын уус-уран куормата. // Кыһар тунат. – Дьокуускай, 1979. – С. 200-252.
14. Күндэ. Саха сириин уус-уран литературатын уонна искусствотун тустарынан: Тезистэр // Кыһыл ылык. – 1931. – № 1-2. – С. 106-113.
15. Кыайыгыһап А. Саха бисээтэллэрэ, кинилэр наадalara. // Чолбон. – 1927. – №5-6. С. 41-42.
16. Күндэ. Фатализм, мистицизм и символизм в произведениях якутских писателей. // Автономная Якутия. – 1926. – 17.03.
17. Күндэ. Заметки на статью Леонтьева “Вопросы литературные”. // Автономная литература. – 1927. – 29.07.
18. Леонтьев В. Н. Критические заметки о творчестве А. Е. Кулаковского. 1925. Архив ЯНЦ РАН, Ф. 5, оп. 2; л. 162. лл. 3-4.
19. Леонтьев В. Н. Поэт ли Кулаковский? // «Якутские зарницы». – 1926. – № 23, С. 21-23.
20. Леонтьев В. Н. Революция иннинээҕи саха литературата. // Сборник трудов “Саха кэскилэ”. – 1926 – Вып.3. – С. 81-87.
21. Леонтьев В. Н. Вопросы литературные. // Автономная Якутия. – 1927. – № 161, 162.
22. Леонтьев В. Н. Саха художественной литературатын, кини сайдытын туһунан. // Чолбон. – 1927. – №5-6. – С.32-39.
23. Мординов Н. Е. Основные этапы развития Якутской художественной литературы // Советская Якутия. – 1934. – №4. – 76-92.
24. Nadergulov M. Kh. Some events of 1830-1835 in Russia in the memoirs of the Bashkir Usman, the son of Ishmukhamet // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Вопросы национальных литератур» / Vestnik of North-Eastern Federal University “Issues of national literature” series, 2021, № 1 (01). С. 52-60. –/http://litteraesvf.ru/index.php/journal1/issue/view/8
25. Налтан М. Якутский Леннрот. // Автономная Якутия. – 1925. – 22.02.
26. Новиков В. М. О работе оргбюро Союза советских писателей Якутии // Социалистическая Якутия. – 1939, 01.06.
27. Новый. О вопросах литературных: (к статьям тов. Потапова и Леонтьева) // Автономная Якутия. – 1927. – 28.07. – С. 2-3.
28. Очерки по изучению Якутского края. Очерки по изучению Якутского края. – Иркутск, 1927. – Вып. 1. – 143 с.
29. Потапов С. Алхимия тов. Леонтьева в вопросах литературных. // Автономная Якутия. – 1927. – № 190, 191.
30. Протождьяконов В. Н. «Айар тыл уоттанн!!! Тыл илбиһэ төлөннөнүн!!!». Кэм-Литература-Төрүт үгэс туһунан санаалар. – Дьокуускай: Бичик, – 2009.
31. Сивцева-Максимова П. В. А. Е. Кулаковский – основоположник якутской художественной литературы. // Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки. – Якутск: Бичик, 2005. С. 41-66.
32. Сыромятников Г. С. Саха литературатын критикатын сорох боппуруостара: Ыстатыйалар. – Дьокуускай: Кинигэ кыһата, 1969. – 124 с.
33. Сыромятников Г. С. К изучению истории якутской критики (1920-1960) // Сб.: Вопросы филологии. – Якутск, 1970.
34. Тобуроков Н. Н. Өксөкүлээх Өлөксөй олобун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии. – Дьокуускай: Кудук, – 2001. – 110 с.

35. Уурастыгырап К. Буржуазнай националист А. Е. Кулаковскай контрреволюционнай суруйууларын туһунан // Кыым. – 1938. – 24.06. – С. 2-3.
36. Хороших П. Научно-литературное наследство А. Е. Кулаковского. // Очерки по изучению Якутского края. – Иркутск, 1927. – Вып. 1. – С. 41-43.
37. Чомчуурускай. Сыанамсыктар тустарынан. // Кыым. – 1928. – 09.08.
38. Чупринин С. И. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. – М.: Время, 2007. – 768 с.
39. Эллэй. Саха олобун ырыаһыта // Кыым. – 1925. – 11.06.
40. Элляй Уранхаев. А. Е. Кулаковский в моих воспоминаниях. // Автономная Якутия. – 1927. – 05.06.
41. Эллэй Уранхаев. Звукопись в якутской поэзии. // Якутские зарницы. – 1928. №1, С. 42-45.

References

1. Абаџуунскай. Saha угуатын, керсеенин доҕоонун, kuormatyn сайдыута. // Hotugu uchchat. – 1928. – № 17.
2. Bilyukina A. A. Iz istorii literaturno-hudozhestvennoj mysli Yakutii XX v. – Yakutsk: izd-vo YAGU, 2002. – 97 s.
3. Bootur Uus. “Syanamсыктар тустарынан” dienne аҕыһа тыл // Куым. – 1928. – 22.11.
4. D'yachkovskaya M., Romanova L. Vvedenie // Literatura Yakutii XX veka: Ist.-lit. ocherki. – Yakutsk, 2005. – S.3.
5. Zabolockij N. i dr. O sostoyanii i zadachah hudozhestvennoj literatury: [Kontrtezisы gruppy sotrudnikov gaz. “Molodoj bol'shevik” k tezisam Kyunde, pomeshchennym v “Avt. Yakutii” № 211 ot 16 sentyabrya Pechataetsya v diskussionnom porjadke] // Avtonomnaya Yakutiya. – 1930. – 27 sentyabrya.
6. Zabolockij N. M. Ocherki yakutskoj literatury. – 1937.
7. Zabolockij N. M. Yje аһаҕыһа. – Yakutsk: Kinige izd-ta, 1984. – S.177
8. Kanaev N. P. Zarozhdenie i stanovlenie literaturnoj kritiki v Yakutii (1925-1940). Yakutsk: yakutskoe kn. izd-vo, 1984.
9. Kritika 1917-1932 godov / Sost., vstup. Stat'ya, preambuly i primech. E. A. Dobrenko. – M.: OOO “Izdatel'stvo Astrel”: OOO “Izdatel'stvo AST”, 2003. – 459 s.
10. Kulakovskaya L. R. Nauchnaya biografiya A. E. Kulakovskogo: lichnost' poeta i ego vremya. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 296 s.
11. Kulachikov S. Mysli o yakutskoj literature // Avtonomnaya Yakutiya. – 1927. – 29 iyulya.
12. Kulachikov S. Burzhuazno-nacionalisticheskie tendencii v sovremennoj yakutskoj literature. // Avtonomnaya Yakutiya. – 1931. – 16.02.
13. Күнде. Saha poeziyatyn uus-uran kuormata. // Kyuhar tuһat. – D'okuuskaj, 1979. – S. 200-252.
14. Күнде. Saha sirin uus-uran literaturatyn uonna iskusstvotyn tustarynan: Tezister // Kyhyl yllyk. – 1931. – № 1-2. – S. 106-113.
15. Kyajygyjap A. Saha biseetellere, kiniler naadalara. // Cholbon. – 1927. – №5-6. S. 41-42.
16. Kyunde. Fatalizm, misticizm i simvolizm v proizedeniyah yakutskih pisatelej. // Avtonomnaya Yakutiya. – 1926. – 17.03.
17. Kyunde. Zametki na stat'yu Leont'eva “Voprosy literaturnye”. // Avtonomnaya literatura. – 1927. – 29.07.
18. Leont'ev V. N. Kriticheskie zametki o tvorchestve A. E. Kulakovskogo. 1925. Arhiv YANC RAN, F. 5, op. 2; l. 162. ll. 3-4.
19. Leont'ev V. N. Poet li Kulakovskij? // «Yakutskie zarnicy». – 1926. – № 23, S. 21-23.
20. Leont'ev V. N. Revolyuciya innineeҕи saha literaturata. // Sbornik trudov “Saha keskile”. – 1926. – Вып.3. – S. 81-87.
21. Leont'ev V. N. Voprosy literaturnye. // Avtonomnaya Yakutiya. – 1927. – № 161, 162.
22. Leont'ev V. N. Saha hudozhestvennaj literaturatyn, kini сайдыытын туһунан. // Cholbon. – 1927. – №5-6. – S.32-39.
23. Mordinov N. E. Osnovnye etapy razvitiya Yakutskoj hudozhestvennoj literatury // Sovetskaya Yakutiya. – 1934. – №4. – 76-92.

24. Nadergulov M. Kh. Some events of 1830-1835 in Russia in the memoirs of the Bashkir Usman, the son of Ishmukhamet // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya «Voprosy nacional'nyh literatur» / Vestnik of North-Eastern Federal University "Issues of national literature" series, 2021, № 1 (01). S. 52-60. – <http://litteraesvf.ru/index.php/journal1/issue/view/8>
25. Naltan M. Yakutskij Lennrot. // Avtonomnaya Yakutiya. – 1925. – 22.02.
26. Novikov V. M. O rabote orgbyuro Soyuza sovetskih pisatelej Yakutii //, Socialisticheskaya Yakutiya. – 1939, 01.06.
27. Novyj. O voprosah literaturnyh: (k stat'yam tov. Potapova i Leont'eva) // Avtonomnaya Yakutiya. – 1927. – 28.07. – S. 2-3.
28. Oчерки po izucheniyu Yakutskogo kraja. Oчерки po izucheniyu Yakutskogo kraja. – Irkutsk, 1927. – Вып. 1. – 143 s.
29. Potapov S. Alhimiya tov. Leont'eva v voprosah literaturnyh. // Avtonomnaya Yakutiya. – 1927. – № 190, 191.
30. Protod'yakonov V. N. «Ajar tyl uottannyn!!! Tyl ilbihe tölönnönnyn!!!». Kem-Literatura-Tөртүт yges tuhunan sanaalar. – D'okuuskaj: Bichik, – 2009.
31. Sivceva-Maksimova P. V. A. E. Kulakovskij – osnovopolozhnik yakutskoj hudozhestvennoj literatury. // Literatura Yakutii XX veka: Istoriko-literaturnye oчерki. – Yakutsk: Bichik, 2005. S. 41-66.
32. Syromyatnikov G. S. Saha literaturatyn kritikaty soroh boppuruostara: Ystatyalar. – D'okuuskaj: Kinige kyhata, 1969. – 124 s.
33. Syromyatnikov G. S. K izucheniyu istorii yakutskoj kritiki (1920-1960) // Sb.: Voprosy filologii. – Yakutsk, 1970.
34. Toburokov N. N. Өксөкүлөкх Өлөкөй олоһун uonna ajar ылетин ырдык ыөрөкх kyhatygar ыөretii. – D'okuuskaj: Kuduk, – 2001. – 110 s.
35. Uurastyrap K. Burzhuaznaj nacionalist A. E. Kulakovskaj kontrrevolyucionnaj surujuularyn tuhunan // Kyym. – 1938. – 24.06. – S. 2-3.
36. Horoshih P. Nauchno-literaturnoe nasledstvo A. E. Kulakovskogo. // Oчерки po izucheniyu Yakutskogo kraja. – Irkutsk, 1927. – Вып. 1. – S. 41-43.
37. Chomchuurskaj. Syanamsyktar tustarynan. // Kyym. – 1928. – 09.08.
38. Chuprinin S. I. Russkaya literatura segodnya: Zhizn' po ponyatiyam. – M.: Vremya, 2007. – 768 s.
39. Ellej. Saha oлоһун ыryahyta // Kyym. – 1925. – 11.06.
40. Ellyaj Uranhaev. A. E. Kulakovskij v moih vospominaniyah. // Avtonomnaya Yakutiya. – 1927. – 05.06.
41. Ellej Uranhaev. Zvukopis' v yakutskoj poezii. // Yakutskie zamicy. – 1928. №1, S. 42-45.

УДК 821.512.15 Кулаковский.09

Е. К. Иевлев, В. Е. Степанова

Социально-философские идеи произведений А. Е. Кулаковского в контексте духовных ценностей современного общества

СВФУ им.М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье представляется сопоставительный анализ художественных текстов А. Е. Кулаковского (1877-1926), основоположника якутской литературы. В его научных трудах и в поэтических произведениях ставятся основные проблемы начала XX века относительно судьбы народа саха. В этом плане социально-философские размышления автора переключаются с вечными вопросами жизни общества, в чем раскрывается актуальность его образов и в наши дни. В работе предпринимается сопоставительный анализ идейного начала и жанровых форм его произведений. Цель и задачи исследования: раскрыть преемственные черты и параметры главных смыслов его поэтических описаний в ракурсах вопроса «человек и его время». Результаты исследования заключаются в конкретизации традиционных фольклорных элементов в творчестве классика, где наблюдаются национальные истоки его поэзии. Но с другой стороны, подтверждается его стремление к художественно-эстетическим принципам русской литературы. В этих особенностях художественных произведений подтверждается, что будущее родного народа Кулаковский видел в неразрывном единстве с Россией.

Ключевые слова: якутская литература, творчество Кулаковского, поэмы, идеи просветительства, преемственность традиций.

E. K. Ievlev, V. E. Stepanova

Social and philosophical ideas of A. E. Kulakovsky's works in the context of spiritual values of the modern society

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. The article presents a comparative analysis of the literary texts of A. E. Kulakovsky (1877-1926), the founder of the Yakut literature. In his academic and poetic works, the main problems of the early twentieth century regarding the fate of the Sakha (Yakut) people are posed. In this regard, the author's social and philosophical reflections echo the eternal questions of the society, which reveals the relevance of his images nowadays. The article makes a comparative analysis of the ideological beginning and genre forms of his works. The purpose and objectives of the research: to reveal the successive features

ИЕВЛЕВ Елисей Кириллович – к. пед. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова.

IEVLEV Elisey Kirillovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СТЕПАНОВА Варвара Егоровна – магистр филологии, научный сотрудник Института А. Е. Кулаковского СВФУ им. М.К. Аммосова.

E-mail: varvarast77@mail.ru

STEPANOVA Varvara Egorovna – Master of Philology, Researcher of the A. E. Kulakovsky Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

and parameters of the main meanings of his poetic descriptions in the perspectives of the question "man and his time". The results of the study consist in the concretization of traditional folklore elements in the work of the classic writer, where the national origins of his poetry are observed. Yet, on the other hand, his desire for the artistic and aesthetic principles of the Russian literature is confirmed. In these features of the works of art, it is confirmed that Kulakovsky saw the future of his own people in the indissoluble unity with Russia.

Keywords: Yakut literature, Kulakovsky's creativity, poems, ideas of enlightenment, continuity of traditions.

Введение

В произведениях и научных работах Кулаковский развивал идею о том, что положение якутского народа можно улучшить только путем поднятия его культуры до уровня культуры русского народа [3, с. 3]. Всю энергию ума, чувства и деятельность он посвятил просвещению родного народа. Его надежда заключалась в том, что только в условиях совместного проживания в дружбе с русскими якутский народ «путем образования, просвещения и науки освободится от всяких пороков, неразумных традиций» [1, с. 7]. Просветительские идеи Кулаковского раскрываются в социально-философском исследовании «Якутской интеллигенции»: «Слишком горько, слишком обидно отказаться от права жить в ту эпоху человеческого существования, когда человек выступает полновластным хозяином природы и когда он начинает жить осмысленной, духовной и полной наслаждениями жизнью под сенью лучезарной поэзии, прекрасной эстетики и под защитой всесильной науки и логики» [6, с. 64].

В произведениях А. Е. Кулаковского отражены реалистический метод и художественно-эстетические принципы русской литературы. Постигая демократические, просветительские и научные идеи русской культуры, он достиг философского осмысления реальной жизни родного народа. В его творчестве доминировали критическое отношение к классовым и социальным проблемам; философское и политическое осмысление проблем глобального масштаба, последствий реакции царской власти.

Основная часть

Кулаковский связывал будущее родины с культурным ростом, с нравственным совершенствованием людей. Его деятельность В. Дементьев охарактеризовал так: «Испытывая большое воздействие русской общественной и эстетической мысли (особенно Пушкина и Лермонтова), Алексей Кулаковский постоянно размышлял о национальном своеобразии исторических судеб и культуры якутского народа, о его вкладе в мировое развитие, о будущности якутов. Во многом эти раздумья опередили свое время и сегодня служат одной из причин повышенного интереса к творчеству поэта» [5, с. 5].

Высшую планку нравственности А. Е. Кулаковский связывал с народом, с человечеством. Это созвучно с мнением Ф. М. Достоевского: «У кого нет народа, у того нет Бога», «Бог – это синтетическая личность всего народа». В этих изречениях заключается духовный и практический опыт человечества (принцип расширения ойкумены): Личность – Семья – Родственники – Народ – Страна – Планета – Природа – Время, а их синтетический образ называется Богом, Верой. Любовь к Богу – это ответственность за своих детей и за свой род, жертвенность и любовь к народу. Любовь к Богу – это достижение гармонии с самим собой, окружающим миром. Эта идея пронизывает все творчество Кулаковского. Такая религиозная напряженность вырастает

у него из острого переживания трагической судьбы родного народа. С этим положением перекликается мысль Н. Маслова: «И лишь в соотнесенности с Богом возможно существование духовности» [9, с. 36].

Духовность содержания произведений А. Е. Кулаковского коренится в художественном объединении в одно целое национального, исторического и философского начал. О том, что с течением времени они не утрачивают своего значения и каждое поколение читателей раскрывает их по-новому, находит в них то самое существенное, что перекликается с наболевшими вопросами своего времени [8, с. 36], пишет П. В. Максимова. «Поэтическое наследие А. Е. Кулаковского в целом тоже является диалогом поколений, или диалогом Поэта со своим народом» [8, с. 48]. В одной из новых работ исследователь раскрывает параллели художественных поисков сербского классика Вука Караджича (1787-1864) и Алексея Кулаковского как носителей «вековых традиций народной культуры». Основой их выдающейся деятельности во благо культуры родного народа явилось стремление увековечить самобытность языка, что представлялось во всей исконной красоте слога и глубине мысли в фольклорных произведениях их народов. Одним из главных выводов в статье П. В. Максимовой является то, что «их творчество, посвященное будущим поколениям, было предназначено для открытия новых направлений в традиции» [12, с. 115-116].

В художественных произведениях А. Е. Кулаковского сохраняются красота и богатство языка, и его классического наследия начинается история якутской литературы как части духовной культуры народа. Значимость этих фактов в его творческой биографии раскрывается в исследованиях истории текстов и ранних публикаций Кулаковского [10, с. 61-71].

Поэта угнетало осознание того, что в уродливых условиях жизни любовь незаметно уходит. Он видел, что не только экономические, экологические, политические трудности, но и нравственный упадок делали людей зажатыми, некоммуникабельными, агрессивными. В своих произведениях он показал, как вопиющая нищета, убогая жизнь без любви и веры уносила народ в бездну этнической катастрофы. Он постоянно думал о том, как учить людей в любви, изменению себя, развитию. Нужно было поддерживать их, научить жертвовать, воспитывать себя и других. Что нужно было делать, чтобы люди не прибегали к курению, алкоголю? Как спасти их чувства от ненависти, осуждения, обиды, отчуждения? Поэт-мыслитель с горечью в душе изображал жуткую действительность, в которой утрата любви толкала людей к зависти, грубости, презрению («Бахвальство пьяного богача», «Богатый скупец», «Деревенская женщина», «Сновидение шамана» и. т. д.).

При прочтении произведения «Бахвальство пьяного богача» приходят на ум мудрые слова: «Пьянство есть страсть, свойственная людям эгоистичным». Автор с сарказмом, от имени пьяного буржуа являет наизнанку его отталкивающую нравственную глухоту, невежество, агрессивность. Алкоголизм всегда, во все времена – это беда, трагедия не только самого пьющего, но всего общества в целом.

Как богатство без нравственных устоев приводит к мнимому ощущению полного превосходства и необузданной всесильности, показано в названных произведениях и в ряде других. Главные мотивы подобных людей – культ силы, обман, подавление, уничтожение неудобных. Они утрачивают чувство сострадания и жертвенности, поэтому не могут испытать ощущения единства и любви. Счастье жизни не сделало городскую девушку («Городская девушка») добрее и мягче, оно резко усилило ее высокомерие и брезгливость к простым людям.

А. Е. Кулаковский в произведениях «Дары реки», «Сновидение шамана», «Бахвальство пьяного богача», «Богатый скупец» показал, как алчное поколение богатству и деньгам уничтожает нравственную связь индивида с коллективом. Поэма «Сновидение шамана» считается вершиной творчества А. Е. Кулаковского [4, с. 9]. Примечательно наблюдение В. И. Кочеткова, сделанная в 1986 г.: «Картина гибели мира нарисована так впечатляюще

и так современна по краскам, что кажется не пророчеством старого шамана, а предупреждением какого-нибудь нынешнего дипломированного футуролога, озабоченного защитой биосферы» [4, с. 10-11]. А вот слова С. Н. Лазарева, написанные в 2009 г.: «У нынешней цивилизации есть только два варианта будущего: либо вернуться к язычеству – насилию, смертям и войнам, а затем погибнуть, либо заботиться о душе и обретать любовь и веру добровольно» [7, с. 212].

А. Е. Кулаковского беспокоила судьба якутской нации, которую ничто не спасет, «обложенную вокруг горем и злосчастьем», если она сама себя не захочет спасти [4, с. 11]. С. Н. Лазарев предупреждает о возможном конце человечества. У Кулаковского речь идет о грядущей мировой войне, голоде, борьбе с культурной отсталостью. Лазарев считает причиной мировой катастрофы не войну, а самоуничтожение цивилизации и приводит признаки самоуничтожения: погибающая экология, новые болезни, абсолютный приоритет денежной прибыли в науке, искусстве и повседневной жизни [7, с. 20]. И тот и другой едины в одном: причина мировой катастрофы в том, что не вера и любовь являются главным механизмом развития, а животные инстинкты и желания людей, потому что человек без любви и веры не может меняться, будь он богатый или бедный. В свете этого ярко выступает основная идея поэмы «Сновидение шамана»: призыв добровольно просвещаться, овладевать культурой. Только таким путем можно достичь гарантии добра и справедливости, мира и спокойствия всего человечества.

Поэмы «Сновидение шамана», «Дары реки» посвящены размышлениям о проблеме выживания якутов в условиях сосуществования с многочисленным русским народом, имеющим развитую культуру и высокий уровень образованности. И сейчас в условиях безудержно накатывающего вала глобализации перед саха остро стоит вопрос о сохранении самобытности, приобретении духовного и культурного паритета с развитыми народами мира в составе единой Российской Федерации.

Поэма «Спор между умом и сердцем» посвящена проблеме конфликта. Противоречие ума и сердца составляют вместе одно целое – личность. Из них рождается внутренний мир человека – чувства и мысли. С первых строк Ум полон гордыни, чувства превосходства и правоты, но сердце уличает его в склонности к шаблону и рутине, излишней рассудочности. В целом поэма раскрывает биполярность человека. «Развитие – всегда конфликт», - пишет С. Н. Лазарев [7, с. 145].

Однако в поэме Ум и Сердце не приходят к взаимопониманию. Одна сторона спорящих склонна к подавлению другой, они непримиримы. Между тем есть предположение Н. Н. Моисеева о том, что ключ к будущему человечества даст синтез разума (ум) и иррационального (сердце) начало, заложенного в людях (цит. по [2, с. 99]). А это возможно только при условии наполненности любовью ума и сердца одновременно. Вот тогда ум становится другом души (сердца), способствует развитию нравственности, и человек способен совместить в себе противоположности. Тогда конфликтная ситуация воспитывает и развивает человека. Но если человек отрешается от любви, ум превращается во врага души. Человек не изменяется, не развивается подобно персонажам поэм «Деревенская женщина», «Богатый скупец», «Бахвальство пьяного богача».

В произведениях А. Е. Кулаковского «Деревенская женщина», «Плач по умершему мужу», «Портреты якутских женщин» слышится его боль и сострадания к обездоленным женщинам. Они озлобляются в уродующих душу бесчеловечных условиях. Добрая и веселая в молодости «женщина становится сварливой, невыносимой для окружающих» [11, с. 10], за короткий срок времени утрачивает женственность, очарование, добрые качества души. Поэт беспощадно живописует, как несчастные женщины теряют жизненные силы, утрачивают вкус к жизни, живут с постоянным ощущением тяжести и усталости. Они задавлены нуждой и горем, тяжелым ежедневным трудом.

А. Е. Кулаковский в противоположность образам обездоленных женщин в поэме «Городская девушка» создает образы городских девушек, озабоченных только своей

внешностью, утопающих в роскоши и наслаждении. При этом поэт едко замечает отсутствие у них жизненных устремлений.

Точную характеристику творчества А. Е. Кулаковского дает В. И. Кочетков: «В его поэзии рядом с героикой вы встретите прозаический быт, рядом с патетикой – шутку, рядом с прекрасным – уродливая... Он не разрешает себе пользоваться только светлыми, "поэтическими" красками. Он словно бы следует пословице, что тот, кто любит пить кумыс, не должен гнушаться запаха навоза» [4, с. 9].

В исповеди столетней старухи перед глазами читателя проходят страницы жизни женщины от рождения до глубокой старости («Песня старухи, которой исполнилось 100 лет»). В этом произведении социально-протестный тон заменяется мудрым и спокойным повествованием о судьбе женщины. «А в конце старуха спокойно и просто, скорее удивляясь, чем жалуясь, говорит о том, как уходит из нее жизнь, как она превратилась в обузу своим детям и внукам. Эти заключительные страницы потрясают своей правдой», – так впечатляюще подмечает В. И. Кочетков идею произведения [4, с. 9]. Из исповеди героини видно, как она жила заботой о детях. Ей были присущи тепло и сострадание, она жертвовала своим временем и энергией. У нее нет протеста против своей судьбы, она словно бы интуитивно чувствует высшую справедливость в происшедшем. Мы лишь догадываемся о том, как она была вынуждена воспитывать в себе лучшие качества, учиться разрешать конфликты, идти на компромисс. Героиня всю жизнь училась прощать, добродушно принимать унижения. По сути дела, все это было школой мудрости и любви к жизни.

Творчеству А. Е. Кулаковского присущи философское осмысление жизни, нравственная и духовная тревожность. В его произведениях постоянно звучат вопросы: как развивать культуру, как решать вопросы интеграции родного народа в систему общемировой цивилизации.

Заключение

Философия актуализируется в преддверии тектонических сдвигов общественного бытия, становясь реально действующей теорией, активно влияющей на практику. В настоящее время, когда проблема противостояния технократизму приобретает острый характер, когда изо дня в день актуален вопрос о сохранении и спасении цивилизации, обращение к наследию классиков принимает непреходящее значение. Новая, личностно-ориентированная философия образования XXI в. и культуuroобразующее творчество А. Е. Кулаковского имеют общую точку зрения на духовные ценности.

В наш век, когда в обществе умножается количество профессионально компетентных, но бездуховных индивидов, необходима концепция духовного, мировоззренческого воспитания, открывающая путь к свободному (уже вне системы образования) собственному поиску мировоззрения. При таком подходе к духовному воспитанию возможно достижение гармоничного сочетания качеств конкурентоспособности (воспитание усердия, устремленности к успеху и благосостоянию) с гуманитаризацией личности.

Выдвинутые А. Е. Кулаковским в начале XX в. идеи добра, представление о счастье и предназначении человека обретают актуальность в унисон с современными аспектами духовной культуры.

Л и т е р а т у р а

1. Алексеев Е. Е. Мировоззрение А. Е. Кулаковского. – Якутск, 2002.
2. Зувев Д. Д. Педагогическая публицистика. Какой должна быть педагогика XXI в.? // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 97-101.
3. Иванов В. Н. От редактора // Кулаковский А.Е. О русском народе, его культуре. – Якутск, 2002. – С. 3-5.
4. Кочетков В. И. Зачинатель якутской литературы // Кулаковский А. Наступление лета: Стихи и проза. Избр. соч. – М.: Современник, 1986. – С. 3-14.

5. Кулаковский А. Е. Сновидение шамана. – М.: Художественная литература, 1990. – 250 с.
6. Кулаковский А. Е. Якутской интеллигенции. – Новосибирск: Наука, 2012. – 189 с.
7. Лазарев С. Н. Человек будущего. Воспитание родителей. Ч. 3. – СПб., 2009. – 224 с.
8. Максимова П. В. Поэмы А. Е. Кулаковского // Максимова П. В., Григорьева Л. П. Композиционный анализ поэмы. – Якутск, 2009. – С. 13-41.
9. Маслов Н. Духовная основа русского воспитания // AlmaMater (Вестник высшей школы) – 2004. – № 4. – С. 36-41.
10. Nogovitsyn A. P. Textological analysis of the early editions of A. E. Kulakovskiy's literary texts // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Вопросы национальных литератур» / Vestnik of North-Eastern Federal University "Issues of national literature" series), 2021, № 1 (01). – С. 61-71. <http://litteraesvfu.ru/index.php/journal1/article/view/5/rtfsf>
11. Пархоменко М., Сыромятников Г. Алексей Елисеевич Кулаковский // Кулаковский А. Песня якута. – М.: Советская Россия, 1977. – С. 5-28.
12. Сивцева-Максимова П. В. Опыт сопоставительного анализа трудов Вука Караджича и Алексея Кулаковского: вопросы языка и фольклора // Вестник Северо-Восточного университета им. М.К. Аммосова, 2019 – № 5 (73). – С. 109-123 <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/dnii/vestnik-svfu/pv/Sivtseva-MaksimovaPV-The%20Experience%20of%20Comparative%20Analysis%20of%20Vuk%20Karadzic%20and%20Alexei.pdf>

References

1. Alekseev E. E. Mirovozzrenie A. E. Kulakovskogo. – Yakutsk, 2002.
2. Zuev D. D. Pedagogicheskaya publicistika. Kakoj dolzhna byt' pedagogika НКХИ v.? // Pedagogika. – 2003. – № 10. – С. 97-101.
3. Ivanov V. N. Ot redaktora // Kulakovskij A. E. O russkom narode, ego kul'ture. – Yakutsk, 2002. – С. 3-5.
4. Kochetkov V. I. Zachinatel' yakutskoj literatury // Kulakovskij A. Nastuplenie leta: Stihi i proza: Izbr. soch. – М.: Sovremennik, 1986. – С. 3-14.
5. Kulakovskij A. E. Snovidenie shamana. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 250 s.
6. Kulakovskij A. E. Yakutskoj intelligencii. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – 189 s.
7. Lazarev S. N. Chelovek budushchego. Vospitanie roditel'ej. Ch. 3. – SPb., 2009. – 224 s.
8. Maksimova P. V. Poemy A. E. Kulakovskogo // Maksimova P. V., Grigor'eva L. P. Kompozicionnyj analiz poemy. – Yakutsk, 2009. – С. 13-41.
9. Maslov N. Duhovnaya osnova russkogo vospitaniya // AlmaMater (Vestnik vysshej shkoly) – 2004. – № 4. – С. 36-41.
10. Nogovitsyn A. P. Textological analysis of the early editions of A. E. Kulakovskiy's literary texts // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya «Voprosy nacional'nyh literatur» / Vestnik of North-Eastern Federal University "Issues of national literature" series), 2021, № 1 (01). – С. 61-71. <http://litteraesvfu.ru/index.php/journal1/article/view/5/rtfsf>
11. Parhomenko M., Syromyatnikov G. Aleksej Eliseevich Kulakovskij // Kulakovskij A. Pesnya yakuta. – М.: Sovetskaya Rossiya, 1977. – С. 5-28.
12. Sivtseva-Maksimova P. V. Opyt sopostavitel'nogo analiza trudov Vuka Karadzichicha i Alekseya Kulakovskogo: voprosy yazyka i fol'klora // Vestnik Severo-Vostochnogo universiteta im. M.K. Ammosova, 2019 – № 5 (73). – С. 109-123 <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/dnii/vestnik-svfu/pv/Sivtseva-MaksimovaPV-The%20Experience%20of%20Comparative%20Analysis%20of%20Vuk%20Karadzic%20and%20Alexei.pdf>

– ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФОЛЬКЛОРА, ПОЭТИКА –

УДК 398.22

N. A. Khubbitdinova

**Artistic features of folklore traditions in the works
of the Bashkir poets-enlighteners of the 19th century
M. Akmulla and M. Umetbaev**

Institute of History, Language and Literature, UFRC RAS, Ufa, Russian Federation

Abstract. *The relevance* of the problem under consideration in the article is the analysis of the creative peculiarities of the Bashkir poets-educators of the 19th century Miftikhetdin Akmulla and Mukhametsalim Umetbaev, who turned to the folk traditions. With their progressive activities and bright poetic works, they brought light to people, called on them to master knowledge and become an advanced man of their people.

The purpose of the article is to identify and analyze folklore traditions in the work of these poets, for which the task *is solved*: using the case of poems to demonstrate the features of the artistic use of the folklore traditions identified in their work. The *research method* was comparative, analytical methods of analysis.

As a result, it was found that Akmulla and M. Umetbaev enriched their poems, appeals, messages – *hitaps* – with the traditions of Bashkir oral folk art, wrote in their native Bashkir language, which made them closer to common people. By this, their works were of the folk nature and expressed the dreams, hopes and aspirations of people. *As a conclusion*, it was found, in particular, that in their work poets most often turned to proverbs and sayings, which were often gleaned not only from the lips of the people, but also created by them; they turned to the ritual folklore of the Bashkirs and described one of the most colorful scenes of the national wedding in the poetic form. The study of the work of Bashkir poets and writers in this vein will *allow in the future* to reveal more deeply the poetic originality of their works, in which folklore traditions were used for certain artistic purposes.

Keywords: poets-enlighteners, sesen-improviser, Bashkir literature, poetry, poems, folklore traditions, proverbs, sayings.

ХУББИТДИНОВА Нэркэс Ахметовна – д. филол. н., главный научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

E-mail: narkas08@mail.ru

KHUBBITDINOVA Nerkes Akhmetovna – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Н. А. Хуббитдинова

Художественное отражение фольклорных традиций в творчестве башкирских поэтов просветителей XIX в. М. Акмуллы и М. Уметбаева

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия

Аннотация. В статье представляется анализ творческого своеобразия башкирских поэтов-просветителей XIX века Мифтихетдина Акмуллы и Мухаметсалима Уметбаева, в произведениях которых сохраняются фольклорные традиции, в чем заключается актуальность поставленной проблемы. Они своей прогрессивной деятельностью и яркими поэтическими произведениями несли свет людям, призывали овладевать знаниями и стать передовым человеком своего народа.

В статье ставится цель выявить и проанализировать фольклорные традиции в творчестве указанных поэтов, для чего решается задача: на примере стихотворений продемонстрировать особенности художественного использования выявленных в их творчестве фольклорных традиций. Методом исследования являются сравнительно-сопоставительный и герменевтический приемы анализа особенностей языка поэтических произведений.

В результате было установлено, что свои стихи, призывы, послания-хитапы М. Акмулла и М. Уметбаев обогатили традициями башкирского устного народного творчества, писали на своем родном башкирском языке, чем стали ближе к простому народу. Их произведения были народными и выражали мечты, чаяния, стремления и надежды людей. В представленной статье установлено, в частности, что в своем творчестве поэты чаще всего обращались к пословицам и поговоркам, которые зачастую были почерпнуты не только из народных уст, но и создавались ими самими; они обращались к обрядовому фольклору башкир и в поэтической форме описали один самых красочных сцен национальной свадьбы. Изучение творчества башкирских поэтов и писателей в данном ключе позволит в перспективе глубже раскрыть поэтические своеобразия их произведений, в которых в определенных художественных целях были использованы фольклорные традиции.

Ключевые слова: поэты-просветители, сэсэн-импровизатор, башкирская литература, поэзия, стихотворения, фольклорные традиции, пословицы, поговорки.

Introduction

Bashkir literature of the second half of the 19th century developed against the background of socio-political, socio-economic changes taking place in Bashkortostan. During the era of the Great Reforms, events such as the abolition of serfdom, the abolition of the cantonal system, a new administrative structure, agrarian reform, etc. took place [3, p. 381]. In the spiritual culture sphere during these years there were progressive, democratic tendencies that led to the struggle against feudal backwardness and stagnation, religious fanaticism; transformations began in the field of public education, new-method teaching was introduced, the networks of secular Russian-Bashkir schools and madrasses were expanding; an educational trend is developing in the literature, etc. And during this period, folklore also had a noticeable influence on literature [13, p. 293-294, 296]. The development of oral-poetic folk art continued in the works of Akmulla, M. Umetbaev and later in the works of M. Gafuri, S. Yakshigulov, H. Gabitov,

Sh. Babich, Sh. Aminev-Tamyani, F. Tuikin, R. Fakhretdinov, F. Suleimanov and others [6, p. 205].

The creative works of M. Akmulla and M. Umetbaev were studied in the works of G.B. Khusainova, G.S. Kunafin, A.Kh. Vildanova, A.M. Suleimanov [4, 7, 15, 10]. But they are more devoted to the study of the whole biography, creative and educational activities of these poets. A.M. Suleimanov came closest to the problem under consideration of the study of folklore features in their poetry. However, in his work, this problem is still insufficiently complete. In this article, we made an attempt to consider the features of the use of folk proverbs and sayings in the work of poets and the possibility of the transition of author's aphorisms into Bashkir folk art. This is the purpose of the article.

Main part. Artistic and aesthetic peculiarities of folklore traditions in the poems of Akmulla and M. Umetbaev

Miftahetdin bin Kamaletdin bin Ishmukhamet al-Bashkordi – Akmulla (1831-1895) is known as a Bashkir enlightener, poet-storyteller-*sesen*. In his poems and improvisations, calls for enlightenment and light are heard, to be well-mannered and serve your people, to learn to separate good from bad, black from white, to value time, they contain didactic instructions to strive for knowledge, not to waste time, to master various crafts and etc. [6, p. 206] Akmulla – a poet of fraternal peoples – Bashkirs, Kazakhs, Tatars went down in the history of their literatures as a passionate champion of enlightenment and progress, *sesen*-improviser, singer of truth, goodness and justice, defender of the interests of ordinary people inhabiting the Volga region, Bashkiria and Kazakhstan [15, p. 14]. Due to this, images and plots of oral poetic creativity of these peoples were reflected in his poetry. For example, in his poems, hitaps, frequent images are a horse, a falcon, a gyrfalcon, an eagle and other images found in the oral and poetic work of fraternal peoples. If the Kazakh researcher Saken Sayfullin claims that they belong to Kazakh folklore, then A.Kh. Vildanov, studying the work of Akmulla, indicates their belonging to the Bashkir oral-poetic creativity [15, p. 91-92]. These characters, moving from verse to verse, from *kubair* (seven or more complex poetic epic of a heroic nature) to *kubair*, were polished by the poet-improviser and represented generalized traditional images [6, p. 206].

Akmulla has absorbed poetic, genre features, originality of artistic pictorial means, folklore in particular of these peoples. First of all, being a poet-educator calling his people to knowledge and education, according to G.B. Khusainov, Akmulla, with his work, “raised educational literature to the level of a big, artistic word, and gave poetic satire an acute social significance” [4, p. 505]. However, such statements are limited and static. In this matter, A.M. Suleymanov, the poetry of *sesen* has not yet been subjected to special study by folklorists, and he himself conducted a number of studies in this direction, reflected in his book "Three Miracles" (2009). So, in particular, in some of the appeals, edifications of the *sesen* of a didactic nature ("Yrau", "Listen to this ..." and others), he revealed the masterful use of the poetic tradition of the narrators-improvisers *tulgau*, the poetic appeal-*hitap* to the listeners above [10, p. 51].

The works of Akmulla, in general, were characterized by an artistic expression of imagery of thoughts, allegory and aphorisms that reveal themselves among Bashkir folk proverbs and sayings. Sometimes it is impossible to immediately catch and differentiate folk proverbs from the author's aphorisms, wise words and expressions. Because, "didactic poems from old manuscripts, poems of the poet Akmulla, as well as works that came from the classical East, to a certain extent, have replenished the composition of Bashkir proverbs." For example, the sayings "from a bad word on the soul sediment", "good and evil - on the person", "the falcon will not fall into a sparrow's snare" go back to the work of Akmulla [9, p. 57].

Thus, Akmulla's poem "My place is zindan" depicts a gloomy picture of the poet's being in captivity, his suffering and torment. This poem is rich in author's aphorisms and wise sayings, which give rise to reminiscences of folk proverbs and sayings ("Forever is not worth the good who does not want to know", "An ignoramus will never take a reproach", "A prophet of a foreign land is always not to the enemy's liking", "Black boars do not cling to the white maral", etc.)

There are many proverbs and sayings among the people about good and evil, about their role in people's lives, about the struggle of dualistic forces in it, etc. For example, such aphoristic sayings, proverbs and sayings are known that express the value of the value of gold - good, truth: good is never forgotten, no matter how dirty the gold is, it will not cease to remain gold. These concepts are allusive with Bashkir folk proverbs and sayings: "Gold will not be forgotten in the earth, kindness will not get lost", "Truth will not lie in the ground", "Gold will not rust, kindness will not be forgotten", "A pig will remain a pig, cannot become a beaver" etc. at Akmulla they turned into *eitems, tulgau*:

... No matter how much you scold the good, it will be good,
The taste of the soul will not disappear from dirty words.
Smear gold with dung, gold will be,
The dung will go away, the value of the gold will not go away.

The arrow will not take off a curve in a straight line,
You cannot remove the consequences of dirty words from your soul.
From the fact that the dog, raging, angrily barks into the sky,
The moon in the sky will not lose its light, -

where by gold one must understand good, that good does not fade and is not forgotten for years, no matter how dirty and vilified it, good will remain good ("My place is zindan") [1, p. 134]. These author's aphoristic statements in many ways cause an intertextual connection with folk aphorisms and, at the same time, complement folk proverbs and sayings, apt words in an allegorical hypostasis. To express real life pictures, events, everyday relationships between people, moral and ethical principles, the poet unconsciously turns to archetypal folk traditions, folk ethical worldview. Because he himself is a representative of this ethnos, a bearer and disseminator of its traditions.

Such popular proverbs as "And much is enough, and little is enough", "He who does not know the price, the small price will not comprehend much", "Stretch your leg over the blanket" echoes the main idea and meaning of Akmulla's verse "Satisfaction", which welcomes the human quality small, that God sent:

... By rank, go to the red corner,
In il (home, native land) you will put on a fur coat for the feast.
Be content with what is in your hands -
A mare is loaded along the mane with a pack [1, p. 129]

As a result, the traditions of folk art and the poet's poems form an organic unity, complementing each other and helping to convey the fullness of the content, helping to increase the artistic level of the work, deepening its ideological and aesthetic significance. Here we see a vivid example of the mutual influence and mutual enrichment of folklore and literary traditions.

Consequently, on the one hand, the *sesen* and the poet Akmulla, with their creativity, supplemented and enriched the national heritage – proverbs and sayings, on the other hand, they are summarized in his poetic sayings, messages, *hitaps* - appeals, *garyzنام* – letters of petition, *shikayats* – letters – complaints and others based on the ideological and aesthetic goals of the poet. With the help of short, capacious aphoristic expressions, the poet in his poems expresses deep meaning and raises moral and ethical problems that are relevant for his time, carries out important educational ideas, raises the high and denounces the low. All this allows Akmulla's works to receive "special power and general political, social sound" in literature and make him the most well-known and beloved among the peoples [7, p. 48].

The people, as mentioned above, have a tradition since ancient times to leave after their departure (before going on a campaign to the war, sending to the service or simply leaving for a long time) memos – '*yadkyar*'. In them, a leaving person usually left for his friends and family his memories of past days, times spent together, well wishes, wills, orders are given, in which the confessional tone of recollections dominates, sustained in the spirit of the individual's thoughts

about himself. Composed under the influence of life's tragedies or changes in fate, they contain deeply philosophical generalizations, human reflections on life. Hence their significance as a folk code and the art of words [2, p. 35].

.. When we left the village:

Raised the fog (s).

Goodbye our dears

It is hardly given to us to return, -

so the soldiers sang, for example, leaving for the royal service. In such songs, the theme of eternal separation is heard, which is the pivotal one [2, p. 36].

These ritual songs, in general, can also be classified as *yadkar* – poetry for memory. Since they are intended for relatives and friends who have remained at home, who will then remember the youths and men who have gone to the army (for the war) by these songs.

The works of Mukhametsalim Ishmukhametovich Umetbaev (1841-1907) – poet-educator, publicist, public and statesman – are generally written in the form of wills and orders in the form of letters – *maktub*, appeals – *hitap* ("Friend", "Yearning", "Master Mirsalikh Biksurin ", etc.). No wonder the collection of his works is called 'Yadkar' (1897). Of course, the yadkar left by him does not have the traditional appearance, form and content that was observed above. However, in general, it contains materials of a folklore-ethnographic, historical and creative nature, which in their essence serve as an edification, a mandate in memory of future generations. M. Umetbaev saw folklore as one of the sources of knowledge of the history and spiritual heritage of his people. In this matter, he followed the teachings and thoughts of Russian enlighteners and progressive-minded people that "to educate the people it is necessary to use folklore as much as possible", and he himself diligently collected epic tales, legends, samples of ritual poetry [8, p. 155]. He not only recorded the material (epic, proverbs and sayings, ritual folklore, etc.), but also engaged in its propaganda, published samples in print, translated into Russian. He saw the importance of the role of folk art in pedagogy and education of the younger generation. The influence of folklore on the literary work of M. Umetbaev is described, for example, by his poem "On seeing off Bashkir girls in the past", in which a colorful picture of a Bashkir wedding with some of its ceremonies and rituals is conveyed through artistic techniques and methods.

At the heart of any wedding ceremony are certain actions based on superstitious beliefs and beliefs. "Rite is a model of ordering the world, a guarantor of well-being and morality ... Myths, beliefs, cults as primary knowledge constitute the ideological basis of ritual culture" [2, p. 38]. Over time, myth-making actions under the influence of the Islamic tradition are clothed in Muslim rituals, and the ideological fundamental takes on a formal form. However, the wedding event and its associated ceremonies are one of the few traditions that are still preserved and performed. "... Despite the disappearance of many archaic cultures, the wedding ceremony shows amazing stability in the memory of people, and also begins to live in a transformed way in modern ritual practice" [2, p. 47]. Ultimately, the wedding ceremony begins to act as a comically theatrical performance, as an entertainment event, on the one hand, and as a tribute to the past, on the other hand, where all members of the spouses' family take part in the "crowd". Indeed, the wedding ritual with its colorful series of actions and the festive mood of the participants, in turn, played an important role in the birth and development of the foundations of national drama. As the researcher of the poetics of Bashkir drama T.A. Kilmukhametov, "wedding rituals, *sabantuy* (spring holiday of the plow. – N.Kh.) also feed the playwright's imagination with a certain content and stimulate the vital basis of his ideological and creative searches ..." [5, p. 19]. So, the very reality, the way of life of the people, the wedding in this case, having formed a single artistic integrity, where each member of the clan, the family is assigned a role, later contributed to the development and improvement of the performing arts.

The wedding itself, in turn, consists of many complementary links of the same chain, thanks to which a complete picture of the event emerges. At the initial stage of the wedding ceremony (here we are talking directly about the wedding itself), before the arrival of the groom at the bride's house, the latter is hidden from him. Under the hiding of the bride R.A. Sultangareeva sees "the desire of people to deceive malevolent spirits at the "critical" moments of life" [11, p. 74].

The groom, in turn, must find the hidden bride together with his friends. If she runs away, then he must catch up with her and return her back in his arms. It is possible that archaic beliefs associated with the ancient rite of "conquering the marriage rights to a woman" are also hidden here. In wedding rituals, this is associated with the rite of hiding the bride. Overcoming obstacles and finding a bride is one of the conditions, tests for the groom, allowing him to marry a girl, and a girl to marry him.

The wedding picture of the bride's shelter found its vivid artistic reincarnation in the aforementioned poem by M. Umetbaev:

... First, the girl is hidden
 In the field, or in the house, they are locked.
 No, there is no way you can help the groom,
 First, having rushed, he began to look for her on foot...
 There it is, here it lies, they say everyone around him,
 There is a noise, hey, shouting.
 ... Yeget will not stop until he finds the maiden...
 If you don't have enough strength in your arms to carry,
 He will choose one to carry ... [14, p. 22]

At the heart of each wedding ritual is the meaning of the transition of young people to another space in a different capacity, stepping over certain boundaries, acquiring a new status in a foreign family, community. A wedding is a kind of springboard into the future in the life of the young – the bride and groom in a new capacity. In this regard, with special trepidation and tenderness, they performed the rite of assigning a new status to a young girl, the transition to the position of a married woman, which consisted in dressing her in the clothes of a woman [12, p. 92]. So, seeing off the groom to the house, they take off the girl's *takiya* (skullcap) headdress from the bride's head, intertwine two braids into one and put on the *kashmau*, the woman's headdress. "The ceremony sanctioned the transitional border: after that, the bride is initiated into all the values of female duties:

Be fertile like a quail
 Be sweeter than running water
 Be careful of the crackling magpie,
 Be gentle with your husband
 Be friendly with your mother-in-law "–
 so they sang and sent good wishes, gave advice, taught, instructed the young bride [2, p. 49].
 M. Umetbaev did not pass by this episode of the wedding ceremony.
 ... The future daughter-in-law is clean from sins,
 Now she will dress loosely <from head to toe>
 Hakal (bib), *takiyu* wears - a young maiden,
 Tuby *kashmau* <wears> - a woman already knows ... [14, p. 71]

So, in a poetic form, the poet summarized one of the important points - the initiation rite of a young girl, who, after marriage, acquires a new status. According to folk traditions, these changes concerned not only the external form, but also the content, the inner essence, the deeply emotional state of the girl in a new quality.

This poem also poeticized such pictures of wedding folklore as the struggle of unmarried girls and daughters-in-law - the wives of older brothers and uncles - for the bride's skullcap-*takiya* in front of her being sent off to the groom's house, where strong and experienced women-

daughters-in-law usually win in a symbolic way; hanging takii (skullcap) on a branch of a tree and crying farewell of the bride to the period of girlhood, lamenting the girlfriends performing senlyau (cry), treating the girlfriends with girl's tea for the last time, etc. [14, p. 71-72].

So, in his poem "On seeing off Bashkir girls in the past" M. Umetbaev appears in several guises: an expert on Bashkir folk ritual art, its popularizer and keeper, a poet who knows the art of words, who was able to convey and generalize one of the wedding pictures in a poetic style. Tradition – seeing the girl off to the groom's house.

In general, M. Umetbaev's work was diverse and versatile. As a person with advanced views, he was interested in the social position of the people, its history, ethnography, folklore, reflected them in his journalistic publications and articles, expressed his attitude towards them ("Bashkirs", "Materials on the history of Ufa", "On Literature and Education", "In the city of Bakhchisarai", "The great poet Alexander Pushkin", "Akmulla", legends, kubair "Idukai and Muradym", etc.). M. Umetbaev was not only engaged in fixing some samples, but also successfully used their traditions, artistically reincarnating in his work. The result of such creative work was the poem "On seeing off Bashkir girls in the past".

Conclusion

Thus, in the work of the Bashkir poet educators M. Akmulla and M. Umetbaev, folklore traditions, as well as ethnographic pictures from the life and life of the Bashkirs, found artistic reflection. Their works were truly folk, because they fought for the purity of their native Bashkir language and used the original oral and poetic characteristics of their people for artistic and aesthetic purposes. By this, they enlightened their people, brought them knowledge and light not veiled by the Arab-Persian traditions, namely by using their native speech, rich in poetic imagery and richness of language.

References

1. Akmulla. Poems. – Ufa: Bashknigoizdat, 1981. – 224 p. (in Bashkir language).
2. Bashkir folk art: Ritual folklore. – Ufa: Kitap, 2010. – Vol. 12. – 592 p.
3. History of Bashkortostan from ancient times to the present day: in 2 vol. - Ufa: Kitap, 2007. V.1. – 488 p.
4. Khusainov G. B. Literature and Science. – Ufa: Gilem, 1998. – 613 p.
5. Kilmukhametov T. A. Poetics of Bashkir drama: 2 revised editions. – Ufa: Kitap, 2008. – 488 p. (in Bashkir language).
6. Khubbitdinova N. A. Folklore in Bashkir literature: artistic and aesthetic aspect (XIII – early XX century). – Ufa: Gilem, 2016. – 276 p.
7. Kunafin G. S. A poetic echo of the past. – Ufa: Kitap, 2004. – 316 p.
8. Kunafin G. S. Bashkir poetry XIX – early. XX century: Questions of genre, ideological and artistic features. – Ufa: Gilem, 2011. – 480 p.
9. Nadrshina F. A. Truthful words of Akmulla // "... By the mind in your country you will know": Materials of the Interregional scientific conference dedicated to the 175th anniversary of Akmulla. – Ufa, 2006. – P.53-57 (in Bashkir language).
10. Suleimanov A. M. Three miracles. – Ufa: Kitap, 2009. – 296 p. (in Bashkir language).
11. Sultangareeva R. A. The cult of ancestors in the ritual folklore of the Bashkirs // Bashkir folklore (research and materials): collection of articles. Art. and mater. – Ufa, 1993. – P. 80-93.
12. Sultangareeva R. A. Bashkir wedding ritual folklore. – Ufa: UC RAS, 1994. – 191 p.
13. The history of Bashkir literature: from ancient times to the beginning of the twentieth century: in 3 vol. – Ufa: Kitap, 2012. V.1. – 560 p.
14. Umetbaev M. Yadkar. – Ufa: Kitap, 2011. – 344 p. (in Bashkir language).
15. Vildanov A. Kh. Akmulla – Singer of Freedom // Akmulla. Poems. – Ufa: Bashknigoizdat, 1981. – P. 7–38 (in Bashkir language).

References

1. Akmulla. Stihi. – Ufa: Bashknigoizdat, 1981. – 224 s. (na bash.yaz.)
2. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo: Obryadovyj fol'klor. Ufa: Kitap, 2010. – T.12. – 592 s.
3. Istoriya Bashkortostana s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 2 t. – Ufa: Kitap, 2007. T.1. – 488 s.
4. Husainov G. B. Literatura i nauka. – Ufa: Gilem, 1998. – 613 s.
5. Kil'muhametov T. A. Poetika bashkirskoj dramaturgii: 2 pererabotannoe izdanie. – Ufa: Kitap, 2008. – 488 s. (na bashk. yaz.).
6. Hubbitdinova N. A. Fol'klor v bashkirskoj literature: hudozhestvenno-esteticheskij aspekt (XIII – nach.XX v.). – Ufa: Gilem, 2016. – 276 s.
7. Kunafin G. S. Poeticheskoe ekho proshlogo. – Ufa: Kitap, 2004. – 316 s.
8. Kunafin G. S. Poeticheskaya raduga Akmully. – Ufa: Kitap, 2011. – 272 s.
9. Nadrshina, F. A. Pravdivye slova Akmully // «...Po umu v svoej strane ty budesh' znat'sya»: Materialy Mezhtregional'noj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 175-letiyu Akmully. – Ufa, 2006. – S.53-57 (na bash. yaz.).
10. Sulejmanov A. M. Tri chuda. – Ufa: Kitap, 2009. – 296 s. (na bash. yaz.).
11. Sultangareeva R. A. Kul't predkov v obryadovom fol'klore bashkir // Bashkirskij fol'klor (issledovaniya i materialy): sb. st. i mater. – Ufa, 1993. – S.80-93.
12. Sultangareeva R. A. Bashkirskij svadebno-obryadovyj fol'klor. – Ufa: UNC RAN, 1994. – 191 s.
13. Istoriya bashkirskoj literatury: s drevnejshih vremen do nachala XX veka: v 3-h t. – Ufa: Kitap, 2012. T.1. – 560 s.
14. Umetbaev M. Yadkar. – Ufa: Kitap, 2011. – 344 s.
15. Vil'danov A. H. Akmulla – pevets svobody // Akmulla. Stihi. – Ufa: Bashknigoizdat, 1981. – S. 7–38 (na bash. yaz.).

– ИНФОРМАЦИИ, ХРОНИКА –*С. И. Иманова***К 75-летию Бакинского славянского университета**

Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

После окончания Великой Отечественной войны в 1946 году с целью плановой подготовки учителей иностранных языков для национальных школ Азербайджана постановлением ЦК КП Республики был создан Учительский институт русского языка и литературы, которому присвоили имя выдающегося азербайджанского просветителя, писателя, философа Мирзы Фатали Ахундова – одного из первых пропагандистов изучения русского языка.

Ректором института был назначен заслуженный учитель Азербайджана Алексей Спиридонович Логинов. Коллектив учебного заведения занимался подготовкой опытных специалистов в основном в области преподавания русского языка в национальной школе, в частности, азербайджанской. Была разработана программа, в которой учитывались тонкости преподавания русского языка в национальной среде. В нее включалась сопоставительная грамматика русского и азербайджанского языков. Но постепенно возникла необходимость расширения подготовки кадров, и в этой связи в 1952 году на базе Учительского института создается Азербайджанский педагогический институт русского языка и литературы имени М. Ф. Ахундова, способствовавший еще большему углубленному изучению русского языка и литературы. Расширяется масштаб работы вуза, в частности, издается журнал «Ученые записки», появляются научные достижения в области русской филологии, проводятся научно-практические конференции и т. д. Известными выпускниками АПИ русского языка и литературы имени М. Ф. Ахундова являются профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки, ученый-энциклопедист, основоположник метода окружения фразеологических единиц Мамед Таги оглу Тагиев; профессор, доктор филологических наук С. А. Асадуллаев.

АПИ русского языка и литературы имени М. Ф. Ахундова фактически был первым специализированным институтом подготовки учителей русского языка и литературы, опыт которого использовался в создании аналогичных учебных центров в других республиках.

В 2000 году указом Президента Азербайджана от 13 июня на базе Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы имени М. Ф. Ахундова был создан Бакинский славянский университет – уникальное по масштабу специализации высшее учебное заведение, в стенах которого проводилась подготовка профессиональных кадров по редким для всего восточного региона профессиям.

Назначенный ректором БСУ профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки, поэт, писатель, драматург Камал Абдуллаев претворил в жизнь широкую программу реформ, благодаря которой университет стал одним из ведущих высших учебных заведений страны.

ИМАНОВА Севиндж Ингилаб гызы – к. филол. н., ведущий специалист отдела азербайджановедения и славистики Научно-исследовательской лаборатории Бакинского славянского университета.

E-mail: sevinc10@rambler.ru

IMANOVA Sevinj Ingilab – Candidate of Philological Sciences, Leading Specialist of the Department of Azerbaijan Studies and Slavic Studies, Research Laboratory, Baku Slavic University.

В Бакинском славянском университете ведется разработка новых учебных программ по истории и теории русского языка и русской литературы, изучаются новые направления – балканистика, россиеведение, украинский, белорусский, чешский, польский, болгарский языки и литература. Создаются учебно-культурные центры этих стран, а также работают научно-исследовательские лаборатории «Тюрко-славянские связи», «Страноведение», «Центр перевода» и др. Изучение этих направлений особенно актуально сейчас, что обуславливает новые подходы к преподаванию дисциплин. В университете регулярно проводятся встречи с послами перечисленных стран («посольский час») и т. п.

В сотрудничестве с посольством Российской Федерации разрабатываются современные методы преподавания русского языка и литературы в школах и вузах страны. Плановую работу ведет Республиканский Координационный совет учителей русского языка и литературы.

Большое внимание уделяется изучению текста художественных произведений, что помогает раскрытию идейного замысла произведений, характеров героев, выявлению художественных особенностей произведений и стиля того или иного писателя, и самое главное – найти ответ на волнующие человека проблемы и вопросы. Огромную роль в развитии и усовершенствовании речи учащихся играет метод беседы, при котором завязывается поучительный диалог.

В университете функционирует Совет по защите докторских диссертаций по четырем специальностям: Славянские языки, Сравнительно-типологическое и сопоставительно-историческое языкознание, Русская литература, Теория литературы.

С 1947 года издается научно-методический журнал «Русский язык и литература в Азербайджане», где публикуются статьи и научные разработки не только отечественных, но и зарубежных ученых. Журнал помогает в решении актуальных проблем преподавания русского языка и литературы, представляет информацию о новейших достижениях русистики.

Газеты, журналы, выпускаемые в БСУ, являются своеобразной трибуной живого общения на русском языке. Для углубленного изучения русского языка и литературы функционируют культурно-образовательные центры «Московская аудитория» и «Санкт-Петербург», где регулярно проводятся занятия со студентами, изучающими русский язык и литературу. Под рубрикой «Библиотека филолога – 100» издаются работы выдающихся филологов.

Необходимо отметить педагогический опыт профессора, доктора филологических наук М. К. Коджаева, профессора Р. Г. Кулиевой, прививающих навыки глубокого осмысления художественного текста. При изучении и разборе эпических произведений следует обратить внимание на проведение семинарских занятий, где профессор Р. Г. Кулиева особое место отводит изучению текста, включающего подробный пересказ, раскрытие смысла «между строк», значимость слова, его звучание, огласовку и т. д., что способствует целостному анализу текста. Студенты готовятся к этим занятиям как самостоятельно, так и под руководством преподавателя. Параллельно преподаватель дает сведения по теории литературы, прививает индивидуальный подход к художественному слову, закладывая тем самым фундамент для дальнейшей самостоятельной работы студента с книгой, которая осуществляется путем реферирования, тезирования, аннотирования и конспектирования.

Бакинский славянский университет выделяется и особенностью своих преподавательских кадров, которые воспитали не одно поколение ученых. В этом ряду необходимо отметить и лекции проф. Асифа Гаджиева, проф. Аслана Мамедли. Они выделяются глубиной и широтой охвата материала, умением соединять информацию, лежащую в разных плоскостях.

Университет достойно встречает свое 75-летие, планируя в эпоху мультикультурализма и глобализации решать проблемы научной подготовки кадров, способствуя изучению и сближению культур славянских и тюркских народов.

ХII Международная научная конференция «Актуальные проблемы азербайджановедения», посвященная 98 годовщине со дня рождения общенационального лидера Гейдара Алиева

30 апреля 2021 года в Бакинском славянском университете состоялась XII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы азербайджановедения», посвященная 98 годовщине со дня рождения общенационального лидера Гейдара Алиева.

Работа ежегодной конференции, проводимой с 2010-го года, проходила по следующим секциям:

1. Общенациональный лидер Гейдар Алиев и идеология азербайджанства.
2. Отечественная война – Карабах – Азербайджан!
3. Низами Гянджеви и азербайджановедение.
4. Азербайджановедение и вопросы филологии.
5. Актуальные проблемы истории и культуры Азербайджана.
6. Экономика Азербайджана и глобализация.
7. Актуальные проблемы юридических и политических наук.

В отдел Азербайджановедения и славистики Научно-исследовательской лаборатории Бакинского славянского университета поступило 135 статей, 8 из которых были отклонены Оргкомитетом. Заявлено было 117 статей ученых Азербайджана, и 10 – из зарубежных стран – России (Саратов), Башкортостана (Уфа), Казахстана (Уральск, Шимкент), Узбекистана (Республика Каракалпакстан, Нукус).

Пленарное заседание конференции открыла ректор БСУ, профессор Нурлана Алиева с докладом «Общенациональный лидер Гейдар Алиев и современный Азербайджан». Выступили на пленарном заседании проректора БСУ – профессор Рафик Новрузов и профессор Тельман Джафаров; председатель Нахчыванского филиала НАНА академик Исмаил Гаджиев; профессор Западно-Казахстанского университета, академик Туякбай Рысбеков, профессор Южно-Казахстанского университета Алия Кулумбетова; профессор Каракалпакского государственного университета Малейка Джумамуратова, а также участники секционных платформ. Подвел итоги со словами благодарности заведующий отделом Азербайджановедения и славистики НИЛ Бакинского славянского университета доцент Садир Мамедов.

На форуме были рассмотрены различные аспекты азербайджановедения в контексте современности; состоялся плодотворный обмен мнениями.

В связи с пандемией COVID-19 конференция проходила в онлайн-формате. В условиях пандемии и вынужденного локдауна конференция сблизила ученых разных стран и дала мощный импульс новым исканиям в области азербайджановедения и славистики.

Материалы конференции были изданы сборником, а участникам форума были выданы Сертификаты.

**СЕРИЯ «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР»
ВЕСТНИКА
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Сетевое издание

2 (02) 2021

Технический редактор *В. Е. Степанова*
Компьютерная верстка *В. А. Максимова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 01.07.2021

Формат 70×108/16.

Дата выхода в свет 01.07.2021